

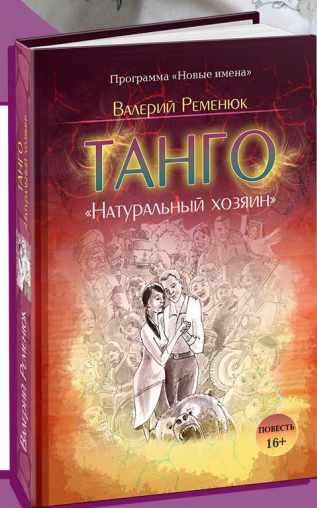
12+

10/2018

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Литературно-художественный журнал

Герой номера Валерий Ременюк

«...Хорошая музыка вообще, как особый удивительный мир творчества, часто высекает искру образов, ассоциаций, от которых тянется ниточка новых стихов...»

с. 11

«Вертеп санаторного типа»: Третье дело
детективного агентства «Ринг»

с. 18

Творческий кризис,
или Как выбраться из лабиринта

с. 26

Редколлегия:

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь: **С. А. Чалый**

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:

Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44

Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел: 8-800-301-2620

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 10.10.2018
Журнал вышел в свет 16.10.2018
Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
122 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный
журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 10/2018

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Музыка дождя, вальс листьев и
литературные новинки..... 3

Литературный календарь

Литературный календарь..... 4

Литературные события 8

Литературные конкурсы 9

Герой номера

Современный писатель и его читатель.

Современный музыкант и его слушатель.

Мнение Валерия Ременюка..... 11

Литературный мир

Жизнь в ритме рока..... 16

Обзор книжных новинок

«Вертеп санаторного типа»: Третье дело
детективного агентства «Ринг» 18

Рецензии и критика

Идейно-художественное своеобразие
творчества Бориса Алексева 19

Поэтика произведений
Николая Ивлева 21

Гоголевский вестник

Театр без границ:
Театр кукол «Сказ» начал реализацию
гранта Президента РФ 24

Психология творчества с Ларисой Агафоновой

Творческий кризис, или Как выбраться
из лабиринта 26

Виват, победители!

Художник слова. Литературный проект, посвящённый 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева.....	28
Олег Андреев.....	28
Ольга Видяйкина.....	29
Ольга Власова.....	29
Нина Гаврикова.....	30
Александр Головко.....	31
Елена Долгих.....	31
Марина Зейтц.....	32
Ирина Критская.....	32
Виктория Левина.....	32
Елена Лапина.....	33
Татьяна Мажорина.....	34
Наталья Меркушова.....	35
Елена Мищенко.....	35
Лариса Радченко.....	36
Владимир Сапрыкин.....	36
Елена Телушкина.....	37
Мила Тихонова.....	37

Тема номера

Эльдар Ахадов <i>Вошебная скрипка</i>	39
Валерий Лепов <i>Стихотворения</i>	40
Ольга Митькина <i>Стихотворения</i>	41
Галина Рукосуева <i>Стихотворения</i>	42
Владимир Шаронов <i>Стихотворения</i>	43
Рената Юрьева <i>Стихотворения</i>	47

Поэзия

Инна Андрианова.....	49
Александр Белкин.....	51
Евгений Волков (Чертополохоцвет).....	53
Наталья Дёмина.....	56
Николай Ивлеев.....	57

Наталья Колотилина.....	63
Виктория Никитина.....	65
Александр Норенков.....	66
Александр Онищенко.....	71
Лев Пряхин.....	72
Ольга Хапилова.....	83

Проза и публицистика

Лариса Агафонова <i>Оптимистка</i>	84
Александр Долбин <i>Детский сад на летнем отдыхе в Манглиси</i>	89
Ксения Кель <i>Последняя весна</i>	93
Александр Онищенко <i>Случай из детства</i>	100
Мария Стародубцева <i>Сиреневые горы. Главы 4–5</i>	103

Комната отдыха

Сергей Кононов <i>Лосиный остров</i>	108
Сергей Тулупов <i>Счастливая жертва глобализации</i>	112

Цветные зонтики

Инна Андрианова <i>Бешеный калькулятор</i>	114
Наталья Мосина <i>Белый Бант</i>	115

Детский клуб «Озарёнок»

Поздравляем Анастасию Нестерову!.....	117
Михаил Абрамов <i>Рыбалка</i>	117
Анастасия Гаврикова <i>Стихотворения</i>	118
Рецензия на книгу «Зима седая с возрастом созвучна».....	118
Нина Гаврикова <i>Пастушок и звездочка</i>	119

Музыка дождя, вальс листьев и литературные новинки

Выгляните в окошко, полюбуйтесь буйством красок, послушайте шёпот ветра, насладитесь музыкой дождя! Осень – это время тишины и раздумий. Это повод создать вокруг себя уют и насладиться хорошей книгой под треск поленьев в камине или с чашечкой горячего шоколада в руках. А «Союз писателей» порадует вас новостями, интервью, рецензиями и, конечно же, новыми произведениями современных поэтов и прозаиков.

В главной рубрике журнала царит музыка! Читателей ждёт тематическая проза от Эльдара Ахадова и мелодичные стихи от Валерия Лепова, Ольги Митькиной, Галины Рукосуевой, Владимира Шаронова и Ренаты Юрьевой.

Героем номера стал поэт, прозаик и бард Валерий Ременюк, автор книг «Мороз Иванович и другие», «Компенсатор», «Проект “Оазис”», «Танго “Натуральный хозяин”». Писать Валерий Адольфович начал ещё в юности, сперва отдав предпочтение поэзии. Перекладывая стихотворения на музыку, он стал исполнять свои песни с больших и малых сцен по всей стране. Читатели и слушатели любят автора за проникновенные произведения, в которых есть изюминка и захватывающий сюжет. О том, как добиться популярности сегодня, корреспондент «СП» поинтересовался у нашего талантливого современника.

«Жизнь в ритме рока» – ещё одна статья, посвящённая музыке. Она рассказывает о писательнице и рок-музыканте Рите Хэлворд. Музыка и литература – два увлечения, которым посвятила себя эта удивительная женщина. Слившись воедино, они дали жизнь её романтической повести «Игры Рока».

Тем, кому хочется чего-то загадочно-го, остросюжетного и пикантного в одном флаконе, рекомендуем обратить внимание

на обзор нового детектива Юлии Фаро «Вертеп санаторного типа». На страницах этой книги все пороки и все добродетели смешались. Борьба между Добром и Злом, правильным и неправильным обещает быть очень жаркой. Кто выйдет победителем из этой схватки? Будут ли наказаны преступники? Восторжествуют ли герои?

Раздел «Рецензия и критика» представляет сразу две статьи, посвящённые особенностям творчества современных авторов: «Идейно-художественное своеобразие творчества Бориса Алексева» и «Поэтика произведений Николая Ивлева». Разбор произведений ведёт кандидат филологических наук Любовь Калинина.

«Гоголевский вестник» рассказывает о кукольно-драматическом проекте «Три толстяка» для людей с ограниченными возможностями, который реализуется театром кукол «Сказ» в рамках президентского гранта. Лозунгом проекта стала цитата Владимира Машкова: «Я смог, и ты сможешь!»

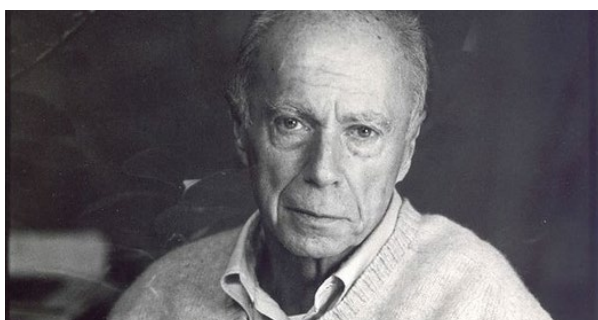
«Психология творчества с Ларисой Агафоновой» предоставляет писателям, испытывающим муки творческого кризиса, помощь опытного психолога. Статья «Творческий кризис, или Как выбраться из лабиринта» укажет путь к свету через тёмный туннель литературной апатии.

А ещё на страницах этого выпуска собраны произведения участников проекта «Художник слова», организованного некоторое время назад на площадке сайта издательства «Союз писателей» и посвящённого 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева. В качестве организатора и ведущей выступила Вера Сытник. Больше о проекте можно узнать из вступительного слова писательницы в начале рубрики «Виват, победители!».

Чего же вы ждёте? Переворачивайте страницу и проводите осень вместе с «Союзом писателей»!

Литературный календарь

10 октября – 155 лет назад в селе Клепелино Тверской губернии родился русский писатель-фантаст, геолог, палеонтолог и географ **Владимир Афанасьевич Обручев** (1863–1956). Популярность автору принесли произведения «Плутония» и «Земля Санникова». Владимир Афанасьевич является лауреатом двух Сталинских премий I степени (1941, 1950).

105 лет назад в Антананариву родился французский писатель **Клод Симон** (1913–2005). Его отец погиб, сражаясь на Первой мировой войне, когда Симону не было и года. Вместе с матерью Клод переехал в Перпиньян, где прошли его детские годы. Когда мальчику было одиннадцать, мать умерла от рака. Ребёнка взяла на воспитание бабушка. В юности Клода мало интересовала литература. Намного больше времени он уделял живописи и фотографии. В 1936 году жизнь Симона сделала крутой поворот. Будучи человеком деятельным, интересуясь политикой, он добровольно покинул родину и отправился в Барселону, чтобы принять участие в войне против Франсиско Франко на стороне республиканцев. Когда началась Вторая мировая, Клод Симон был призван в вооружённые силы, участвовал в боях, попал в плен. Через некоторое время ему удалось бежать. После освобождения был активным участником французского Сопротивления.

Именно война стала толчком, который пробудил талант молодого человека. Он начал писать прозу и достиг больших успехов.

В 1985 году Клод стал лауреатом Нобелевской премии. Из наиболее известных произведений автора можно выделить книгу «Женщины» (1966), написанную по двадцати трём картинам Жуана Миро. История была переиздана в 1984 году под названием «Волосы Вероники». Творчество Симона причисляют к жанру «нового романа».

11 октября – 360 лет назад родился немецкий поэт и драматург **Кристиан Генрих Постель** (1658–1705). Выступал на сцене как либреттист, сотрудничая с композиторами, писавшими для Гамбургской оперы – Георгом Филиппом Телеманом, Райнхардом Кайзером, Иоганном Зигизмундом Куссером и другими. Постель также перевёл либретто Кампистрона к опере Жана-Батиста Люлли «Ахилл и Поликсена». До конца жизни работал над огромной эпической поэмой «Великий Виттекинд», изданной в 1724 г. (посмертно).

14 октября – 80 лет исполняется советскому российскому писателю **Владиславу Петровичу Крапивину** (1938). Из-под его пера вышли произведения «Голубятня на жёлтой поляне», «Самолёт по имени Серёжка», «Топот шахматных лошадок» и другие. Писатель является лауреатом литературной премии в области фантастики «Аэлита» 1983 года и почётным гражданином Екатеринбурга.

65 лет исполняется русской писательнице **Тамаре Шамильевне Крюковой** (1953). Пишет преимущественно для детей. По произведениям автора снято два фильма: молодёжная романтическая история «Костяника. Время лета» и комедия «Потапов, к доске!».

15 октября – 95 лет назад в пригороде Гаваны на Кубе (местечко под названием Сантьяго-де-Лас-Вегас) родился итальянский писатель, публицист и журналист **Итало Кальвино** (1923–1985). Является командором Ордена Почётного легиона. В

архиве писателя – книги «Тропа паучьих гнёзд», «Юноши с берегов По», «Космические истории» и множество других изданий.

16 октября – 260 лет назад родился **Ноа Уэбстер** (1758–1843), американский филолог, лексикограф, языковед, автор «Американского словаря английского языка».

130 лет назад в Нью-Йорке родился американский драматург **Юджин О’Нил** (1888–1953). Его перу принадлежат произведения «За горизонтом», «О, пустыня!», «Продавец льда грядёт» и другие. В 1936 году Юджин стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы. Является четырёхкратным лауреатом Пулитцеровской премии (1920, 1922, 1928, 1957 – посмертно).

17 октября – 70 лет назад в американском городе Чарльстон, штат Южная Каролина, родился американский писатель-фантаст **Роберт Джордан** (1948–2007). Известность автору принёс цикл под названием «Колесо Времени».

19 октября – 105 лет назад родился итальянский писатель Васко Пратолини (1913–1991). Принимал активное участие в антифашистском сопротивлении. Пратолини принято называть одним из виднейших представителей итальянского неореализма. В большую литературу писатель ворвался после выхода в 1944 году романа «Квартал». Среди других творений автора – «Семейная хроника», «Повесть о бедных влюблённых», «Герой нашего времени» и пр. Васко Пратолини – трёхкратный номинант на Нобелевскую премию в области литературы.

19 октября – 100 лет назад в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) родился советский поэт, прозаик, драматург и сценарист **Александр Аркадьевич Галич** (1918–1977). Наиболее известны произведения автора «Я выбираю свободу» и «Матросская тишина».

22 октября – 75 лет назад в Новосибирске родился писатель, публицист, сценарист, обозреватель и журналист **Александр Абрамович Кабаков** (1943). Имя автора прославили книги «Невозвращенец», «Со-

чинитель», «Последний герой», «Московские сказки» и другие.

24 октября – 95 лет назад в Илфорде (графство Эссекс) родилась американская поэтесса **Дениз Леверт** (1923–1997). Известны её стихи «Одиночество», «Городской псалом», «Меррит-аллея» и другие. Многие произведения переведены на русский язык.

80 лет назад родился писатель **Венедикт Васильевич Ерофеев** (1938–1990). Популярность ему принесла поэма «Москва – Петушки».

25 октября – 85 лет назад в Дондюшаны, Бессарабия, Королевство Румыния, родился советский драматург, писатель, сценарист, публицист, общественный и политический деятель **Александр Исаакович Гельман** (1933). На счету автора книги «Наедине со всеми», «Когда прошлое было будущим», «Костыли и крылья» и др., пьесы «Скамейка», «Зинуля», «Мишин Юбилей» и др., публицистические произведения «Нельзя без зимы», «Дожить бы до смерти», «Народ начальство и мы», «Ноги без дороги», «Детство и смерть», «Культура и дикость» и пр.

26 октября – 110 лет назад в штате Ансоатеги родился венесуэльский прозаик, публицист и поэт **Мигель Отеро Сильва** (1908–1985). Активно занимался политической деятельностью, придерживался левых взглядов. Большинство произведений посвящены социально-политическим проблемам истории страны. На протяжении многих лет Сильва был издателем газеты «Националь». Является автором нескольких романов и множества стихотворений.

27 октября – 135 лет назад родился литовский поэт и драматург **Миколас Вайткус** (1883–1973). Писал стихи, поэмы, драмы и книги воспоминаний. Считается одним из наиболее талантливых представителей литовского «национального романтизма».

28 октября – 115 лет назад родился английский писатель **Ивлин Во** (1903–1966). Автор беллетризованных биографий, путевых заметок и справочников для путешественников. Был известным писате-

лем-романистом, а также оставил след в журналистике и критике.

Отец Ивлина (Артур Во) был известен в широких кругах как редактор, издатель и эссеист. Маленький Ивлин жил в богатом районе Лондона, посещал престижную школу Хит Маунтан. Планировалось, что позднее юноша отправится учиться в Шерборн, однако ему было отказано в поступлении. Дело в том, что именно здесь некоторое время назад учился Алек Во, брат Ивлина, тоже писатель. Одно из его ранних произведений, написанных в годы ученичества, было посвящено гомосексуальной тематике. Его сочли провокационным и плохо влияющим на репутацию школы. Молодого человека исключили, а его брату отказали в приёме. Тогда отец отправил Ивлинга в Лансинг – школу с очень строгими правилами, но менее известную, нежели Шерборн. Школа с религиозным уклоном не пришлась Ивлингу по душе. Бесконечные правила и морализаторство убили в нём детскую веру в Бога, навсегда превратив в агностика.

После выпуска Ивлин поступил в колледж Хэртфорд на исторический факультет. Научная работа его не привлекала, зато художественные и литературные произведения молодого человека пользовались немалым успехом и получали высокие оценки. Завершить образование в полной мере Ивлингу было не суждено. Квалификационные экзамены он сдал неважно, став специалистом третьей ступени. Такой результат не позволял остаться на последний семестр, чего писатель очень хотел. Впоследствии Ивлин Во работал преподавателем и журналистом, учился на краснодеревщика. После выхода в 1928 году первого

романа автора «Упадок и разрушение» Во занимался преимущественно писательской деятельностью. Его перу принадлежат книги: «Мерзость и плоть», «Чёрная напасть», «Возвращение в Брайдсхед», «Любовь среди руин», «Испытание Гилберта Пинфолда» и др.

29 октября – 60 лет назад в американском городе Хакенсаки, штат Нью-Джерси, родился журналист и писатель **Дэвид Ремник** (1958), главный редактор журнала «Нью-Йоркер».

30 октября – 505 лет назад родился французский писатель, переводчик, педагог, епископ **Жак Амио** (1513–1593). Известен переводами на французский язык трудов Плутарха и других греческих классиков.

31 октября – 70 лет назад в Хельсинки родился финский писатель **Матти Йознсуу** (1948–2011), творивший в жанре криминального детектива. Дважды был номинирован на престижную в стране премию «Финляндия». Самой известной работой автора стала книга «Харьюнпяя и железная комната». Детектив вышел в 2003 году после десятилетнего перерыва в творчестве.

1 ноября – 105 лет назад в алжирском городе Мондови родился французский писатель и философ **Альбер Камю** (1913–1960). На счету автора множество популярных романов, которые высоко оценили и читатели, и критики. Среди них книги «Калигула», «Чума», «Миф о Сизифе» и др. В 1957 году Камю стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы.

95 лет назад в Эдмонтоне родился американский писатель-фантаст **Гордон Диксон** (1923–2001). Диксон является автором множества популярных книг. Среди наиболее известных – романы «Дорсай», «Ры-

царь-дракон», «Дилбия». Лауреат премии «Небьюла» и трёхкратный лауреат премии «Хьюго».

2 ноября – 210 лет назад родился французский писатель и публицист **Жюль Амеде Барбе д’Ореви́льи** (1808–1889). Многие произведения автора связаны с историческими событиями. Особенно волновала его французская революция. Барбе д’Ореви́льи являлся традиционалистом, хотя неоднократно его обвиняли в аморализме. Писатель был католиком и ярким роялистом, что нашло отражение в его творчестве. Это вызвало протест и недовольство в клерикальных кругах. Среди творений автора книги «Шевалье Де Туш», «Те, что от дьявола», «Старая любовница» и др.

95 лет назад родился российский писатель, драматург **Иван Георгиевич Лазутин** (1923–2010), автор таких книг как «Высота», «Суд идёт», «Крылья и цепи», «Родник пробивает камни».

3 ноября – 285 лет назад родился писатель, драматург, поэт **Михаил Матвеевич Херасков** (1733–1807). Прославился необычайно объёмной поэмой «Россиада». Принадлежал к масонской ложе.

5 ноября – 105 лет назад родился писатель, поэт, драматург, сатирик и сценарист **Владимир Александрович Лифшиц** (1913–1978). Наиболее известны его поэтические произведения «Аист», «Республиканцы», «Весёлый час», «Открытая тетрадь»; среди прозаических произведений – «На берегах Невы», «Семь дней», «Была война» и пр.

55 лет назад в Тель-Авиве родился израильский журналист, писатель, драматург, министр финансов Израиля с 2013 по 2014 год **Яир Лапид** (1963). Из-под пера автора вышли триллеры «Шестая загадка», «Вторая женщина», «Закат в Москве» и др., романы «Игра человека», «Воспоминания после моей смерти», книга для детей «Эльби – История рыцаря».

6 ноября – 75 лет назад в Оттаве родился русский писатель-постмодернист **Саша Соколов** (1943), автор романов «Школа для дураков», «Между собакой и волком»,

«Палисандрия», множества эссе, рассказов и поэм.

8 ноября – 65 лет назад в Каменске-Шахтинском Ростовской области родился поэт, писатель, журналист **Анатолий Петрович Марущак** (1953). Является директором ТВО «Скифия» (Херсон, Украина). Лауреат международных и всеукраинских телевизионных фестивалей, член Национального союза кинематографистов, Национального союза журналистов, член Национального союза писателей Украины. Автор сборников «Вольный стиль», «Утоли мои печали» и др., стихотворений для детей «Непослушные пальцы» и «Почему весёлый кит не приплыл на остров Крит», романов «Высокий двор», «Тайны турецкой скалы», «Ключи от приключений», «Бешеный ферзь», «Доктор Го».

9 ноября – 200 лет назад в Орле родился русский писатель, поэт, публицист, драматург и переводчик **Иван Сергеевич Тургенев** (1818–1883). Член-корреспондент императорской Академии наук по разряду русского языка и словесности (1860), почётный доктор Оксфордского университета (1879), почётный член Московского университета (1880). Тургенев создал особую художественную систему, которая оказала существенное влияние на русскую и западно-европейскую поэтику романа. Иван Сергеевич был первым писателем, взявшим на себя труд изучить психологию нового человека, так называемого шестидесятника. Именно он ввёл в широкое употребление термин «нигилист». Тургенев вёл активную деятельность, связанную с популяризацией отечественной литературы в Европе. Именем писателя названы библиотеки и улицы городов России.

Литературные события

10 октября – 100 лет назад (1918) в России официально введена новая орфография.

Также 10 октября отмечается день рождения социальной сети «ВКонтакте». Одна из самых популярных и востребованных сетей в Рунете была основана в 2006 году. Сегодня «ВКонтакте» является превосходной площадкой для творческой самореализации, в том числе благодаря проекту «Прометей», поощряющему уникальный авторский контент.

14 октября – самое время готовить шарики, печь торты и обязательно ставить на стол большую банку мёда. Свой день рождения отмечает любимый многими литературный персонаж Винни-Пух. Именно в этот день вышла первая книга о знаменитом медвежонке.

Одна из первых иллюстраций к «Винни-Пуху» Алана Милна. Художник – Эрнест Шепард

17 октября – 110 лет назад (1908) в журнале «Весна» № 9 опубликовано стихотворение в прозе «Искушение грешника» Велимира Хлебникова.

85 лет назад (1933) вышел первый номер американского журнала «Newsweek» (тогда носил название «News-Week»).

19 октября по всему миру отмечают День написания письма в будущее. В Интернете существуют так называемые «капсулы времени», благодаря которым наши совре-

менники имеют возможность оставить некое сообщение людям, которые будут жить через столетия. Это можно сделать в аудио- и видеоформате, в качестве электронного и даже бумажного письма. Впрочем, большинство людей чаще всего пишут письма самим себе или своим близким, выбирая в качестве даты доставки вовсе не XXII или XXIII век от Рождества Христова, а недалёкое будущее.

20 октября – 65 лет назад (1953) в США вышел в свет научно-фантастический роман-антиутопия Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

22 октября – 100 лет назад (1918) в Союз советских журналистов поступило заявление: «Прошу зачислить меня в члены профессионального Союза советских журналистов. Вл. Ульянов (Ленин)». Просьбу удовлетворили.

Международный день школьных библиотек. Праздник учреждён в 1999 году по инициативе ЮНЕСКО.

23 октября – 60 лет назад (1958) Борис Пастернак был назван лауреатом Нобелевской премии по литературе «за продолжение традиций великого русского эпического романа».

24 октября – 90 лет назад (1928) в газете «Правда» опубликовано сообщение, что художественно-политический совет Главреперткома принял решение о запрете к постановке пьесы Булгакова «Бег», как «идеализирующей» белогвардейцев. Не помогла и высокая оценка, данная пьесе Горьким, Луначарским, Станиславским, Немировичем-Данченко.

2 ноября – 115 лет назад (1903) вышел первый номер английской газеты «The Daily Mirror».

4 ноября – 5 лет назад (2013) Пьер Леметр за роман «До встречи наверху» получил Гонкуровскую премию.

Литературные конкурсы

Международный литературный фестиваль «Чеховская осень – 2018»

Актуально до 28 октября

Участниками фестиваля, проходящего в Ялте, могут быть любители литературы и поэзии, исполнители авторской песни, почётные гости, общественные деятели, журналисты и все, кто интересуется литературой и искусством.

Конкурсная программа фестиваля:

- Поэтический конкурс (делится на 4 секции: «Пейзажная лирика», «Крымские мотивы», «Гражданская и духовно-философская лирика», «Любовная лирика», «Стихи для детей»);
- Конкурс одного стихотворения (темы: «Крымская весна», «Крымская природа», «История Крыма»);
- Конкурс поэтов-маринистов (тема – «Я люблю тебя, море!»);
- Конкурс авторской песни;
- Конкурс военной авторской песни (тема – «Бери шинель, пошли домой!»);
- Заочный литературный конкурс «Чеховские мотивы»;
- Конкурс «Лучший знаток стихов Владимира Луговского»;
- Конкурс «Поэзия молодых».

Принимаются поэтические произведения любых направлений и жанров в рамках объявленных номинаций. Объём стихотворных произведений не должен превышать 60 строк. На выступление участнику выделяется не более 5 минут.

Тексты произведений в прозе и стихах в одном экземпляре должны быть предоставлены в Оргкомитет.

Победители фестиваля награждаются дипломами и призами, произведения победителей публикуются в конкурсном сборнике. Для всех участников предусмотрены памятные грамоты.

Подробнее: clck.ru/ESwUe

VIII международный конкурс, посвящённый памяти Константина Симонова

Актуально до 1 ноября

К участию в конкурсе приглашаются авторы в возрасте от 15 лет, пишущие на русском языке. Объём работ – не более 3-х печатных листов А4 (Times New Roman, 15 кегль, произведения должны печататься на одной стороне листа).

Номинации:

- «Малая проза»
- «Поэзия»
- «Перевод».

Тематика литературного конкурса:

- «Здравствуй, мой ровесник из мирного XXI века...» (сочинение в эпистолярном жанре) – для возрастной категории от 15 до 18 лет;
- «И кажется, что не было войны...» (произведения, посвящённые Константину Симонову, героической обороне Могилёва (события года 1941 года), Великой Победе в мае 1945 года; Году малой родины в Беларуси; произведения антивоенной тематики, призывающие к борьбе за мир во всём мире, мировоззренческие – о смысле и ценности человеческой жизни в современном мире) – для возрастных категорий от 18 до 35 лет, старше 35 лет;

– Перевод на белорусский язык стихотворения К. М. Симонова «Дом друзей» или «Майор привёз мальчишку на лафете...» – для возрастных категорий от 18 до 35 лет, старше 35 лет.

Победители будут награждены дипломами и подарками.

Подробнее: clck.ru/ESxxA

Конкурс для литераторов «Новые сказки Севера»

Актуально до **1 ноября**

К участию в конкурсе приглашаются авторы от 14 лет и старше. Конкурсная работа должна быть выполнена в жанре сказки, продолжающей традиции самобытных северных сказочников. Принимаются только индивидуальные творческие работы, по одной сказке от автора.

Конкурс проводится в двух возрастных категориях

– от 14 до 17 лет включительно;

– 18 лет и старше.

Участникам, занявшим I–III места в каждой категории, вручаются дипломы, остальные авторы получают электронные сертификаты участников.

Подробнее: arhlib.ru/2018/08/novyye-skazki-severa

Заочный литературный конкурс «Простою задумшевною строкою», посвящённый 100-летию М. А. Небогатова

Актуально до **1 июня 2019 года** (1-й этап)

К участию в общем конкурсе приглашаются все желающие авторы в следующих возрастных категориях: от 10 до 17 лет; от 18 до 30 лет; от 31 года и старше.

Профессиональные категории для участников от 18 лет: «Высшая лига» (профессиональные литераторы и члены Союза писателей России, других союзов), «Премьер-лига» (самодельные авторы).

Принимаются произведения любых жанров (проза, поэзия, публицистика) по четырём номинациям:

– «Война глазами Михаила Небогатова»;

– «Как я в мир влюблён» (по мотивам творчества поэта);

– «Потому что поэтом рождён» (Михаил Небогатов о назначении поэта и поэзии);

– «Спасибо, учитель поэтов!»

Порядок награждения:

Авторы работ, принятых на конкурс, получают сертификаты участников. Участники, прошедшие в полуфинал, – дипломы полуфиналистов. Участники, прошедшие в финал, – дипломы финалистов. Победители награждаются почётными грамотами и сборниками с конкурсными произведениями полуфиналистов и финалистов. Активные участники ежегодных праздников «Потому что поэтом рождён» получают благодарственные письма от руководства библиотек.

Подробнее: rodnikisibiri@mail.ru

Современный писатель и его читатель

•

Современный музыкант и его слушатель

Мнение Валерия Ременюка

Говорят, сегодня не пишут интересных книг. Говорят, современные музыканты – ничто в сравнении с теми, кто жил и творил столетия или даже десятилетия назад. Скептики (а их сегодня невероятно много) готовы критиковать каждого, кто пробует раскрыть свой талант, и нередко это имеет ужасные последствия: одарённые люди предпочитают оставаться в тени, чтобы не сталкиваться с хейтерами. В итоге человечество однажды рискует лишиться искры творческого таланта и превратиться в бездуховное стадо. Радует то, что ещё не всё потеряно: остались смельчаки, дерзающие проявить себя и сделать мир чуточку более красивым и гармоничным. Одним из них является современный писатель и бард Валерий Ременюк.

Валерий начал писать ещё в юности. Свои стихотворения он перекладывал на музыку и исполнял под гитару. Его талант был замечен. Произведения автора публиковались на страницах периодических изданий и коллективных сборников, выходили в формате индивидуальных книг стихов. Песни Валерия Ременюка можно услышать на различных площадках. Его творческие вечера с удовольствием посещают ценители современной музыки и литературы. А некоторое время назад Валерий попробовал себя в роли прозаика. В издательстве «Союз писателей» вышли остросюжетные повести «Проект “Оазис”» и «Танго “Натуральный

хозяйин”», а также фэнтезийная история для подростков «Мороз Иваныч и другие». Все три книги были выпущены по гранту «Новые имена» на конкурсной основе.

Мы пообщались с Валерием Адольфовичем и попытались выяснить, в чём секрет его успеха. Возможно, корень популярности – в понимании особенностей современного читателя и слушателя? Или дело в чём-то ещё? Давайте узнаем!

– **Здравствуйте, Валерий Адольфович. Кто он, герой нашего времени, человек, о котором сегодня пишут книги? Чем герой нашего времени отличается от героя прошлых или будущих эпох?**

– И вам не хворать!

Герой текущего момента во все времена – обобщённый литературный образ, который выражает главные черты современника. Ведь авторы стремятся придумать сюжет с узнаваемыми персонажами, с которыми читатель мог бы себя легко отождествить или ассоциировать. А значит, читателю такая история была бы интересна, и тираж бы лучше продавался. Ничего личного, как говорится, просто бизнес. Но отдельные авторы, озадаченные идеей усовершенствования мироустройства, придумывают героев, которым хотелось бы подражать, следовать их примеру. Или антигероев, чей пример ужасал бы и останавливал желающих ему следовать. Но авторов-морализаторов на общем фоне беллетристов не так уж много, – по моим прикидкам, процентов пять от силы.

Что же касается типичного «героя нашего времени», то сегодня их две разновидности: один – это обыватель-консерватор, носитель «традиционных» ценностей, защитник «скреп», выразитель философии державности, имперскости, пропагандист так называемого «русского мира». Другой – сторонник культурной открытости и евро-атлантической интеграции страны. Есть примеры, когда обе парадигмы гнездятся в одной голове героя и мучают его необходимостью определиться в выборе дальнейшего пути. Каждый из примеров, конечно, находит своего читателя-почитателя. Таким образом, сегодняшней герой литературы – это остроактуальное существо, дышащее злобой дня. И тем оно отличается от литературных персонажей, скажем, конца прошлого века. И такой же тенденции следует ожидать в будущем: типичный герой всегда будет выразителем и эхом текущих общественных процессов. Если события в нашей стране пойдут по пути революции, переворота и слома действующей государственной системы, типичным героем литературы станет революционер, бунтарь, молодой человек, устремлённый в будущее, как Базаров Чернышевского. Если победят реакция и скрепоносцы, герои уйдут в ментов, про-

куроров, воров в законе и борцов с пятой колонной, воителей из ДНР и ЧВК Вагнера. Чтоб молодым читателям было «делать жизнь с кого», по Маяковскому.

– А что насчёт современного писателя? Кто он? Какие цели ставит перед собой? Какие идеалы проповедует? Почему сегодня так много людей берутся за перо и пытаются писать? Кого среди них больше: графоманов или всё-таки Писателей? Как отличить их друг от друга?

– Я, конечно, не обладаю всеохватной личной практикой общения с писателями, чтобы делать обобщающие статистические выводы по этой категории творцов. Но интуитивно, на уровне своего отношения к литераторству и в рамках своего круга общения могу утверждать, что среди современных поэтов профессиональных литераторов процента три, а то и меньше. Среди прозаиков процент профессионалов несколько выше, так как проза требует большего труда, умений и усилий, а не у каждого пишущего на это хватает терпения. Доступность тиражирования своих творений через социальные сети и Интернет в целом, интенсификация информационного обмена в сетях, доступность связи с творческими группами служат мощным стимулом к реализации человеком своей высшей формы потребностей (в рамках «пирамиды Маслоу») – потребности творческого самовыражения. Каждый из пишущих, естественно, старается выразить себя, сказать о наболевшем, важном, постараться быть услышанным и понятым, ведь дефицит понимания на фоне профицита общения (особенно виртуального) – это бич и проблема нашего времени.

Конечно, в литературном процессе преобладают не то чтобы графоманы, но авторы среднего и ниже уровня квалификации (как преобладает средний класс в нормально развитой экономике или массовый спорт в стране с олимпийскими амбициями). И это нормально. Из этой среды со временем вырастают авторы шедевров. Отличить Авторов от авторов достаточно легко при наличии элементарного литературного

вкуса – умения видеть глубины и красоту идеи, заложенной в произведение, совершенство его формы, парадоксальность явных и скрытых смыслов, оригинальность и актуальность мыслей автора. Но для меня лично главным критерием Произведения в любом жанре является ощущение удивления, новизны. Если я удивлён, поражён, потрясён, шокирован (в хорошем смысле) стихом, песней или прозой – это для меня Стоящая Вещь!

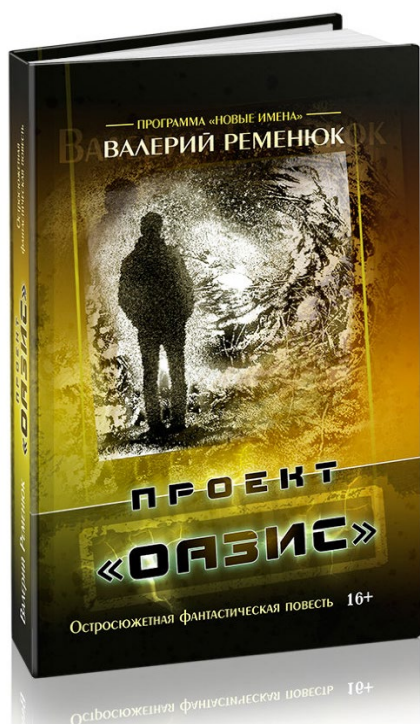
– **Как современные настроения и характеры отражаются на страницах Ваших книг? Можете ли назвать типичным представителем нашего времени кого-то из своих героев?**

– Мои пристрастия, моё кредо в отношении характеров героев сводятся к простой формуле: мой герой – это человек действия. Человек, знающий, чего он хочет и как этого добиться. А главное, смело осуществляющий свои планы и устремления. Мне импонируют сюжеты, где главный герой берётся за решение какой-то важной проблемы. В повести «Маршрут Гулябина» Шурка

отправляется в опасный одиночный поход по северной тайге в поисках следов экспедиции своего брата, пропавшей полвека назад. В повести «Проект “Оазис”» Виталий, потеряв в теракте любимую женщину, замахивается на ещё более амбициозную задачу – ни много ни мало, на создание Единой Религии, которая исключила бы религиозные конфликты и нетерпимость, свела риск терактов к минимуму. Герой повести «Танго “Натуральный хозяин”» Иван Цыбин борется за свою любовь – за обладание любимой женщиной, а попутно – за спасение родных и близких перед лицом социальной катастрофы, неизбежно накрывающей страну, как волна цунами. И в моих детских повестях «Мороз Иваныч и другие», «Компенсатор» герои ведут борьбу со злом, защищают слабых и добрых, становясь сами сильнее и добрее. И в каждом из этих героев я отражаю черты «героя нашего времени» – человека, желающего, умеющего и стремящегося делать Дело.

– **Как считаете, за какими литературными жанрами будущее? Рассчитываете ли на то, что Ваши книги сохранят актуальность лет через сто?**

– Остросюжетные динамичные истории в прозе занимают всё больше места на прилавках магазинов. И эта тенденция, полагаю, будет со временем только усиливаться. Значит, всё больше авторов станут писать в жанре детектива или того, что называется «экшн», остросюжетный роман, или «фэнтэзи», где серьёзные мысли выражаются через действие в сказочных декорациях. По этой же причине научная и сказочная фантастика не уступят завоеванные позиции и через двадцать, тридцать, пятьдесят лет. Но, как шутил В. Маяковский, давайте встретимся лет через сто – там и поговорим! Актуальность моих или чьих-либо других книг через столь большой промежуток времени предсказать невозможно, ибо мы не знаем главного: а будет ли кому читать наши творения в том прекрасном далёке? Или скажу в более мягкой форме: а будет ли актуально через сто лет всё то, о чём мы так печёмся сегодня? Хочется ве-

Купить книгу
knigi-market.ru/2384

ритель, что вечные проблемы искания человеком себя и своего Пути, смысла жизни, останутся актуальными и тогда. В таком случае, есть надежда, что и нынешние произведения на эту тему будут интересны нашим потомкам...

– **Какие темы в поэзии Вам ближе всего? Можно ли в короткой форме раскрыть острые проблемы современного общества или для этого всё-таки нужна проза, а поэзия – для красоты?**

– Я пишу, в основном, иронические стихи. Иронию Булат Окуджава называл десятой музой искусств и наук. По крайней мере, даже серьёзные социальные стихи или любовная лирика, на мой взгляд, должны по форме быть акварельными, воздушными, вызывать не тоску, страсть или ожесточение, но философическую лёгкую улыбку. Перефразируя А. Грибоедова, скажу: «Блажен улыбчивый – тепло ему на свете!»

Поэзия, как и проза, равно способна выражать всю глубину и палитру чувств и мыслей. Но поэтический канон предполагает более компактную «упаковку» текста, а значит, крайний лаконизм, афористичность строк, высокую концентрацию мысли, наличие подтекста и скрытых смыслов. Тогда это Поэзия. Однако, поэзией в больших дозах с непривычки легко «отравиться», как и любым концентратом. С этой точки зрения проза – более естественный для человека способ изложения мыслей, и с нею можно долго коротать время, смакуя язык, диалоги, рассуждения, описания чувств и природы, которыми нас радуют лучшие представители пишущей братии. Если поэзия часто оставляет ожог на теле души, то проза даёт более равномерный, глубокий и устойчивый прогрев и «загар», что ли...

– **Когда Вы написали первое стихотворение? Можете вспомнить, о чём оно было?**

– Поскольку я рос в семье журналистов и в нашем доме была богатая библиотека поэзии и прозы, я рано научился и пристрастился читать. А детские стишки Чуковского, Михалкова и Маршака мне «с младых ногтей» регулярно читали родители. По-

Купить книгу
knigi-market.ru/moroz-ivanych-i-drugie-valeriy-remenyuk

этому было естественным уже во втором классе школы что-то срифмовать. Я хорошо помню этот шедевр: «Покрыты инеем деревья / и крыши ТОЖЕ все в снегу, / а в голубятнике РАБОТА / и только слышно: «Гу-гу-гу!»

Согласитесь, рифма «снегу – гу-гу-гу» это уже серьёзная заявка! ☺

– **Когда родилась идея перекладывать стихи на музыку? Сами ли Вы пишете музыку?**

– Вы будете смеяться, но любовь к писанию стихов у меня родилась из страсти писать песни. Как побочный продукт! А сочинять песни на постоянной основе, регулярно и серьёзно, я начал с 1980 года, после смерти В. Высоцкого, моего кумира тех лет в авторской песне. Я ощутил безумный вакуум в атмосфере того времени и мне захотелось его чем-то заполнить. Проще всего было заполнить тем, что под рукой, – а это оказалась собственная голова, начавшая производить песни-подражания Высоцкому. Его я считаю продолжателем подвига Пушкина – «наше всё» перевёл классиче-

скую поэзию на народный язык, а Высоцкий вывел авторскую песню «в люди». Ну а поэзии я учился на примере моих корифеев – прежде всего, Рождественского, Вознесенского, Левитанского, Светлова, Маяковского. Особенно много мне дала в отношении теории стихосложения знаменитая статья В. Маяковского «Как делать стихи». А писать песни я учился не только на песнях Высоцкого, но и Окуджавы, Визбора, Кима, Галича, Городницкого. В гармоническом единстве текста-мелодии-исполнения, характерном для авторской песни, я отдаю приоритет стихам, следуя творческому методу В. Высоцкого. Мелодия для меня вторична, она лишь способ ритмически и интонационно передать смысл поэтической основы произведения. Поэтому уникальных мелодий в моих песнях искать не стоит. ☺

Ну а стихи как отдельное направление моих увлечений начались, вероятно, после 2002 года, когда на фестивале авторской песни «Петербургский аккорд» великий бард Александр Дулов сказал мне на своём мастер-классе: «А вы не думали писать просто стихи? Стоит попробовать! У вас получится!» Это и вдохнуло в меня уверенность, что поэзией стоит заниматься всерьёз. И первый из пяти моих сборников поэзии («Чёрный шар») увидел свет в 2005 году. А в 2006-м, когда патриарх и корифей питерской поэзии Александр Кушнер, прослушав моё «Фонари рисуют ветер», сказал: «Да, стихи вы писать умеете!», я понял, что нахожусь на правильном пути!

– Какие эмоции испытывает артист, выходя на сцену и перед большой аудиторией исполняя свои собственные произведения? Какой отклик Вам доводилось встречать? И как понять, понравилось выступление зрителем или они остались равнодушными?

– Большая аудитория – испытание не для слабонервных! Большой зал – это мощный энергетический вампир, пока его не «зажжёшь» и не высечешь «искру» отклика.

Начинать в большом зале всегда довольно сложно. Но, если удаётся вызвать у зрителей отклик, эмоцию, сопереживание и соучастие, ощущаешь обратный поток энергии – мощный импульс поддержки от зала! И степень включения зала в твои песни или стихи хорошо чувствуешь по выражению лиц и наличию или отсутствию смеха (где его ожидаешь). Поэтому, кстати, очень трудно выступать в абсолютно тёмном зале, когда в свете софитов глаза не видят лиц зрителей.

– Насколько литература и музыка связаны лично для Вас?

– Музыка, мелодия, если говорить о них как о составляющей исполнения песни, очень важный элемент, который может как поднять, так и опустить впечатление от стихов. Иногда, слушая чью-либо песню, ловишь себя на мысли: «Лучше б ты, братец, прочёл это как стихи! Тебя бы скорей поняли...» Но хорошая музыка вообще, как особый удивительный мир творчества, часто высекает искру образов, ассоциаций, от которых тянется ниточка новых стихов...

– Кто из современных музыкантов вызывает Ваше уважение и почему?

– Я в ответе ограничусь более близкой для меня областью авторской песни. Здесь для меня безусловным авторитетом музыкального творчества является Михаил Щербаков, совершенно гениальный, ни с кем не сравнимый московский автор. Также мне очень импонируют композиторские работы в АП великого Сергея Никитина, Вероники Долиной, Юрия Визбора, Юлия Кима, прекрасной и яркой Ольги Чикиной, утончённой и романтической Ксении Полтевой. А в последние годы я все больше прислушиваюсь к современному русскому року, где для меня сияют негасимые звёзды Юрия Шевчука, Андрея Макаревича, Вячеслава Бутусова и временами (о ужас!) Шнура!

– Спасибо, Валерий Адольфович, за беседу и интересный взгляд на литературу и музыку. Творческих Вам успехов и искренней любви поклонников!

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

Жизнь в ритме рока

Музыка – это состояние души. Музыка – это образ жизни. Музыка – это неразбавленные эмоции, выплёскивающиеся во внешний мир. Люди, способные чувствовать музыку и тем более создавать её, наделены особым даром, превращающим мир вокруг в головокружительный калейдоскоп аккордов и красок. Но как складываются их судьбы? Ответу на этот вопрос посвятила свою книгу «Игры Рока» талантливая современная писательница Рита Хэллворд.

Когда Рите было двадцать лет, она встретила человека, открывшего для неё рок. Это стало поворотной точкой в судьбе будущей писательницы, которая на тот момент никогда не занималась ни музыкой, ни литературой и вообще не видела себя в искусстве. Вдруг ей захотелось не только слушать произведения любимых творцов (а перечень таких личностей у девушки оказался весьма разнообразным: среди них Дэйв Мастейн из группы «Megadeth», Ва-

лерий Кипелов и даже Никколо Паганини), но и создавать их. Начались изнурительные тренировки, требовавшие большого упорства. Рита проводила целые дни за запертой дверью. И не было вокруг ничего и никого – только музыка.

И вот мечты начали сбываться. Девушка стала частью музыкального коллектива. Последовали репетиции, гастроли...

Музыка для Риты Хэллворд, по её собственным словам, «это сокрушающая основы личного мироздания иллюзия, уводящая из мира повседневности, открывающая иные реальности; музыка – зыбкая и абсолютно непрочная структура, обладающая, вопреки своей видимой хрупкости, удивительной способностью воздействия на психику и энергетические центры человека. Она очищает, освобождает, изменяет».

Отвечая на вопрос, как музыка вошла в её жизнь, Рита рассказывает: «Рок-музыка для меня началась с рок-опер: «Юнона

и Авошь», «Иисус Христос – суперзвезда», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты».

Эти оперы дали толчок к музыкальному развитию и внутренней работе над собой. Затем пришла группа «Ария»: «Закат», «Ангельская пыль», «Кровь за кровь», «Игра с огнём»».

Разумеется, жизнь рок-музыканта сопряжена как с радостями, так и с лишениями.

«Самое трудное, – признаётся Рита, – это вовремя остановиться. Сказать себе: «Стоп! Хватит! Поставь гитару на место! В жизни есть множество разнообразнейших увлечений, нельзя заикливаться только на одном!»

Самое интересное – как из ритмически разрозненных партий, нестройных звуков и разнящихся нот складывается цельная, единая композиция, увлекающая и безвозвратно уводящая за собой; как тихий, робкий инструмент – бас-гитара – при выходе на сцену превращается в рычащего, сшибающего с ног низкочастотной звуковой волной дракона, до невероятности чутко реагирующего на каждое мимолётное прикосновение».

Но настал момент, когда просто творить музыку оказалось недостаточным. В сердце Риты Хэллворд родилась новая мечта. Она хотела писать о музыке. И вот случились первые пробы пера. Её дебютная книга в

жанре фэнтези на сегодняшний день так и не была выпущена. Писательница считает, что история нуждается в доработке. Тем не менее в 2018 году свет увидела вторая книга, созданная Ритой Хэллворд. Она получила название «Игры Рока» и совместила в себе романтические настроения автора, страсти молодости, музыкальные амбиции и реалии жизни в ритме рока. Каждая глава создавалась под воздействием культовой музыкальной композиции, которую может услышать читатель, полностью погрузившись в мир, воссозданный на страницах.

Как же автору удалось создать нечто столь целостное и натуралистичное? Так точно передать эмоции и психологическое состояние героев, их внутренний конфликт?

«История Дани и Жанны – это моя история. История, в которой я сама принимала участие. Только в этой истории не было рок-музыки, он не был рок-музыкантом, а я не была готессой», – говорит Рита Хэллворд.

Обзавестись экземпляром «Игр Рока» и понять, чем живут, чем дышат, как строят свои жизни и какие ошибки допускают чаще всего рок-музыканты, приглашает интернет-магазин «#Книга».

Екатерина Кузнецова,
пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

16+

Рита Хэллворд

Игры
Рока

Союз писателей
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Купить книгу
knigi-market.ru/igry-roka-rita-khellvord

«Вертеп санаторного типа»: Третье дело детективного агентства «Ринг»

Что может быть хуже рутины? Правильно! Только рутинка, от которой не сбежать и не скрыться.

Издательство «Союз писателей» и Юлия Фаро предлагают всем, кто устал от унылой повседневности и проигрывает бой злейшему врагу современного человечества – стрессу, всем, кто просто скучает, новую остросюжетную книгу «Вертеп санаторного типа». Она входит в серию «Нетривиальные истории частного сыска» и выпущена в рамках гранта «Новые имена». Эта история прогонит хандру и раскрасит жизнь во все оттенки радуги. И вот уже энергия бьёт через край, и читатель готов к новым свершениям. Не верите?

Помните: детектив – это не профессия, детектив – это не книга, детектив – это образ жизни. Новая встреча с потомственной дворянкой Зинаидой Князевой и её друзьями обещает кое-что особенное и даже пикантное. Зиночка едет в элитный санаторий, чтобы вывести на чистую воду молодого охотника за драгоценностями пожилых леди. Но простая задачка окажется очень даже сложной, когда станет ясно: здесь творятся странные и даже страшные вещи. Буйство человеческих пороков, навязчивость и лицемерие повсюду. Предчувствия кричат: быть беде! И вправду, вскоре начинают гибнуть гости учреждения. Свидетели предпочитают отмалчиваться. Зинина репутация висит на волоске. Чтобы распутать смертельный узел, придётся выяснить, какое отношение к происходящему имеет таинственный Ле Местр – человек, имя которого заставляет тряхнуться самых дерзких. Вот только, кажется, в этот раз Зиночка не может доверять даже близким...

Купить книгу
knigi-market.ru/3698

Динамичная, интригующая, изобилующая деталями и нюансами, многогранная и психологичная книга... это больше, чем просто детектив. Острый сюжет, романтическая линия, капелька сантиментов, море юмора, философия и актуальные вопросы морали и этики – коктейль, выпив который чувствуешь, как бурлит в венах кровь, а сердце чаще бьётся в груди.

Найти детектив «Вертеп санаторного типа» можно в интернет-магазине «#Книга».

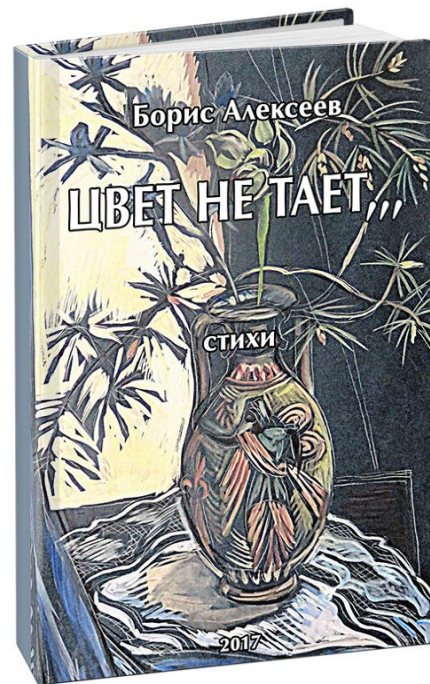
Идейно-художественное своеобразие творчества Бориса Алексеева

Борис Алексеев – талантливый современный писатель, поэт, одинаково успешно работающий в разных жанрах, но отдающий предпочтение малым.

В издательстве «Союз писателей» вышли три книги автора – поэтический сборник «Цвет не тает...», сборник рассказов «Кожаные ризы» и фантастическая повесть «Планета-надежда». Объединяет эти книги глубокий психологизм и философские размышления писателя. Человек, его духовный мир, истоки мировоззрения, причины тех или иных поступков – вот что интересует автора.

В центре сборника «Цвет не тает...» находятся портреты известных людей двадцатого столетия, во многом определивших культурную жизнь страны. Прежде всего это поэты – поэты «серебряного века», поэты-шестидесятники. Образы писателю навевают разные ситуации и события. Например, созерцание фотографии М. Цветаевой, сделанной за год до трагической смерти. Б. Алексеев вглядывается в портрет, пытаясь найти тень будущей трагедии в Елабуге («Фотография М. И. Цветаевой, 1940 год»). Источником поэтических размышлений может стать также чтение стихов поэта («Смерть Николая Гумилёва», «Читая книжицу Н. Рубцова «Подорожники» и др.) или путешествие по Крыму, воскрешающее страницы жизни М. Волошина («Волошинские воспоминания», «Гроза в Коктебеле»).

Представляя портреты, Б. Алексеев удивительным образом вживается в стиль тех поэтов, о которых пишет, и поэтому, когда читаешь стихотворения, посвящённые М. Волошину, О. Мандельштаму, И. Бродскому, А. Галичу, В. Высоцкому, А. Вознесенскому, Е. Евтушенко, то в строках

Купить книгу
knigi-market.ru/tsvet-ne-taet-boris-alekseev

узнаёшь образы, интонацию, стилистику произведений этих классиков. Писатель пытается понять причины их трагической судьбы и определить, кто виноват: сами поэты, живущие взахлёб и неосторожно высказывающие смелые мысли; «писарь – грозная сила», или время, не щадящее самых талантливых: «Эх, муза русская – поэтот мельница. Зерно проросшее дробится, мелется. Урчат покатиство жерновы блинные...»

Язык стихотворений Б. Алексеева поражает образностью. Поэт использует смелые метафоры («...рванул за подол присмирившую барыню Смерть»; «Солнце – стальное

лезвие»; «Ему не хватило времени / Ночь
обратить в пугало / Дневного дурного бре-
мени...»), сравнения («В хляби житейского
моря, / Как в мягкой перине горошина, / Со-
крыт драгоценный ларь»; «Золотистая речь
рассыпается жемчугом моря»), яркие эпита-
ты («Религиозно-светская, / Алая, иссиня-бе-
лая, / Новозаветная, ветхая, / Певчая, сочная,
смелая!» – о постсоветской России). В ком-
плексе выразительные средства воздейству-
ют на чувства, эмоции читателя, берут его в
плен образов и зовут, направляют, ведут, от-
крывая полно, глубоко мысль автора.

Книга «Кожаные ризы» определена авто-
ром как «рассказы о человеке». И, действи-
тельно, человек, его духовный рост (или
обнищание) становится главным для писа-
теля. Нередко Б. Алексеев вводит в рассказ
лишь одного персонажа, и это неслучайно:
он оставляет героя наедине со своими мыс-
лями, мечтами, потому что перед самим со-
бой человек предельно честен, не лукавит
и не изворачивается. Писатель убеждён: «В
жизни каждого человека случаются време-
на, когда необходимо разобраться в себе. В
такие дни опыт одиночества бывает полез-
ней мудрых книг и отеческих наставлений».

Лирические отступления носят фило-
софский характер, призывают задуматься
над происходящим и обращены к читателю:
«Когда кто-то из нас говорит: “Бес попутал!”,
мы отвечаем: “Да уж, обстоятельства!” и
добродушно улыбаемся. Наше добродушие
становится подчас губительным мостиком
холода, по которому бес забирается к нам в
душу...» Действительно, оправдывая свои
поступки обстоятельствами, человек сни-
жает уровень требований к себе как к граж-
данину общества, ищет причины, условия,
возможности, чтобы обойти нормы нрав-
ственности, уничтожая Бога в сердце. Слов-
но проверяя героя на прочность, писатель
ставит его в ситуацию выбора, мгновенного
принятия решения. И даже если в человеке
побеждает низменное, Б. Алексеев сопе-
реживает своему герою и всегда оставляет
ему шанс спасти душу, избежать соблазна:
«Бес ткнул настывшую с мороза лапку в
Егорову сердечную мякоть: “Ну, парень, чё
встал, вперёд!” Егор без труда забрался на

Купить книгу
[knigi-market.ru/boris-
alekseev-kozhanye-rizy](http://knigi-market.ru/boris-alekseev-kozhanye-rizy)

крышу пристройки, тронул оконную раму и
обнаружил, что она... не заперта. Недолго
думая он распахнул ставни и стал взгляды-
ваться в чёрную глубину комнаты. Это была
небольшая комнатка с традиционным набо-
ром конторской мебели и разной бытовой
мелочи. “Тебе это надо?” – возмутился кто-
то в глубине Егора. Но в этот миг бес ударил
хвостом по пугливым нежностям коопера-
тора. Егор как ужаленный перемахнул через
подоконник и очутился в комнате. “Бери,
бери! – нашёптывал бес. – Что медлишь?”
Егор медлил. Человек он был практичный,
если уж брать, то вещь нужную».

Как же сохранить человеку духовность?
Как не поддаться низменным желаниям и
страстям? Писатель считает, что с давних
времен известен универсальный рецепт –
любовь: «Может, неурядицы наши оттого,
что любви в нас не стало, одни фуражи да
клубные гармошки?»

Легко заметить, что, рассуждая о чело-
веке, Б. Алексеев очень часто использует
местоимение «мы», «наш». Он не отделяет
себя от всего мира, в полной мере понимая

и свою ответственность за то, что происходит с нами.

Удивителен язык рассказов. Повествуя прежде всего о современном человеке, писатель широко использует архаичную, просторечную лексику, словно пытаясь вернуть героя к истокам, напоминая о богатстве речи русского народа, о базовых понятиях, показывая путь возрождения.

Повесть «Планета-надежда» предлагает читателю увлекательный фантастический сюжет, но, если приглядеться внимательно, то можно увидеть тревогу автора за будущее Вселенной и человечества. Зани-

маясь вопросами клонирования, проблемой освоения космоса, уничтожая природу, мы не думаем, что разрушаем единство мира и переходим тонкую грань в никуда.

Три книги Бориса Алексева представляют собой части целого идейно и тематически, в них наиболее полно отражается мировоззрение писателя, его правда и боль о человеке. Каждое произведение – это либо воспоминание о прошлом («Цвет не тает...»), либо размышление о настоящем («Кожаные ризы»), либо предостережение, касающееся будущего («Планета-надежда»). И они ждут интеллектуально зрелого читателя.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Поэтика произведений Николая Ивлеева

Николай Ивлеев – современный поэт из Воронежской области, чье творчество радует читателей журнала «Союз писателей». Жанры, в которых он работает, многообразны: от малых лирических (басня, лирическое стихотворение) до средних лироэпических (поэма). Такой широкий охват свидетельствует о том, что поэту тесно в рамках одного жанра, он смело, уверенно экспериментирует, используя все возможные средства и способы, чтобы рассказать о многом.

Творчество Н. Ивлеева имеет разную направленность: есть лирические, обличительные, сатирические и философские стихи.

В произведениях он использует преимущественно двухсложные размеры стиха – ямб и хорей. Они помогают выразить различные оттенки душевного состояния лирического героя, придать стихотворению необходимый настрой. При помощи хорей автор ритмически вводит в своё произведение интонации, сближающие его с народной песней:

*Увядай, кудрявая рябина –
Задуманных песен идеал,
Я недавно с горькою осиною
Жизнь свою беспутную связал.*

Фольклорные мотивы усиливают используемые автором образы рябины, осины, берёзки, данные в традиционном для устного народного творчества ключе.

Хорей нередко сообщает стихотворению и несколько другой, не лирический, а сказочный настрой, например, в сатирической «Сказке о генсеке»:

*У Генсека на госдаче
Дочка юная жила
Не румяна, не бела,
Не умна, косноязычна,
Своейравна неприлично,
Беспринципна и всегда
Слишком папою горда.*

Здесь читателю слышатся интонации Леонида Филатова, используется аллюзия к

произведению «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

И всё-таки наиболее часто Н. Ивлеев обращается к ямбу. Ямб более лиричен, он используется в любовной лирике, в стихах о природе:

*Холодный ветер хлещет броско –
И безразличен, и суров.
И на распятии ветров
Одна тщедушная берёзка,
Остановившись на бегу,
Под кручу косы уронила,
Вся изогнулась и застыла
На самом краешке в снегу.*

Ямб повествует, передаёт порыв, движение, с его помощью можно выразить различные чувства – от гнева и раздражения до мечтательности и задумчивого философствования:

*Не так идёт, не так стирает,
Не та постель, не то бельё.
Не то, не то... И отвергает
Всё подсознание моё...*

Этот двухсложный размер Н. Ивлеев намеренно использует в поэме «Короткий роман», аккуратно, старательно воссоздавая «онегинскую строфу» (AbAb CCdd EffE gg), «чтобы современных русскоязычных поэтов подвигнуть на возрождение великой русской поэзии»¹:

*Как тягостно нам ожиданье,
Как рвётся сердце из груди,
Когда назначено свиданье,
А время шепчет: «Погоди,
Ещё не срок для дел сердечных,
Ещё есть много бесконечных
Других немаловажных дел,
Которых сделать не успел;
Тех, что, мешая словно путы,
Преградой вечною встают*

*И жить спокойно не дают».
И тягостно идут минуты,
Сомнений множа тесный круг,
И дело валится из рук.*

Говоря о фонетической стороне произведений поэта, следует отметить элементы звукописи:

*Но вскоре всё поразвалили, / Разговорали
вскоре всё...* (при помощи звукового повтора «в», «р», «з» создаётся ощущение разрушения, хаоса);

Окинув двор орлиным оком, / Отремонтировал дома, / Сорвал решётки с наших окон... (звуковой повтор «о», «р» интонационно передаёт неторопливость, степенность, солидность, изображает действия по-хозяйски уверенного человека).

Среди лексических средств выразительности выделяются следующие:

1. Эпитеты – эмоционально-оценочные (*нахальный ветерок, неласковое солнце* и др.), метафорические (*орлиное око, лобастый вождь* и др.), которые позволяют наиболее наглядно представить описываемый образ и дать ему оценку.

2. Метафора (*...каждая минута / Грозит тревогой...; / Не распыляй тепла души / На искры кратких увлечений; Мы шли вперёд напропалую, / Стирая с лиц кровавый мрак* и др.), воздействующая на воображение и чувства читателя.

3. Сравнения (*Ревёт толпа, как дикий зверь, / И волны бедственной отчизны / Набато́м бьют в стальную дверь* и др.).

4. Оксюморон (*грешные святые*), подчёркивающий внутреннюю противоречивость описываемого объекта и ситуации.

5. Фразеологизмы (*Надеясь шапкой обнажённой / Народ в бараний рог согнуть; Труд – всех начал первооснову – / Мы не подняли на ура; ...дело валится из рук* и др.), придающие авторскому повествованию живость, усиливающие экспрессию текста.

¹ Ивлеев, Н. Короткий роман // Союз писателей. – 2018. – № 5. – С. 69.

² Ивлеев, Н. Из нашей биографии // Союз писателей. – 2018. – № 3. – С. 30–33.

6. Игра слов: *Давно моя мне песня спета, / И я отпетый человек!* В одном контексте совмещаются два фразеологизма с трансформированной структурой, включающей слова с одинаковым корнем – «песня спета» (вместо «песенка спета») и «отпетый человек» (вместо «отпетый негодяй»).

В целом лексический уровень произведений Н. Ивлеева богат, представлен разными лексико-семантическими полями: «человек – государство», «прошлое – настоящее», «воля – несвобода», «любовь – ненависть», «богатство – бедность».

Рассматривая особенности синтаксиса, хочется отметить преимущественное использование поэтом многочленных сложных и простых осложнённых предложений. Так, например, в произведении «Из нашей биографии» двадцать шесть строк из тридцати пяти написаны единичными предложениями². Нередко обращается Н. Ивлеев и к анафоре, которая используется как средство убедительности:

*Теперь подумать даже трудно,
Теперь такой колбаски нет,
Теперь взамен колбаски чудной
Для кошек варят «китикет»!*

Среди собственно стилистических приёмов ярко выделяются следующие:

1. Антитеза, оформляемая лексически и грамматически:

*Настал итог: страна в полнеба,
Сокровищ недр её не счесть,
Но так бедна, что вдоволь хлеба
Была не в силах произвести...*

Контекстуальными антонимами в данном примере являются «в полнеба – бедна», «сокровищ – хлеба», это противопоставление усиливается при помощи противительного союза «но».

2. Аллюзии, указывающие на какое-либо известное явление:

*Гляжу я на тебя, Россия,
И тоже хочется сказать:
Умом Россию не понять,
Увещевать её – пустое.*

В этом фрагменте легко узнать строчку из поэзии Ф. И. Тютчева. Аллюзии обычно выражаются вербально, однако в некоторых случаях намёк на поэта, писателя угадывается на уровне ритма, слога («Сказка о генсеке», вызывающая ассоциации с произведением Л. Филатова), в других содержится указание самого автора на связь с определённым произведением («Короткий роман» написан «онегинской строфой»). Кроме того, выявляются сюжетные параллели с историческими событиями, произошедшими в нашей стране.

Таким образом, исследовав некоторые особенности языка и стиля Н. Ивлеева, можно утверждать, что его произведения имеют художественную ценность и представляют интерес для исследователя-лингвиста, литературоведа, историка, культуролога. Используя классические художественные приёмы, автор создаёт в своих стихах настроение, а также атмосферу прошлого и настоящего – времени, в котором живёт он, человек, поэт, гражданин.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

Театр без границ:

Театр кукол «Сказ» начал реализацию гранта Президента РФ

Утром 31 августа в Новокузнецком театре кукол «Сказ» прошла первая пресс-конференция, посвящённая старту межрегионального кукольно-драматического проекта «Три толстяка» для детей и взрослых с ограниченными возможностями (Санкт-Петербург – Новокузнецк).

Проект реализуется в рамках гранта Президента РФ на развитие гражданского общества (2018) при поддержке Администрации города Новокузнецка в партнёрстве и при участии народного артиста России **Владимира Машкова**. На логотипе проекта обозначен лозунг – известная цитата Владимира Машкова: «Я смог, и ты сможешь!»

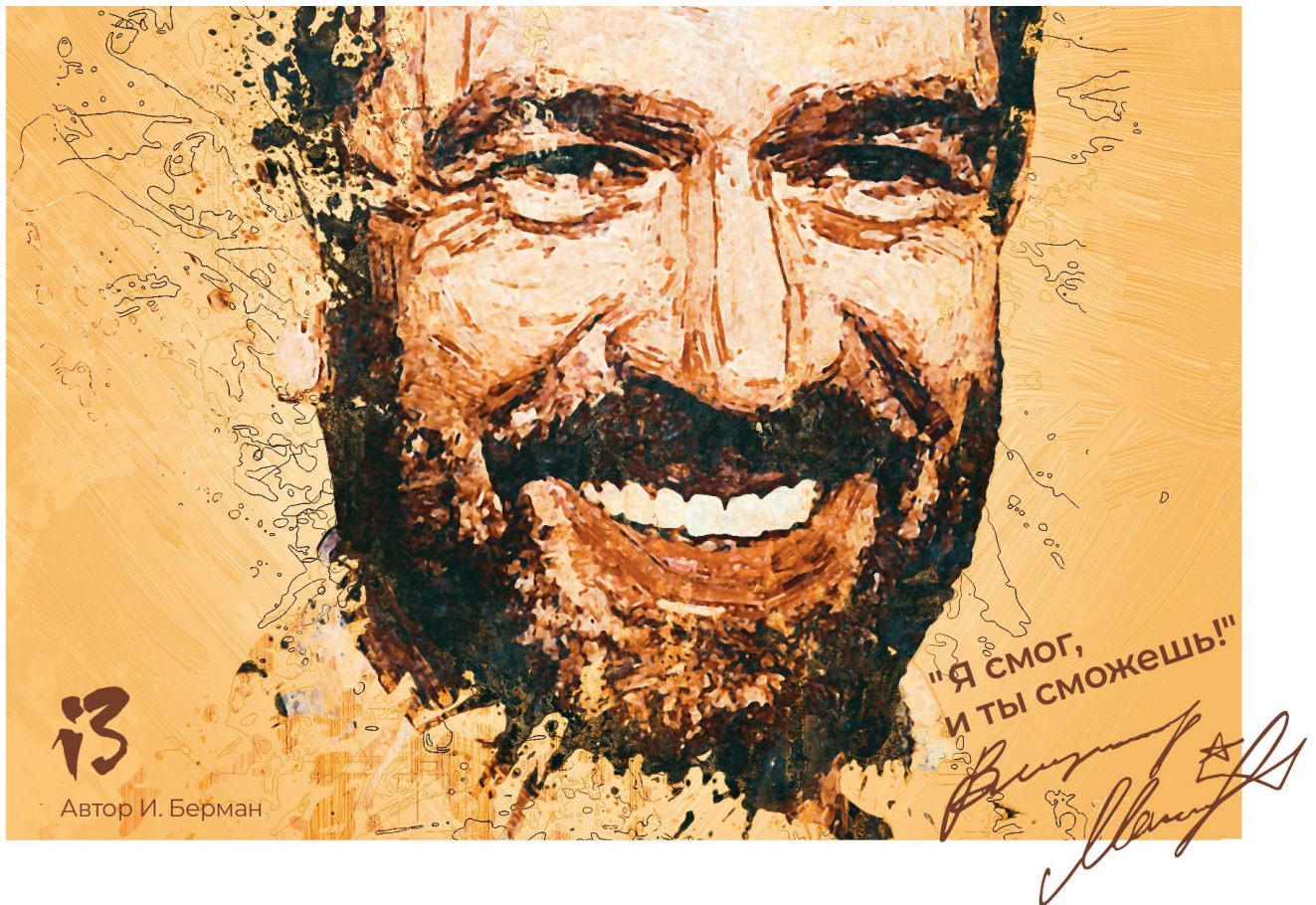
Идея проекта возникла три года назад, и построена она на синтезе разных видов искусства, использовании многовариантных сценических пространств.

Главный символ сценического действия – Просперо (кузнец) – будет реализован в образе огромной куклы, олицетворяющей надежду на то, что в жизни всегда есть или должен быть тот, кто поможет! Цель проекта – не просто вызвать желание помогать в Год волонтера, а сделать такое подвижничество велением души, каждодневной практики.

Первая часть главного театрального действия пройдёт **20 декабря** на уличной мобильной сценической площадке перед зданием обновлённого театра кукол (кинотеатр «Коммунар»). Здесь будет создано креативное пространство для привлечения горожан к сценическому действию при активном участии людей с ограниченными возможностями.

Преодоление самых разных ограничений, самореализация, куклотерапия – главные темы проекта. Вторая часть театрального действия предусматривает показ спектакля силами «особых актёров», коллектив которых уже работает в театре кукол «Сказ» под руководством Ю. А. Самойлова и называется «Место встречи – театр кукол «Сказ»».

Чуть позднее 31 августа состоялась встреча авторов проекта «Три толстяка» с главой города Новокузнецка Сергеем Николаевичем Кузнецовым. Руководитель проекта Давид Бурман рассказал о международном фестивале «КУКАРТ», ежегодно проводимом в Санкт-Петербурге, показал

видеосюжет с участием в фестивале нашего театра кукол «Сказ», после чего разговор плавно перешёл в русло нового проекта. Сергей Николаевич с нескрываемым энтузиазмом воспринял предложения от авторов проекта, пообещав всестороннюю поддержку и участие администрации города. Особенно его впечатлила нацеленность проекта на привлечение к активному участию в нём детей и взрослых с ограниченными возможностями.

17 сентября в театре кукол «Сказ» прошла первая репетиция «особых актёров». Их познакомили с проектом «Три толстяка», в котором им уготовано самое непосредственное участие, которое даст людям с инвалидностью возможность заявить о себе, проявить творческую индивидуальность, доказать, что ничего невозможного нет!

Е. Э. Протопопова, гл. специалист по библио-маркетингу МБУ «МИБС», член Союза журналистов РФ

Фото: О. Д. Анчокова

Следите за развитием проекта на сайте «400 знаменитых новокузнецан» (новокузнецк400.рф) и в соцсетях!

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с *Ларисой Агафоновой*

Творческий кризис, или Как выбраться из лабиринта

Вы активно сочиняли стихи, писали первый / второй / очередной рассказ или даже роман, часами не отходили от мольберта. Казалось, муза успешно играет на вашей стороне и так будет всегда. И вдруг – бах! Вы сидите перед пустым листом бумаги, вяло перебираете краски, пощипываете струны гитары – и ничего, ни малейшей мысли.

Если это не...

- сиюминутная реакция на выход из отпуска,
- дедлайн на работе, придавивший ответственностью,
- временное расслабление после отправки 300-страничного романа в типографию;

Вам кажется, что...

- идеи закончились,
- ваше творчество никому не нужно,
- вы написали / сочинили / придумали всё, что могли;

Вы чувствуете...

- подавленность,
- утрату веры в себя,
- бесконечное желание поплакаться кому-нибудь в жилетку / порыдать в подушку...

...есть вероятность, что вы попали в лабиринт под названием «Творческий кризис», из которого довольно СЛОЖНО, но МОЖНО выбраться.

В психологии под термином *творческий кризис* обычно понимают субъективное ощущение невозможности творить, периодически спонтанно возникающее у любой творческой личности, во время которого автор теряет способность создавать новые произведения или переживает творческий спад.

Ключевые слова: *субъективное, периодически, у любой творческой личности.*

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

Итак, вы попали в лабиринт, в котором на каждом шагу подстерегают головоломки, опасности и монстры.

⚠ **Опасное чудовище.** Главный враг писателя, художника или музыканта – самая обычная, но такая коварная лень. Лень или прокрастинация мешают на каждом шагу, совсем не вовремя попадают под ноги и заставляют спотыкаться.

✓ Никакого завтра, с понедельника, после отпуска! С ленью можно только бороться, а не идти у неё на поводу. Ищите, чем вы сможете себя наградить (да-да, именно так), если сделаете пару пока ещё маленьких шажочков к цели: напишите страницу, несколько четверостиший, план статьи (я в этот раз начала как раз с плана).

△ **Отсутствие идей, куда двигаться.** Вы сидите перед компьютером, а в голове хоть шаром покати. Идей нет. Совсем.

✓ Вы живёте не в вакууме, а во вполне населённом мире. Вспомните важного для вас знакомого, друга или недруга (что ещё лучше), воспроизведите моменты общения с ним, попытайтесь придумать другое завершение событий, развязку ссоры или разрешение конфликта, поставьте себя на место этого человека, мысленно сыграйте его роль. Первый шаг к новому персонажу сделан.

△ **Необходимость сделать первоначальный выбор верного пути.** У вас множество идей, прототипов героев и... невозможность остановиться на чём-либо конкретном.

✓ Не ждите, что ваши герои сами построятся по ранжиру и стройными рядами промаршируют по страницам сюжетных линий. Выбирайте того, кто вам более симпатичен (или наоборот, того, кого хочется придушить уже в первой сцене), и рисуйте крупными мазками его характер, привычки, поступки. Остальные персонажи притянутся как магнитом.

△ **Разветвление тропинок.** Налево пойдёшь, героя потеряешь, направо – сюжет забуксует. Вы застряли на полпути и не знаете, куда двигаться дальше в новом произведении. Вы испытываете злость к самому себе за то, что никак не примете решение.

✓ Не спешите себя казнить, сгоряча отправлять своего героя на необитаемый остров или выбрасывать с парашютом. Отвлекитесь, займитесь привычным делом, хоть вышиванием крестиком (если, конечно, умеете и любите это занятие). Пока вы будете выполнять действие, не требующее умственного напряжения, ваше подсознание подкинет вам пару-тройку стоящих идей.

△ **Выбор неверного поворота и попадание в ловушку.** Вы с ужасом понимаете, что отправили вашего главного героя не по тому пути, приписали несвойственные ему качества и заставили совершать не подходящие его характеру поступки.

✓ А кто сказал, что люди не меняются? Позвольте персонажу «доиграть», идите за ним. Вполне вероятно, именно так ваше произведение обретёт новое дыхание, а ге-

рои заинтересуют пресыщенного зрителя. И за этим поворотом сюжета – долгожданный выход из кризиса.

△ **Коридоры в вашем лабиринте «украшены» страшилками.** Вам постоянно кажется, будто читатели или зрители будут вас осуждать и говорить, что ваш рассказ, роман, картина не заслуживают интереса, внимания и одобрения.

✓ А как вы раньше справлялись с негативными комментариями (если они были)? У вас есть свой круг читателей? Положительные отзывы? Перечитайте их, смакуйте каждое слово одобрения. Самооценка писателя, поэта, художника – хрупкая, почти хрустальная субстанция. В ваших интересах не отправлять в неё ядовитые стрелы самобичевания. Пишите для своей благодарной аудитории.

△ **Усталость от бесконечного движения и быстрого темпа.** Вы творили всё лето / осень / отпуск, словом, работали без перерыва. Устали, опустили руки и предпочитаете мечтать, что придёт «проводник» и выведет вас к свету в конце туннеля.

✓ Зовите на помощь! Если у вас случилась перегрузка нервной системы, последовавшая за творческим подъёмом, дайте себе отдохнуть, отоспитесь, возьмите паузу. Попросите близких отвлечь вас, устройте совместную вылазку, займитесь спортом. Используйте кризисное время с пользой!

△ **Лабиринт отказывается отпустить своих пленников.** «Раз я до сих пор не выбрался, значит, я уже никогда не смогу снова писать, создавать, творить, – думаете вы. – Да и никто меня, наверное, не ждёт за порогом лабиринта».

✓ Ждут! Ещё как ждут! Ваших новых произведений, искромётных идей, лирических стихотворений и потрясающих героев! И ради ваших читателей, зрителей и друзей вы абсолютно точно выберетесь из своего лабиринта.

Друзья! Даже из самых запутанных лабиринтов, полностью меняющихся год от года, можно выбраться. Пусть никакие минотавры не помешают вам обрести свой верный путь, преодолеть препятствия и найти выход из творческого кризиса!

ХУДОЖНИК СЛОВА

Литературный проект, посвящённый 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

В марте 2014 года Президент РФ издал указ о праздновании в 2018 году 200-летия со дня рождения И. С. Тургенева. В России, в Германии, во Франции (страны, связанные с жизнью и творчеством писателя) развёрнуты и действуют многочисленные выставки, фестивали, конкурсы, цель которых – показать во всей полноте наследие, доставшееся нам от великого русского писателя. Невозможно остаться в стороне этой акции всем, кто знаком с произведениями И. С. Тургенева, кто любит его творчество (а если и не любит, то наверняка отдаёт дань уважения его таланту), кто так или иначе причастен к литературе.

На сайте «Союз писателей» с 20 марта по 30 апреля был развёрнут проект, посвящённый 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева, под названием «Художник слова». В проекте приняли участие авторы сайта. Разговор шёл о творчестве И. С. Тургенева и конкретно о таком удивительном жанре, как стихотворения в прозе, представленном в тургеневском цикле «*Senilia*» (лат. «старческое»). Разговор касался теории и прак-

тики. Участники проекта делились своими мнениями по поводу особенностей данного (сложного, необычного!) жанра и, кроме того, попробовали себя в написании стихотворений в прозе. Для кого-то это вылилось в создание собственного цикла, а кто-то, оттолкнувшись от темы проекта и получив творческий импульс, пошёл дальше – стал писать в других жанрах, развивая и по-своему осмысливая стихотворения в прозе.

Проект показал творческий потенциал наших авторов. Потенциал этот высок! Все участники продемонстрировали искреннюю заинтересованность, готовность и умение овладевать новыми теоретическими понятиями и переносить это на практику. В нашей подборке представлены лучшие тексты.

Благодарю администрацию сайта «СП» за предоставленную для проведения конкурса площадку! Благодарю всех участников проекта! Желаю всем творческого развития, успехов! Мира!

Ведущая, спонсор проекта Вера Сытник

Олег Андреев

Блокада

Мой муж ушёл на фронт в первый день войны. После отъезда мамы с Сашенькой, стала ждать от них весточки. Но шли дни, а писем не было. По городу ходили разговоры о разбомбленных эшелонах. О муже тоже ничего не слышала. В памяти осталась его прощальная улыбка и торопливый поцелуй перед посадкой в вагоны.

С восемнадцатого июля ввели карточки. Пока давали восемьсот граммов хлеба, не задумываясь делилась со своими питомцами. Город стало не узнать. Везде защитные сетки, зенитки, заколоченные досками памятники, перекрашенные купола.

Второго сентября норму хлеба урезали до шестисот граммов, восьмого числа город блокировали немецкие войска. Город бомбили и обстреливали. Сразу не стало продуктов в магазинах. В октябре на помощь врагу пришли злющие морозы.

В квартире едва теплились батареи. Поэтому спали втроём в одной постели под несколькими одеялами. В ногах устраивались Ричард и Тим.

Я стала экономить на питании, потому что моей карточки явно не хватало на всех. Очень выручали сушённые мамой продукты. Я со вздохом наблюдала, как наволочка и мешок худеют на глазах, как и мои милые подопечные. Тим стойко переносил недоедание, редко «мяучил» добавки, а Ричард вообще молчал. Он съедал, что давала, и уходил к входной двери. Всё надеялся, что вернётся хозяйка Саша.

У кота от недоедания клочьями лезла шерсть. Ричард не выглядел уже рукавичкой с глазами, а походил на шерстяную тряпочку без ножек и глазок.

Я решила сделать людям подарок, предупредила начальство... Измождённые люди сидели за столами перед тарелками с едой, ждали директора. Он не стал долго томить людей, коротко отчитался о делах на заводе и фронте, предложил приступить к чаепитию. Люди заулыбались. Они аккуратно съедали бутерброд и запивали с наслаждением сладким чаем. Через полчаса директор махнул мне рукой. Я расчистила возле себя место и вытащила на свет Тима и Ричарда. Водрузила животных на стол и дала им по кусочку рыбы с хлебом.

– Какое чудо! – закричали люди. – Ничего прекраснее мы не видели за последние два года. Все подходили и тянулись к животным, чтобы погладить. Кот и собачка не обращали внимания и лакомились угощением. Впервые я почувствовала, что мы победили в этой войне и выстояли блокаду. Так любить животных могли только сильные и великие люди.

Ольга Видяйкина

Волшебник, труженик, задира...

У каждого времени года свой дождь. Осенью он нудный и холодный, злой – по-

тому что пытается смыть последние яркие краски, подавить гордое величие замирающей природы.

Зимой, замерзая, превращается в снег – иногда мягкий и пушистый, доверчивый и красивый, а иногда – колючий и чужой.

Летом – ласковый и тёплый, неутомимый, весёлый труженик.

В июльскую жару желанный, как дорогой друг или долгожданный гость.

С наступлением весны дождь превращается в доброго волшебника, который преображает всё вокруг.

Первый весенний дождь бережно и заботливо умывает землю, мечтающую скорее сбросить ледяную рубашку и одеться в цветастые сарафаны луговых трав. Измученную и усталую, но счастливую от наступления весны.

Ольга Власова

Лёгкая рука

Тепло весны меняет мир невольно.

На пустыре, за низким дощатым забором растут тутовники.

Только упорный, трудолюбивый человек мог вырастить на каменистой почве деревья. Сейчас они усыпаны созревшими крупными чёрными ягодами и манят каркающих ворон, которые пугаются и улетают, когда размахивает тростью старичок.

Как-то проходила мимо, остановилась и сказала ему:

– Уважаемый, установите чучело на возвышении, птицы не будут беспокоить.

Он кивнул. А я поторопилась в магазин за продуктами.

Вечером на участке дедушки стояло пугало, одетое в синюю тонкую кофточку с длинными рукавами и в тёмную макси-юбку. Соломенная шляпка с широкой лентой дополняла изысканный наряд.

Смешной страж кое-кому внушает страх.

Спустя три дня иду знакомой дорожкой. Владелец участка увидел меня, подошёл ближе и с грустью пожаловался:

– Ночью украли чучело, моего верного охранника.

Улыбнувшись, успокоила его:

– На мелочи не стоит обращать внимание. Зато у вас лёгкая рука.

Он удивлённо прищурил глаза, почесал затылок и воскликнул:

– Серьёзно! Об этом и не знал!

– Ну да, – ответила я, – поэтому ваши деревья самые высокие, а их плоды сочные и вкусные, – а мне нужно бежать в супермаркет.

Про себя подумала: «Благодаря доброте старика многие поколения будут любоваться красивым садом. Тутовники – долгожители, живущие сотни лет».

Нина Гаврикова

Грибы

Выходной. Выезжаем из душного, тесного города. Торопимся на просторы русской северной девственной природы – отдохнуть, очистить лёгкие от тяжёлого дыма заводов, гари, копоти, выхлопных газов автомобилей, от вездесущей серой едкой пыли.

Путешествие по заветным местам дарит заряд бодрости, оптимизма. Лес наполнен прохладой и свежестью. Деревья, качая кронами, шумно переговариваются друг с другом. Листва чуть заметно трепещет от нежного прикосновения ветра. Осторожно ступаем по упавшим тонким веткам, они сердито трещат, предупреждая обитателей здешних мест о присутствии людей. Птицы на мгновение замолкают.

Издали замечаю в поредевшей к осени траве красную шляпку. Неторопливо присаживаюсь, аккуратно срезаю гриб под самый корень. Восторг наполняет душу! Первобытный азарт овладевает телом! Каждый следующий шаг по земле как целая вечность, пока следующий подосиновик не качнёт мне приветливо шляпкой. Очередная удача, а в сердце разливается любовь без границ. Корзинка полна, пора возвращаться.

Вот и дача. Высыпаем дары природы на стол и готовим долгожданный ужин. Заслышав гул машины, как по команде припадаем к окнам. Любопытство пронзает сознание в сотые доли секунды: кто может в этой глуши странствовать в такой поздний час?! Да это же наши соседи, едут проведать родителей. Знакомство, однажды возникнув, как маленькое тёплое течение реки Дружбы, кружит нас в водовороте и носит от одного берега к другому.

Стук в дверь усиливается. Оказывается, сегодня у семейной пары юбилей! Мы все вместе кочуем к соседям на загороду¹. Стол накрыт по-деревенски хлебосольно. Чего тут только нет: пироги, студень, огурцы и грибы солёные, салаты, фрукты, конфеты. Поздравляем юбиляров. Свет вечерней зари будоражит сознание. Белоснежные облака висают над лесом, будто ангелы машут крыльями. Снисходит внутреннее умиротворение. Счастье! Вот оно, рядом! Оно здесь везде!

Философские размышления прерывает мама юбиляра, щедро угощая нас, предлагает отведать солёных грибов. С неохотой, просто для уважения, берём с мужем по ложечке, пробуем. О чудо! Что это?! Такая вкуснотища! Спрашиваю рецепт приготовления, на что опытная хозяйка отвечает просто:

– Да здесь рыжики с сыроежками.

– Как? А мы сыроежки не берём.

– Вот и зря. С сыроежек снимаю плёнку и кидаю в кипящую воду, потом откидываю на дуршлаг, так они остаются хрустящими. А потом солю их вместе с рыжиками, которые весь свой аромат отдают сыроежкам.

– Надо же как бывает?! – не унимаюсь я.

А старушка, милённо посмотрев на сына с супругой, а потом на нас с мужем, продолжает:

– Грибы – как мужики. Знаете, что народная мудрость гласит?! «У хорошего му-

¹ Загорода – место, обнесённое изгородью.

жика баба – золотая и все самовары в доме блестящие!» Али не согласны?

– Как не согласиться! – улыбаюсь я в ответ.

Александр Головки

Концертная площадка

Снова весна, и снова влечёт меня на природу: поближе к воде, к лесу, к естеству.

Спускаюсь в близлежащую от дома балку, перешагиваю Капельный ручей и углубляюсь в знакомый лесок.

Тропинка пересекает неширокий лесок и выходит к другому ручью. На противоположной стороне небольшая равнина, поросшая травой, поднимающаяся довольно круто к плоскогорью, также заросшему лесом, тянущемуся вдоль всей балки.

Здесь хорошо постоять, послушать пение птиц, понаблюдать за лесной жизнью муравьёв с их огромными кучами-муравейниками. Да и сам грешен – на воле душа раскрывается, вдруг запросит песни...

Это моя лесная концертная площадка. Здесь вряд ли кто-либо меня увидит и услышит, кроме птиц. Их не смущают мои певческие потуги, – наоборот, скворцы, словно аккомпанируя, аранжируют мой вокал, вплетая свои уклады.

Елена Долгих

Любовь сильнее смерти...

...В самом начале книги Тургенева «Стихотворения в прозе (Senilia)» есть обращение автора к читателю: «Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет – и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, – и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу».

Я последовала этому совету и ни разу не пожалела. Таким образом, дни мои вдруг разделились и получили названия: «дерев-

ня», «соперник», «житейское правило», «довольный человек», «воробей». Читая по одному стихотворению в день, я осмысливала всё происходящее вокруг по-иному. В соответствии с прочитанными строками мой внутренний мир менялся.

Вдруг оказалось, что я совершенно не думала и не понимала, что такое деревня. Постепенно приходило осознание, насколько коротка жизнь и ценна тем самым. День-«соперник» подарил мне размышления о бренности существования и даже наполнил душу унынием. Зато день-«воробей» показал, что победить страх можно всегда. Особенно, если ты наполнен любовью. Раз за разом приходило понимание, насколько глубоки эти на вид незатейливые миниатюры, названные писателем «вздохами старика». Как мне хотелось пообщаться с ним вживую!

Увы, оставалось лишь одно – придуманные мысленные диалоги...

Но скоро книга закончилась. Стало как-то неуютно – как же назвать следующий день? Вечером, раздумывая об этом, я вдруг поняла: день надо называть по окончании оного!

Так в копилке моей жизни появились новые стихотворения, миниатюры и названия каждого прожитого дня: «весельчак», «за хлебушком», «хочется плакать» и так далее.

Дневник наполнился записями, а голова – мыслями. Жаль, но, поступив в институт, я прекратила вести дневник, а старый со временем потерялся. А вот привычка давать название дню осталась! Вечером, перед сном, перебираю события прошедшего дня и даю ему имя. Иногда оно парадоксально, но всегда верно отражает мои чувства.

Однажды я попыталась назвать день поутру. Просто сказала первое, что пришло на ум: «Интересная встреча» Так и вышло! Никуда не собиралась идти, кроме магазина, но именно там услышала разговор, положивший начало записям-воспоминаниям, впоследствии вылившимся в книгу сказок. Это ли не чудо!

Иду домой, улыбаюсь, иногда мысленно разговариваю с Тургеневым. Он умел находить любовь там, где, казалось, она меньше всего присутствует. Очевидно, поэтому его произведения до сих пор волнуют читателей и меняют их мировоззрение.

Каким будет мой сегодняшний день? Какое название я ему дам? Каким бы оно не получилось, самое главное в одном – это будет наполнено любовью к жизни.

Марина Зейтц

Кошка

Как высоко летел наш самолёт!

И мысли были так под стать и облакам, и небу, и надеждам...

Но где-то вдруг родился этот стих, он напоролил мне невзгоды. От строк струился тяжкий дух, тревожный смог и запах гари.

В нём эта комнатка, где боль, где сердце разбивается... Жестоко разъединение двух непокорных душ, когда одна стремится подавлять другую, и та, что плачет, вскоре начнёт ей непременно мстить.

Как берег тих и ласков пляж под южным солнцем!

Но стих написан дерзкою волной на золотом песке, в камнях прибрежных есть крошки соли. Запах трав гниющих, цветов, в истоме стонущих от жара... И взгляды, блики, недосказанные фразы. Они уже вошли в стихи: крича о горе, об измене.

Я их пишу! А что мне остаётся? Летаёт чайка, крыльев не жалея, и ей стонать ещё придётся долго, пока я не услышу Слово. Я запишу его. Поставлю точку. И упаду на мокрые асфальты городов, на снег и в листья – год я проживу.

А дальше... Я умирала долго, растворяясь в тишине – за дверью, под часами, в стылой кухне. Бросала из окна сюжеты – в них всё придумано не мною, не для счастья.

Я родилась другой, потом, в экстазе.

Я стала чёрной и нагой, в моих глазах горела похоть. На крышу вышла и крича-

ла, хвостом по бёдрам бешено хлеща. И – стала ею.

А стих остался жить, в нём самолёт и облака, и море...

И – ничего иного больше...

Пусть будет.

Ирина Критская

Майский дождь

Ты любишь дождь в мае, я знаю... Когда крупные капли, слезясь, стекают по стеклу, мы в твоей машине, как в маленьком, но крепком кораблике, плывём и плывём среди серых луж и даже вздымаем волны, с плеском набегающие на тротуар.

Не открывай окна! Я не хочу, чтобы мутный, сырой туман в моей голове взорвался от раздражающего запаха тополиных почек, от весёлого топота капель по лаковому от воды асфальту, от ярких картинок чьей-то счастливой жизни, которая пронесётся мимо, не задевая моей души.

Но ты открываешь!

Ты вновь и вновь открываешь это чёртово окно! И яростный ароматный дождь врывается в моё сердце, заставляя его биться чаще.

Ведь оно уже ничего не хотело, оно уже совсем затихло... Оно уже приготовилось к покою.

Ядовито-зелёный лес ветвями обнимает нашу машину, затягивает её внутрь себя и прячет среди тяжёлых, обвисших елей.

И капли сбегают со стёкол, они не выносят непривычных ритмов.

И смерть отступает вновь,

Испугавшись твоих горячих рук...

Виктория Левина

Кафка

Сначала был кинофильм с блистательным Джереми Айронсом в роли Кафки, потом было всё, написанное Францем Кафкой: «Замок» и «Процесс», потом вообще всё,

что попадалось под руку из его короткой прозы и новелл.

Потом была Прага. Я ходила по тем самым улицам, по которым бродил мой субтильный, мучимый всевозможными комплексами и страхами Франц. Здесь, в этом доме, стоящем на границе еврейского гетто, нынче самого фешенебельного района столицы, он родился в семье рядового торговца бижутерией. А здесь, на знаменитой центральной площади старой Праги, на Староместской, жила семья уже разбогатевшего Отца с тремя сёстрами и маленьким «маменькиным» сынком. Вот здесь, в этом университете он учился.

Брожу по улицам с частным гидом – пражским художником и историком, слушаю, впитываю, пытаюсь понять этот город, который стал монстром для моего милого Франца. Вот здесь, на этой улице, он любил бродить, шёл к берегу Влтавы, долго-долго глядел в воду стального цвета, думал о самоубийстве... Вот сюда любил приходиться и воображать себя Големом на крыше Старой синагоги.

Всего этого в фильме нет – но я-то знаю. Я-то чувствую, как город обвивался кольцом и медленно сжимал тщедушную шею. Всю свою недлинную жизнь Кафка боролся с фантомом города, который был сильнее его – и всю жизнь проигрывал. Город был его навязчивой идеей, его Хозяином, его Отцом, который не отпускал ни на шаг.

«Ну, где там мои Африки с бананами и пальмами?» Худенький клерк страхового общества рабочих профсоюзов Праги и сильный Город вместе с Отцом.

Дон Кихот – Кафка и ветряные мельницы высшей силы – Праги...

Смотрю отрывки из фильма в музее Кафки, его рукописи, фотографии четырёх любимых им женщин. И опять иду к памятнику у Мавританской синагоги. Огромный костюм из меди (без головы), на плечах костюма (Отца) – маленький клерк Франц – сидит, свесив тоненькие ножки и понурился печальную голову в котелке.

Очень много жёлтых цветов – прямо сумасшествие какое-то с этими пышными цветущими кустами в жёлтом!

Плачу почти навзрыд.

Елена Лапина

Дыхание севера

Сегодня ночью случилось чудо.

На почерневший, порядком истаявший, уже рыхлый наст неспешно ложился сухой снег. Над проталинами угольно-чёрной сибирской земли, щедро смоченной дождём накануне, кружили «белые мухи».

Островки робко пробивающейся из-под жухлой прошлогодней травы первой зелени скрылись под белоснежным покрывалом. Грелись от подступившего холода.

Снегопад, обманчиво рисуя ровные дороги, прятал и грязный от комьев земли, местами потрескавшийся асфальт с замёрзшими лужами. Превратив стоявшие под окном машины в стройные ряды растущих гигантских сугробов.

Укрыл скамейки и крыши домов взбитыми белыми перинами. Повис на лохматых лапах сосен, зацепился за толстые ветки вязов. И, соскользнув с тонких ажурных веточек раскидистых берёз, осыпался.

Одиночные удивлённые вскрикивания редких нахохлившихся сонных птиц в ночной тишине будили дремавший на крышах домов ветер. И тогда в свете ночных фонарей рождался загадочный танец мириады снежинок. А по земле снежной пылью вилась позёмка, заметая дороги и тропинки к домам.

Всюду была первозданная красота, светившаяся изнутри белым снегом. Разбелившим вчерашнюю черноту ночи на лёгкую акварельную картинку зимы.

А с неба не переставая падали кристаллики льда, занесённые дыханием Севера в наши широты.

К утру выпало полметра осадков. И минусовая температура нехотя поднялась до отметки минус один в тени.

В царстве Снежной королевы творилось что-то невообразимо странное: зима накануне первого апреля?

Татьяна Мажорина

Репутация

Тихий апрельский вечер. Пришиваю новые воротнички к школьной форме. Тщательно наглаживаю крылышки белоснежного фартука, вешаю на спинку стула два огромных, таких же белоснежных банта, новенький галстук. Любуюсь последним. Яркое-красное шёлковое чудо пылает, переливаясь на свету, как мне кажется, моей радостью. Завтра наступит 22 апреля – я стану пионером!

– В этот день, – рассказывала учительница, – родился Владимир Ильич Ленин.

Папа, пристроившись на стареньком диване, читает газету «Огни Кавказа». Это ежевечерний ритуал – отвлекать разговорам нежелательно. Мама в Майкопе, в больнице. Не так давно ей сделали операцию. Но о выписке пока речи не идёт. Мечтаю, как после школы сяду в электричку, растегну кофточку... должны же люди видеть, что едет настоящий пионер. А мама-то как обрадуется! Наверное, ей сразу станет легче. И мы вернёмся домой вместе!

Ночью просыпаюсь несколько раз, щупаю рукой: на месте ли галстук, смотрю на будильник, как тот Петя-первоклассник из книжки Агнии Барто, который всё боялся проспать 1 сентября.

Наконец утро! Солнышко нежно целует окна, ласково заглядывает ко мне в комнату и замирает от восторга, увидев моё яркое-красное чудо. Мигом поднимаюсь, улыбаясь ясному дню. Наскоро совершив утренние процедуры, кручусь перед зеркалом. Прикладываю галстук к груди. Что-то горячее разливается по всему телу. Представляю, как я на торжественной линейке буду докладывать:

– Товарищ председатель совета дружины, рапортует председатель совета отряда

3-го «А» класса. Отряд к торжественному приёму в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина построен!..

– Всё! Хватит мечтать, – говорю сама себе. – Пора выходить!

Иду по улице с гордо поднятой головой. Улыбаюсь прохожим. Мне кажется, что все вокруг понимают, какой у меня сегодня счастливый день. Навстречу мне – бело-розовые облака цветущих абрикос источают удивительный аромат... Счастье!

Широкий школьный коридор. Блестят только что вымытые полы. Началось построение. Все начальные классы в праздничной школьной форме. Ярче других смотрятся третьеклассники – оно и понятно – сегодня у них (у нас!) праздник! Мальчики в синих брюках, а девочки в синих юбках. На всех белые рубашки.

Увидев меня в школьной форме, моя добрая прежде учительница не могла сдерживать возмущения:

– А для тебя что, закон не писан?! Ждём представителей из горкома партии! Будут фотографировать. Что мне директор скажет? Как моя репутация в конце концов!

Растерявшись от шквала вопросов, мямлю в ответ что-то невразумительное:

– Мама не могла... не может... купить или сшить... она... это... она в больнице.

– Так! Чудненько! Рапорт говорить не будешь. Давай сюда галстук.

Нервно схватив меня за руку, быстро отвела в конец 3-го «В» класса, шепнула что-то другой учительнице – та кивнула в ответ. За мной стояли ребята 4-х классов в таком же наряде. Фотографию для отчёта я не испортила...

Мне завязали галстук самой последней. Репутация учительницы осталась незапятнанной. А что творилось в моей душе, никому не нужно было знать...

Ни тогда, ни сейчас никого не виню, поскольку перегибы при любой системе были и – уверена – будут во все времена. Ретивых исполнителей не прошибёшь...

4 апреля 2018 г.

Наталья Меркушова**Арбуз**

Она сидела за столом и смотрела на него. Это был огромный арбуз в тёмно-зелёную полоску.

«Наверное, он очень вкусный, – думала Она, – но я не стану есть».

В комнате было очень холодно. Наступила осень, но не поздняя, когда уже надо топить печь, а только один из холодных дождливых дней ранней осени.

Но арбуз так и манил к себе, как будто призывал разрезать. И руки сами собой потянулись к ножу...

– Нет, не буду разрезать, не буду! – с отчаянием произнесла Она.

Руки были холодными. Нож был холодный. И всё вокруг было холодно. Стыло.

И тут пришёл Он. Она не ждала его так рано. Обрадовалась и начала бессвязно лепетать о холоде, о руках, об арбузе...

Он улыбнулся и сказал, что ожидал этого, и сейчас затопит печь.

Скоро в комнате стало тепло и уютно. На столе лежал разрезанный арбуз.

Она откусила кусочек дивной мякоти ягоды. (И почему арбуз – ягода?!)

Сок арбуза был сладким... и холодным! Но это уже не волновало, Ей было тепло.

«Какое счастье, – думала Она, – какое счастье...»

Елена Мищенко**Осенью**

Осень в сером выцветшем платье бесцельно бродила по городу, разбрасывая налево и направо пожухлые листья. Шальный ветер увязался следом и, кружась в замысловатом танце, подбрасывал листья вверх-вниз, чем сильно досаждал усатому дворнику: стражу чистоты и порядка никак не удавалось собрать листву в кучу. Бестолково размахивая метлой, он ворчал, ругая погоду, и мечтал о тепле и стопочке тминной

водки. Не обращая внимания на проказы ветра, осень шла и шла по улицам, с любопытством заглядывая в окна.

Город просыпался медленно и неохотно: горожане не спешили выходить навстречу холоду и слякоти. Нынешний сентябрь выдался совсем не таким, как хотелось: рано ударил мороз, яркие краски быстро потускнели, лишив природу очарования, а частые дожди не способствовали длительным прогулкам.

Осень заглянула в одно окно, затем в другое, и жуткая картина будничности и тоски открылась её взору. Вид сонных, зевающих и наспех пьющих кофе людей опечалил осень. Она всплакнула, доставив тем самым радость усатому дворнику: старик, устав гоняться за листьями, обречённо взмахнул метлой и, возблагодарив небеса, скрылся за дверью коморки. А осень, подбрав истрёпанный подол, присела на мокрую скамейку и загрустила. Чем она поможет людям? Да ничем! Пусть всё идёт так, как задумано свыше. Если с утра накрапывает дождь, ещё не факт, что он продлится до вечера. Внезапно подует ветер, растащит плаксивые тучи в стороны, очистит небо – и долой уныние! Всё вдруг заиграет, заискрится, и даже лужи под ногами не будут казаться серыми, если там купается солнце.

И осень, успокоенная философией вечности, перед тем как раствориться в самой себе, решила ещё раз попытаться счастья: а вдруг повезёт встретить человека, что не клянёт наступающий день за новые проблемы, за капризы погоды и не обращает внимания на плохое самочувствие? Человека, довольного жизнью в любых её проявлениях.

Осень встала и побрела по пустынной аллее, к зданию городской клиники. Все окна пугали чернотой, кроме одного, на втором этаже. Осень тихонечко подкралась и прильнула к стеклу. Через решётку, за неплотно задёрнутой шторой, она увидела человека.

Укутав плечи зелёным клетчатым пледом, пожилой мужчина что-то торопливо записывал в лежавшую на коленях тетрадку.

Осени хотелось заглянуть человеку в глаза, понять, что же заставило его в такую рань взяться за перо? А может, он и не ложился вовсе? Впрочем, чем же ещё лечить душевные раны, как не желанием поделиться с кем-то своей болью? Пусть это будет хоть пухлый дневник, заполненный золотым паркером, хоть тоненькая тетрадка, испи-санная отгрызком чернильного карандаша. Важно, что в ней! Какую истину проливают на свет строчки, обнажённые изболевшейся душой.

Постояв под окном, осень тихо удалилась, оставив человека наедине с его мыслями. Но о чём-то подумав, вернулась, и когда мужчина бросил взгляд на окно, он увидел прилипший к оконному стеклу ярко-жёлтый кленовый лист. Улыбнулся краешками губ, в потухшем взгляде блеснула озорная искорка и тут же сменилась озабоченностью: нужно спешить! Всклоченная голова склонилась над тетрадкой, пальцы крепче сжали карандаш...

«Пусть пишет, – думала осень, шлёпая по лужам. – Когда на бумагу проливаются мысли, человеку становится легче. Душа освобождается от тяжести невысказанного. Сердце учится прощать и понимать. Торопись, Человек, ибо жизнь скоротечна! А вдруг главные слова твоего пребывания на земле так и останутся несказанными?»

И осень бесшумно растворилась в утренних сумерках, оставив после себя лужи, ворох мокрых листьев и тоскливое настроение. Но уверенная в том, что и среди людей есть оптимисты, и для них любая погода совсем не повод для расстройства, а позыв к жизни, какой бы в действительности она не была.

Лариса Радченко

Ветер

Ветер упруго ударил в грудь, разметал волосы, заставил прикрыть глаза.

И вдруг, такое чувство... Полёт! Руки в стороны, подбородок вверх. Лечу!

Я птица! Большая, сильная. За спиной надёжные крылья. Перья шуршат, перебираемые ветром. Свобода! От суеты, от вечных забот. И почему-то дышится легко, и нет усталости, только безграничное чувство счастья!

Смеюсь, встряхиваю волосы, позволяя ветру запутаться в прядях, а потом открываю глаза, опускаю руки и, не переставая улыбаться, иду домой.

Спасибо, Ветер, за свободу!

Владимир Сапрыкин

Научитесь слушать море

У моря, как и у людей, есть душа, которая страдает от бурно развивающегося научно-технического прогресса. Страдает и никак не может понять, почему в её акваторию сливают канализацию, сбрасывают побочные токсические продукты производства. Неужели люди забыли, что море – это вечно работающая фабрика качественных пищевых полуфабрикатов и продуктов, которая в самую жестокую засуху не даст человечеству умереть от голода. Нет, люди не забыли, но вечная жажда наживы не завтра, а сегодня, эта патологическая жадность современного бизнеса урвать как можно больше губит континенты, моря и океаны. Море, негодуя, шумит, как бы напоминая людям о гармонии Инь и Янь человеческих душ и тел, нашей брэнной Земли и вечного космоса. Что мы знаем о жизни в его глубинах? О космосе знаем больше, чем о море, хотя космос далеко, а море рядом.

Море! Самое синее в мире – это наше российское Чёрное море, которое как магнитом притягивает к себе на отдых миллионы людей со всех уголков Великой России. Море прекрасно в любое время года от восхода до восхода. И мы любим море за красоту, непредсказуемость и величие, за тайны, хранящиеся в его пучинах, и радость, которую оно даёт людям. И люди, посвятившие свою жизнь культуре и искусству, в знак благодарности в своих картинах и

произведениях наделяют море одушевлёнными свойствами: оно волнуется, спокойно дремлет, думает и мечтает, грозит, наказывает и милует, дарит и забирает. Море – как женщина, которая меняется на глазах каждую минуту: сколько бы ты не смотрел на море – оно никогда не надоест, потому что море всегда разное, невиданное.

...Море перешёптывается или перекрикивается с волнами и неугомными ветрами, скрупулёзно собирая априорную информацию со всей своей водной акватории. По их донесениям оно составляет свой анамнез, чтобы точно знать, какая из её четырёх сторон больше всего подвержена загрязнению. Море с чайками, ветрами и волнами разговаривает на своём языке, но все понимают друг друга.

Ночью море ведёт долгие диалоги со звёздами, а с самого рассвета и до заката – с чайками, очень дерзкими и крикливыми птицами, которые всегда чем-то недовольны.

Елена Телушкина

Тростинка

Не люблю я позднюю осень. Грязь на дорогах, серость, уныние. Пугающие скелеты деревьев, пожухлая трава. В этот период я невольно задумываюсь о бренности живого на земле. И жду, когда пойдёт снег, прикрывающий наготу природы. Но снега не было, ноябрь подходил к концу, дни тянулись медленно.

В один из таких нелюбимых мною дней, возвращаясь домой, я увидела среди седой травы одинокую тростинку. Вопреки всему она стояла зелёная и негибамая.

Каждый день, проходя мимо того места, где росла травинка, я смотрела на неё. Было видно, что холод и ветер выжимают из неё последние соки. Но она продолжала зеленеть.

И вот долгожданный снег! Такая радость обновления! Иду домой, привычно высматривая тростиночку. Но не увидела её. Не

знаю, затоптал ли её кто или пала она под натиском непогоды, но стало мне немного грустно.

И я подумала: вот так и с людьми бывает – жизнь их гнёт и ломает, старается вырвать с корнем, а они держатся. Но долго ли смогут сопротивляться натиску невзгод? Одному Богу известно.

Мила Тихонова

Слушай ветер

Стук в двери? Это стук в двери или снова ветер играет чем-то на чердаке, забравшись через разбитое слуховое окно? Пусть это будет стук, пожалуйста!

Кого ты просишь? Здесь никого нет. И её нет тоже. Вряд ли она придёт теперь. После всего, что произошло между вами, ей нет никакого резона возвращаться.

Теперь ты один. И, скорее всего, навсегда. То, что между вами было, даже невозможно назвать любовью. Наверное, это было что-то большее. Прорастание друг в друга, слияние двоих в одно целое.

Очень скоро после знакомства вы перестали удивляться тому, что читаете мысли друг друга. Иногда достаточно было взгляда. Молчание не надоедало вам – ведь вы молчали об одном и том же.

Где-то там, за границами вашего мира, были другие люди. Близкие и далёкие – разные. Они были другие. Не стоит разъяснять этого слова. Они были рядом и в то же время неизмеримо далеко, как инопланетяне.

Казалось, что у других и кровь другая, и язык. Вы часто не понимали, о чём они говорят, потому что вам было неинтересно всё, что вас не касалось.

Ты думал, что так не бывает. Что это рыжее счастье с серо-зелёными глазами – сон. Потому что наяву не может быть так волшебно хорошо. Ей достаточно было прикоснуться к тебе или посмотреть своим особенным взглядом, немного искоса и исподлобья – яркий и многоцветный, как ра-

дуга, тёплый ветер охватывал тебя всего и уносил... Уносил в такие дали, откуда Земля казалась песчинкой, а вы двое – одной большой звездой.

Но почему же ты был уверен, что этот прекрасный сон никогда не закончится? Что бы ни произошло, она будет всегда с тобой. Ты был слишком уверен. Наверное, ты забыл, что птица счастья очень капризна и своевольна. И что огонь, горящий в ваших сердцах, надо поддерживать теплом и заботой. Ты был слишком уверен.

Иногда ты уходил далеко, просто далеко. И в мыслях тоже. Всё чаще и чаще ты принимал её присутствие в своей жизни, как нечто должное и постоянное. Но ведь это было не так. Ты знал, что не так. Но, видимо, был слишком слаб и мал для такого большого счастья.

Она ни в чём тебя не упрекала. Просто пыталась заполнить недостаток твоей любви своим чувством. Какое-то время это получалось. Но потом то ли она устала, то ли ты что-то упустил и этим непоправимо нарушил божественное равновесие. Что-то произошло.

С каждым днём она становилась всё прозрачнее. Как будто таяла, растворялась в воздухе. Иногда спохватывалась и бросалась к тебе и долго, замерев, не отрываясь, смотрела в глаза, пытаясь там найти ответы на невысказанные вопросы. Но ты научился читать её мысли.

Случалось так, что она плакала, молча, не всхлипывая, просто слёзы текли по щекам и, срываясь, падали на кофточку. Она

страшно стеснялась своих слёз и всегда отворачивалась.

В тот последний день она долго смотрела на тебя. Молча. Прощаясь. Ты так ничего и не понял. А она отходила к открытому окну, становясь всё прозрачнее, неразличимее в вечернем свете. Последний луч заходящего солнца вызолотил её рыжие волосы, и с тихим вздохом она пропала, растаяла в этом луче и исчезла вместе с ним.

Ты не поверил. Так не бывает. Это неправильно. Но это случилось.

И вот ты сидишь в той же самой комнатке под крышей, в небольшой старой мансарде, которую её присутствие превращало в сказочный дворец. Иногда тебе кажется, что ты слышишь шаги, или запах лаванды, или аромат закипающего кофе, или стук в дверь.

Она всегда стучала, негромко выбивая пальцами дробь. Этот стук мерещится тебе всё чаще.

Но она не приходит. Сказка, подаренная тебе, кончилась. Ты не выдержал испытания любовью. Ведь любовь – это труд обоих. И её очень просто погубить, предоставив все трудности другому, а самому принимать, почти ничего не давая взамен.

Что это там стучит? Так похоже... Она? Она вернулась?

Это ветер. Слушай, ведь он летал там, где она теперь. Может быть, он тебе расскажет что-нибудь?

Слушай ветер, одинокий человек.

Слушай ветер.

Новый Уренгой

Волшебная скрипка

По пустынному лону океана скользил гигантский белоснежный катамаран. Косматые волны изредка вскидывали мятежные головы, словно приветствуя судно, и вновь исчезали в аквариумной бездне. На палубе в ожидании небывалого чуда собрались сто лучших людей планеты, готовых передать весь накопленный опыт человеческой цивилизации другому великому разуму, издревле обитавшему в глубинах океана: цивилизации дельфинов.

Приближался миллениум. Календарь мая пророчествовал о конце света для человечества. У горстки энтузиастов возникла идея спасения духовного, культурного и научного опыта человечества с помощью передачи всей информации на хранение иной величайшей цивилизации – дельфинам. Сто самых выдающихся людей планеты Земля были приглашены на корабль. И вот они добрались до места встречи с дельфинами.

Невысокий кудрявый седой человек со скрипкой, стоявший на самом носу корабля, заиграл. Зазвучала музыка. Заискрилось, взмыло к небесам, отражаясь на всём вокруг, нечто такое величественное, такое нежное, такое волшебное и человеческое одновременно, что в один миг взволновалась океанская гладь. Сотни тысяч дельфинов от края до края горизонта, как от края до края Вселенной, явились к кораблю и заполнили пространство вокруг него. Явились на зов скрипки, чтобы приветствовать собратьев по разуму!

Люди, восхищённые невероятным зрелищем, начали фотографировать и снимать происходящее на видео. В воздухе застрековали квадрокоптеры с видеокамерами. Они парили над волнами с угрожающим стрекотом, порой опускаясь почти до воды.

Дельфины восприняли всё это как нечто враждебное, воинственное и угрожающее. Через несколько мгновений океан опустел. Дельфины исчезли.

Казалось, что великая встреча двух цивилизаций, которую так долго ждали и так тщательно готовили, едва начавшись, прервалась навсегда. Разочарованные люди начали расходиться по каютам. Но тут вновь зазвучал скрипичный смычок, он метался по струнам и так отчаянно звал собратьев по разуму, так молил их об этом счастье... что они вернулись. Сто тысяч дельфинов вернулись к кораблю, услышав зов скрипки Михаила Казиника! Эта подлинная история произошла в канун второго тысячелетия новой эры.

От автора

Михаил Семёнович Казиник – выдающийся просветитель, музыкант, философ, писатель, педагог, искусствовед. Человек, обнимающий музыкой весь мир. Автор «Тайны гениев», книги на все времена. Подданный шведской короны, эксперт Нобелевского комитета по искусству, Человек Мира. 21 апреля мы виделись с ним в Москве на Новом Арбате, на 21-м этаже здания, в котором находится его московская квартира.

Михаил Казиник и Эльдар Ахадов
(фото из личного архива автора)

Якутск

Музыка сфер

Музыка сфер начинается заново
Каждую осень. Чудесный мотив.
Двигутся тучи и тени как занавес,
В ямах и лужах оркестр гудит.

Странно. Волшебно. Чудесно. Чудовищно.
Срезало звёздочки лунным серпом.
И лишь одна, сберегая сокровища
Неба ночного, осталась на нём.

Сухо. Морозно. Свежо. Незаляпано
Светят в белёсую мглу фонари.
И, уповая на богом заклиное,
Ищут собаки покинутый Рим.

Тихо. Печально. Снежинки бездомные,
С рая спустившись, беззвучно летят,
Падают вниз и со вздохом надорванным
Крыльями звёздными рвутся назад...

Но застывают, ногами мытаримы,
Скрипом лучей покрывая седых
Белых дорог серебристое марево,
Нотную рябь на пространствах воды.

Музыка сфер. Умирание ангелов.
Плач невидимок, потухших свечей.
Гаснет звезда. Восходящее зарево
Фуги играет на флейтах печей.

Загадка

Что в мире сём сильнее слов
И книг чудеснее мудрейших.
Что волшебство в себе сплело
И душу праведную тешит.
Что мучит грешных каждый миг
И подаёт надежду павшим.
И отчего мудрец, постигший
Правду, свой покой обрящет.
Что заставляет плакать мрак,
А зло – оттаивать сердцами,

Добро – забыть про смертный страх,
Любовь – таинственно смеяться.
Что понуждает танцевать
Назло усталости и лени,
Что веру в души поселяет
На протяженье поколений.
Чем тайну вечную постичь
И Бога замысел изведать, –
Что зажигает искрой мысль
И погружает в неизбежность.

Музыка любви

Как ранит музыка любви, –
Разит стрелою прямо в сердце, –
Как Соль-Фа-Си-бемоль дрожит,
И, поднимая выше, держит
В какой-то странной вышине,
А может, бездне неизвестной,
И не сказать тебе и мне,
О чём звучащая та песня.

Как боль куёт мечи из вен,
И струнами играет нервов,
Лишает смысла плен дилемм
И иссекает плоть неверных, –
Не та ли музыка вершит
И споры разума, и долга,
Но на предательство души
Она, конечно, не способна.

Все кажутся ничтожны с ней
Неисчислимы проблемы,
И барабаны бьют сильней
Сердец, которые не дремлют.
И содрогается земля
От ног, толкающих планету,
Туда, где зиждется заря
И весть разносится по свету.

Занозой, острою иглой
Мешает спать, всегда с тобою, –
Зовёт в дорогу свет мелодий
И никогда не устаёт.
Но лишь в душе совсем гнилой,
Испепеляя нечистоты,
Любовь подарит свой покой,
В земле навечно упокоив.

Ольга Митькина

Москва

От музыки опять захватывает дух,
И хочется застыть
И, превратившись в слух,
Понять, зачем живём на свете,
На этой маленькой истерзанной планете.

На день рождения Рахманинова (1956)

Фрэнк О'Хара

(Перевод с английского языка О. Митькиной)

Синие окна, синие крыши
И синий цвет дождя,
Эти последовательные фразы Рахманинова
Вливаются в мои огромные уши,
И я плачу до слепоты,

Ибо без него я не играю,
Особенно после полудня
В день его рождения. Счастье,
Если бы Вы были моим учителем,
А я – Вашим единственным учеником,

И я бы постоянно играл снова и снова.
Секреты Листа и Скрябина
Вы шептали бы мне над клавишами
В сумрачное послеобеденное время,
Взрачивая покой в моём волнующемся сердце.

Только мои глаза были бы грустными во время игры,
И Вы слегка ударяли бы меня по костяшкам пальцев,
Любимейший отец всех русских,
После нежно кладя мои пальцы
На Ваши холодные усталые глаза.

С. В. Рахманинов.
Художник В. Н. Россинский, 1917

Страница автора
www.olgamitkina.com

Красноярск

Музыка любви

Витала музыка в ночи.
К влюблённым нежность прикасалась.
И в небе просто, без причин
Звезда с Луною целовалась.

Лишь ты один, и я одна.
Во всей вселенной только двое.
Повсюду музыка слышна,
Волнует сердце молодое.

Мотив неведомой любви,
Зовёт, как призрак поднебесный.
И облака, как корабли,
Уносят в мир нас неизвестный.

Ты мне шептал любви слова,
Мне о такой любви мечталось.
От них кружилась голова,
И сердце счастьем наполнялось.

Памяти Виктора Цоя

Скорость. Летит машина.
Дремлет в пути шофёр.
Рвёт сон, как паутину,
Резкий удар в мотор.

Стрела пронзает мишень,
А песня летит в облака,
Туда, где кончается день,
Где нас не волнует судьба.

Скрежет колёс об асфальт...
Встречная полоса.
И зазвенела, как сталь,
В полёте его душа.

Струны гитары рвутся,
Так уж предрешено.
В памяти остаётся
Вечно живое «КИНО».

А на могиле цветы –
Жёлтый солнечный цвет,
Как символы вечности,
Будут встречать рассвет.

Стрела пронзает мишень,
А песня летит в облака,
Туда, где кончается день,
Где нас не волнует судьба.

Россия поёт

Широко и привольно, породнив берега,
На сибирских просторах льётся песня-река.
Вы послушайте страны, как Россия поёт!
Это русские люди в песнях славят свой род.

И звенят, песням вторя, Енисей и тайга,
Чтоб мелодии эти сохранить на века.
Слышим русскую удаль и сибирский размах.
В песнях тех о народе, его славных делах.

О деревнях, и сёлах, о цветах на лугу,
О любви и о встречах на крутом берегу,
О черёмухе белой, о садах, что в цвету,
Краше нашей Сибири я нигде не найду.

Владимир Шаронов

Гомель, Беларусь

С. С. Позняку на выход альбома «Моя атмосфера»

Атмосфера сердца и
 атмосфера вечности,
Атмосфера мысли и
 атмосфера духа,
Атмосфера чувств твоих –
 грусть до бесконечности,
Нотки все печальные –
 услажденье уха!

От того-то сладостно
 на душе становится,
И на сердце радостно,
 рядом Ангел словно.
Атмосферой благостной
 мир уже наш полнится,
И теперь не важно то –
 вправду или условно.

И тоской щемящие
 аж до безысходности
Чувства настоящие
 ждут Любви рождение.
С щёк смахнув скользящую
 скупость слёз от робости,
Сознаёшь вдруг счастье
 Божьим быть Твореньем!

Трубач играл у моря

Трубач играл всю ночь у моря,
Под непрерывный шум волны.
Играл с тоской то ли от горя,
От нераскаянной ль вины.

Играл пронзительно он, словно
Хотел ночи развеять мрак.
А может быть, любовь виновна
В том, что трубач страдает так?

Южный романс

От зноя солнца Ялты томной
Загар на Ваши руки пал.
Я их со страстью целовал,
Забыв, что это всё нескромно.
 Смешную выходку мою
 С улыбкою Вы созерцали,
 Как будто бы того и ждали
 В далёком солнечном краю.

Я знал, что это лишь игра:
Объятья, шёпот, поцелуи
Недолго будут длиться. Ну и
Расстаться всё ж придёт пора.
 Разлука будет так легка,
 Страдать о том, мой друг, пустое.
На мой прощальный жест рукою
Вы мне ответите: «Пока!»

Песня велосипедиста

Кручу педали,
Мелькают спицы,
Поют мне птицы,
И манят дали.
 Небес высоких
 Влечёт безбрежность,
 И ветра нежность
 Ласкает щёки.

Лечу навстречу
Я чувствам новым,
Под неба кровом
Мой поиск вечен.
 Нет песни круче,
 Чем шин шуршанье,
 Что спиц мельканья
 Быть может лучше?!

Плакательная

Что так сердце не на месте
И душе неймётся?
Болью сердце отзовется
На любые вести.

Почему весна не в радость.
Солнце – не в веселье?
Отчего всегда на деле
Доброго лишь малость?

Что же милого не видно?
В пору разрыдаться,
Без любви одной остаться
До чего ж обидно!

Отчего ж ты мне, судьбина,
Горькою досталась?
Счастья дай-ка мне хоть малость:
Жизнь без счастья – тина!

Без любви жизнь – через силу,
Маята и скука!
Жизнь – она такая... штука,
Господи, помилуй!

Это – вечная музыка

(Сонет)

Композитору С. Позняку

Прислушайтесь к мелодии: живая
Она пришла с Небес. Хоть ряд обычных нот –
Звучит же каждый в ней божественно аккорд,
Нас радостью блаженства одаряя.

Я чувствую дыхание в ней рая,
Как с плеч моих сползает тяжкий груз забот.
Стихию звуков принимаю, словно мёд
Волшебный, всё на свете забывая.

Ярится Тьма – ей в душу не пробиться:
Та благодатью неземной светится!
О Свет, таится в Вашем сердце что – огонь

Любви, что всех и вся преобразует, –
А без Неё, мой друг, у Бога всяк изгой.
Вот музыка тем Ваша и пленяет!

Последнее танго

Кравцовой М. В.

Под музыку дождя, стук капель-кастаньет
Последнее своё танго танцует осень.
Под взоры встрепанных берёз и колких сосен
В порыве страстном
ветер с плеч осенних сбросил
Туманный палантин на лиственный паркет.

И стынет с каждым па промокшая земля,
На танец глядя столь манерно-монотонный.
Под ветра сладострастные порывы-стоны
Пунцовые от ревности
стоят красавцы-клёны,
И жёлтой завистью полны все тополя!

Что ж, предпочтенье осень отдала дождю:
К другим партнёрам ключ доверия потерял –
Он ей один лишь до последней капли верен.
Но срок их танца-жизни в точности измерен:
Зима придёт, сказав им холодно: адью!

Танец живота

Наталье Сивко

Играет музыка Востока,
Касаясь тайных струн души.
О, как от нас она далёка!
Но Вы в том танце хороши:
Замысловато вязь сплетают
Движенья Ваших тонких рук –
Они как крылья птиц, что стаей
Взлететь собрались в небо вдруг!

А стан Ваш гибкий, наклоняясь
Как та тростинка до земли,
Звенит монистами, стараясь
Во мне разжечь вновь страсть любви.
В шальварах бедра в такт цевницам
Рождают помыслов поток.
Всё умиляет – взор, ресницы
И полный страсти Ваш пупок:

Он как приманка для мужчины –
Глаз от него не отвести.
И по понятной здесь причине
На этом я закончу стих!

Визит ангела

Славе Позняку на День Ангела

Ангел в белом оперенье С венчиком над теменем Прилетел с Небес. В мгновенье, Словно луч из темени,	Где мы были молодыми, Не пугаясь старости; Поигрался духовыми: Выдул «Оду “К Радости”»;
Осветил в моей хибарке Келью с инструментами. Выпить предложил по чарке За всю жизнь с моментами;	Барабаном позабавил, Выбив ритм чечёточный, И автограф свой оставил На листке обёрточном.
Пробежал походкой лёгкой Мастерски по клавишным, Одарил мелодий горсткой Из времён тех давнишних,	Застучал вдруг дождь по крыше Тарантеллой праздничной. И душою стал я чище, Словно только с прачечной!

Орган в ночи

Андрею Шестакову

Звучал орган в ночи торжественно и страстно,
И сладко звуки лились прямо в сердце мне.
И был я наяву сейчас или во сне,
Какая разница, коль музыка прекрасна!
Заменой счастья может быть она вполне

Пусть на часок, пусть на минуту, на мгновенье.
(Чуть слышно губы шепчут: «Господи, прости!»)
Все мои горести, невзгоды, прочь с пути!
В каком-то неземном и сладком упоенье
Готов за музыкой я, словно раб, брести.

Душа парит уж высоко над облаками,
Пока органа музыка ещё звучит
Во тьме густой и сладостно-благой ночи,
Забыв про всё на свете: только временами
Вдруг чувствуешь, как сердце радостно стучит.

С небес не хочется на землю возвращаться,
Мне без тебя, о музыка, жить, кажется, невмочь.
Рассвет вот-вот придёт, исчезнет эта ночь,
И жизни серые дни станут повторяться,
На капли две воды подобные точь-в-точь!

На исполнение романса «Фонтану Бахчисарайского дворца»

Лазюк Е. И.

Я слушал голос Ваш пленительный и чистый,
Восторгом сладостным меня он наполнял,
И так легко, как будто голубь серебристый,
Под сводом зала, словно в небе, он порхал.

И счастья близкого дарил он мне мгновенья.
И призраком манил возвышенной любви.
Была уже готова страсть кипеть в крови,
То чувство вдруг рождал покоя и смиренья.

Ваш голос неземной, меня что взволновал,
Так захотелось вдруг мне заключить в объятья.
Зарыть в бесчисленных я Ваших складках платья

Хотел лицо своё в слезах, что проливал.
Что душу тронет так Ваш голос, мог ли знать я?
О том желал сказать, но так и не сказал.

Музыка любви (Сонет)

Композитору С. Позняку

О, музыка любви звучит не в каждом сердце,
Как и не всем дано её услышать и понять.
В амурных спорах же во множестве сентенций
Легко любовь и оболгать, и даже потерять.

Где голый ритм, её там не найдёшь и ноты,
Симфония же чувств сейчас не в моде – се ля ви!
Сердца коль заняты лишь мелочной заботой,
То в них такая ж серая мелодия, увы!

Но как нам отрешиться от всего земного,
Жизнь с чистого листа продолжить чтобы снова
И чувством неземным наполнить сущность бытия?

Чтоб Непридуманной Любви достичь Истока,
Две лепты, знай, под взор Всевидящего Ока
Приносит на алтарь Её и музыка твоя!

Рената Юрьева
Кочневка,
Новосибирская обл.

Музыка из прошлого

В тиши ночной в уюте дома
Я слышу: музыка звучит.
Она до боли мне знакома,
Ей в унисон мой пульс стучит.

Взлетая на волнах зелёных,
Она из прошлого плывёт
И, заплетаясь в кудри клёна,
Как прежде, за собой влечёт.

В ней – незаконченные драмы,
Незавершённый мною стих,
Наивные мечты и гаммы,
Сонм чувств моих, столь непростых.

Бушуют и стихают звуки,
Созвучные моей душе,
Рождая страсть, мятеж и муки,
Давно забытые уже.

Пока поёт гитара...

Луна безмолвно зажигала,
Попав под чары струн гитары,
А звёзды в унисон мигали
Мелодии забытой, старой,

И сотни разных душ внимали
Полёту голосов звенящих,
Легко бывшее примиряли
С таким несхожим настоящим.

У всех свой путь и перекрёсток,
Свой горизонт и вдохновенье;
Не каждый свой нашёл напёрсток –
От острых игл судьбы спасенье.

Но здесь, сейчас, под лунным оком,
Слились ранимых душ созвучья,
И романтическим все током
Заряжены, как летом тучи...

Поёт гитара снова ныне
Любовь и боль, судьбу и срывы...
Пока поёт, душа не стынет,
Пока поёт, мы с вами живы.

Концерт

Последним пламенным аккордом
Закончен летний водевиль.
Но нет антрактов у природы:
Меняет музыку лишь стиль...

Прозрачной, нежною свирелью
Без суеты и не спеша
На сцену входят менестрели,
И замирает вдруг душа!

Под саксофон ветров осенних
Танцуют листья в забытии...
Без сожалений и сомнений
Слагает осень свой мотив.

Вступают барабанным маршем
Дождей минорные певцы.
А небо с каждой нотой старше,
Быстрее облака-гонцы...

Концерт осенних дней нетленных
Продолжит мастер-дирижёр...
Поклонник верный, странный пленник,
Вступаю тоже в этот хор.

Песни из былого

Я снова утопаю в песнях детства,
Как в поле васильковом... И опять
Мне никуда от памяти не деться,
Не повернуть дни прожитые вспять.

И песни молодости светлой трелью
Вернут на миг счастливые года:
Из дружбы и признаний ожерелья
Плели и верили, что навсегда.

Всё чаще ныне песни из былого
Тревожат память... Дни календаря
Кружат листвою, напоминая снова
О близости седого декабря.

Страницы автора

www.stihi.ru/avtor/yuryevar
soyuz-pisatelei.ru/renata

Рингтоны

Как многое могут сказать телефоны
О тайных желаньях, любви и судьбе:
Мелодии, смех, чей-то голос и стоны...
Какой же рингтон выбираю себе?

Нескучно в маршрутке кататься отныне:
Ведут диалог телефоны весь путь:
Наводит Михайлов всех чаще унынье,
Наталья и Нюша мешают вздремнуть,

И редкий Бетховен бессильно вступает
В эклектику музыки той бытовой,
Иным всё равно: кто поёт там, не знают;
Бальзамом нечасто – из юности Цой.

На рок откликается сын, как я прежде,
Скачал песни восьмидесятых мой муж...
Все слушают то, что питает надежды,
Днём жарким и знойным –
спасительный душ.

Вот так посвящаюсь в чужие мне жизни,
Звонки доверяют все тайны другим...
Вдруг слышу родное: «Relax! Take it easy!» –
Сегодня живу под девизом таким.

¹ Успокойся, не принимай всё близко к сердцу (англ.).

16+

Рената Юрьева

Незабудки

Сборник рассказов

Купить книгу
knigi-market.ru/nezabudki

Инна Андрианова

Калининград

Прощай, июль

Клён покрылся пылью серой,
 Небо сделалось белёсым.
 Зной. И лето обмелело.
 Не украсят травы росы.
 Отцвела весна неслышно.
 Налились рябины гроздьё.
 Уезжаю. Так уж вышло:
 Счастье, что ещё не поздно.
 Скоро время звездопада,
 Не загадывай желаний.
 Уезжаю. Так уж надо.
 Не буди воспоминаний.
 Зной. И обмелело лето.
 Зной. И испарились чувства.
 Клён весь запылится где-то.
 На душе легко и пусто.

Август

Лето плавится беспечно.
 На плодах румянец ал.
 Уплывает в бесконечность
 Месяц август – вот нахал.
 Не успела в нём согреться –
 Убегает во всю прыть.
 И на самом донце сердца
 Вьюга начинает ныть.

Звякнул колокольчик где-то,
 Как будильник на заре.
 Августейший месяц лета
 Заблудился в сентябре.
 Истончится листьев злато
 На излёте сентября.
 Неизбежную расплатой
 Истончится жизнь моя...

Чертополох, горя, шуршит,
 Чернеет дней осенних дым.
 На огонёк моей души
 Зайди. Тихонько посидим.
 Давай, подруга, отопьём
 По капле юности своей.
 Туманит память вешних дней
 Туманный вечер за окном.
 Не тронем юные года,
 Ведь позабыть их не дано.
 Сюжеты старого кино
 Нам снами стали навсегда.
 А вспомним разное потом:
 То зной, то холода и снег.
 Как времени не слышен бег.
 В нём жизни не дочитан том.
 В нём жизни бурная река:
 За отмелью водоворот,
 За перекатом поворот:
 Не виден он издалека.
 Воспоминаний терпкий дым,
 Лети с листвой за окоём.
 Зайди: тихонько посидим,
 И, может быть, ещё споём...

Зло ногою вышибает двери
 В скомканную душу, горе сеет.
 Бьёт наотмашь, убивает в спину –
 Хрупкую рукою не отринуть.
 Добротой прикрытое лукавой
 Мерзопакостной пьянит отравой
 Недоверия. И бродят долго
 В сердце ужас и тоска с тревогой.
 А добро приходит незаметно,
 Прикасается легко, нечаянно,

Тихой музыкой и мягким светом
 К изголовью встанет неприкаянно.
 Ласково приложит пластырь к ране,
 Но вокруг всё будто бы в тумане
 Света утреннего. Зыбки грани
 Тьмы и света, доброго и злого,
 Дорогого и совсем чужого,
 Нужного и лишнего, что тоже
 На необходимое похоже.
 И бывает часто, что ногою
 Пнёшь его, и вот оно в изгоях.
 А душа всё мается, мятётся...
 ...Может, никогда и не проснётся?!

Напутствие

О поездках больше не мечтаю –
 Время «закусило удила»...
 Привезите мне цветок Алтая,
 Пусть почудится: и я там побывала.
 Солнцу призмой горный воздух чистый
 Обновит нездешнюю траву.
 Может, поглядев на эту пристань,
 Я почувствую, что всё ещё живу.
 Пожелаю яркой Вам дороги
 Сменой впечатлений по пути.
 Озадачу Вас совсем немногим –
 Листик от Алтая привезти...

У тротуара, меж кустов
 С листвой, за осенью летящих,
 Возник из милых сладких снов
 Ободранный почтовый ящик.
 Забытый напрочь на столбе,
 Убогий, горестно глядящий,
 С застрявшим, может быть, тебе
 Письмом из прошлого звенящим.
 Небрежно шлёпнутый ярлык:
 «Сниму квартиру», – объявление.
 Он грустно ко всему привык –
 Надежды нет на обновленье.
 И если вдруг из прежних лет
 Рукой романтика упрямой
 Зброшен внутрь него привет
 От друга старого, от мамы,
 Которых на земле уж нет?!
 Листва осенняя горит,
 Воспоминанья – дым саднящий.
 ...И одноногий инвалид –
 Зброшенный почтовый ящик...

Рекомендуем книгу автора

Многоточие

Сборник стихотворений

В творчестве И. Андриановой доминирует философская лирика, – автору, вслед за Пастернаком, «во всём хочется дойти до самой сути». Ведь жизнь на каждом своём этапе расставляет бесконечные многоточия, за которыми таятся разные варианты смыслов и, возможно, варианты человеческого пути...

Купить книгу
knigi-market.ru/mnogotochie

Александр Белкин Санкт-Петербург

СЕВЕРНАЯ ШАМБАЛА

1

Сказ о земле Гиперборейской

*Создали прежде всего
поколение людей золотое.*

Гесиод

За лесами, за горами
И за синими морями
На далёком Севере¹
Расцветали ереси.
Жили там другие люди,
Что не ведали о блуде.
Были исполины,
Говорят былины.
Там полгода ночи
Дню смежали очи.
Не зверели вьюги
В бешеном испуге.
День стоял полгода
Под небесным сводом.
Климат мягкий, благодатный
И для всех благоприятный.
Из ключей вода живая
Мир поит не уставая.
И цветы, плоды и грозди...
Им завидовали звёзды.
Мудрецы Арктидой² првят

И века покоем славят.
Там гора святая Меру³
Говорит: «Блюдите меру».
И мечты благоухали,
Открывали чудо-дали.
И божественные звуки
Будят творчество, науки...
Там всегда любовь – царица
Меж людьми, что и не снится.
И закон, и справедливость,
Милосердие, и милость.
Каждый здесь здоров, свободен,
Каждый государству годен
И даёт лишь то, что может,
И заботы нет дороже.
В тридесятом этом царстве
Все живут семьёю в братстве.
Извержений, наводнений,
Произвола, угнетений
И страданий в Царстве Света –
Нет – в природе зла поэта.
Здесь легенды оживали,
Люди старости не знали.
Они пели и играли,
Боли, горюшка не знали.
Под эгидою Медузы⁴
Укреплялись дружбы узы.
Мир она здесь охраняла,
Бед и войн земля не знала.
И страна Гиперборея⁵
Совершенством землю грела.
Золотой век⁶ наши были,
Обессмертив, не забыли.

¹ В Арктиде, на Северном полюсе. (*Здесь и далее прим. автора.*)

² Арктида – одно из названий Гипербореи.

³ Гора Меру – ось мира, символ Золотого века и бессмертия, согласно верованиям гиперборейцев.

⁴ Горгона Медуза (Медуза) – воительница, защитница и носительница гиперборейских традиций, считалась греками вместе с Гераклом прародительницей скифского племени, прекрасная Лебединая дева.

⁵ Гиперборея – страна на Северном полюсе (на карте Оронция Финия (1531) изображены Гиперборея и Антарктида), существовавшая более 40 000 лет назад. О Гиперборее также писали Овидий, Гесиод, Платон, Плиний Старший, в Авесте (книге древних иранцев) и многие другие. В древнегреческих мифах неслучайно используется эпитет *Гиперборейский* по отношению к Аполлону, Гераклу и Персею.

⁶ Архетип Золотого века сохранился в волшебных сказках в виде мифологем «скатерти-самобранки», молочных рек с кисельными берегами, Небесной избушки, у которой «стены из пирогов, печка из блинов, столы сырные, лавки пряничные, чудесной мельница» – символах вечных изобилия и счастья.

2

Плач о Туле¹, блаженной земле

Гиперборея милая,
Моя страна любимая,
Куда ты подевалась?
В легендах лишь осталась.
Мы помним благоденствие,
Земного рая шествие,
Что, оболгав, сгубили,
И прокляли, забыли.
Есть хищность первобытная
И жадность ненасытная.
О них мы мало знали:
В души подвале спали.
Но минет чужебесие,
Наступит равновесие.
Вернётся, что украли:
Оно в подземном рае²,
Что дремлет в катакомбах,
Взорвёт сознание бомбой.
И мир тотчас изменится,
Век Золотой отелится,
И сразу не узнаем
Земли, родного края.
Вернётся благоденствие,
Земного рая шествие.

¹ Туле – одно из названий Гипербореи.

² Посвящённым известно, что под землёй существует царство Агарта, основанное на принципах Золотого века.

³ Прекрасноликая Лебединая дева – Медуса – одна из шести дочерей морского божества Форкия и титаниды Кето.

⁴ В результате космической катастрофы или ядерной войны между титанами и исполинами Арктида (Гиперборея) погрузилась на дно Северного Ледовитого океана.

⁵ Персей – сводный брат Афины; убил демонизированную ею Медузу.

⁶ Горгона – стражница рая – позже в апокрифах превратилась в «Зверя Горгония», охраняющего вход в рай, или, иначе говоря, проход к Блаженной земле, где царил Золотой век.

3

Горгона Медуза

Горгона Медуза – белая лебедь,
Морского царя любимая дочь³.
Защитница Севера, Гипербореи.
Афина-Паллада, её не порочь.

Своими крылами всегда прикрывала
Землю блаженную – век Золотой,
Пока катастрофа⁴ не оборвала
Арктиды жизнь, царственный путь,
рай земной.

Страна погрузилась в пучину морскую.
Афина с Персеем⁵ обманным путём
Тебя превратили в мерзкую, злую,
Убили и сбросили в ада проём.

Но ты, как и прежде, стражница рая⁶,
К блаженной земле охраняешь проход.
Живёшь в амулетах, оберегая
Уставший от распрей русский народ.

4

Зарыться бы мне в ноосферу,
Уйти в неземные поля,
Где скрыты сокровища Меру,
Плывёт под ногами земля.

Напиться живою водою
Того, что копили века.
Здесь все времена под рукою
Прносятся издалека.

Забраться повыше по древу,
Душой обнимать Млечный Путь,
Открыть людям старую веру,
Которую не обмануть,

В могущество и справедливость
Вселенского духа, ума.
Нужны нам лишь воля, пытливість
В источнике знаний без дна...

И вновь возвращаться на землю,
И ей объясняться в любви,
И злу говорить: «Не приемлю»,
И петь, как поют соловьи.

Евгений Волков (Чертополохоцвет)

Калуга

На морском побережье у края Земли...

На морском побережье у края Земли,
Где песочные дюны вокруг
На далёкие мили, вздымаясь, легли,
А сверху – солнца плавится круг...

Где кустарник лежит под ногами ковром,
Мирно волны бегут к берегам,
По натянутой нити, что есть горизонт,
Пилигримы бредут – облака.

Как извечные странники, ищут в пути
То, что скрыто за гранью миров:
Может, новую цель, может, новую жизнь...
Может, новый ответ на вопрос...

Расползлись по широтам чужим корабли –
К островам, где в ветвях какаду.
На морском побережье у края Земли...
Я тебя тут один подожду.

25 июля 2018 г.

Страницы автора
www.stihi.ru/avtor/chertopoloh1
vk.com/chertopoloh_rifma

О Самаре

День уходит, смеркается рано.
Осень в лужах холодных дрожит.
И, прощаясь, тепло провожая,
Лист на мокром асфальте лежит.
 Дождик-мячик по улицам скачет.
 Зелень всюду пестрит желтизной –
 Уходящим сентябрьским плачем
 Пусть останется вечно со мной.
Был судьбою сюда я закинут.
Что хотел – то сумел получить.
Я успел к тебе, город, привыкнуть...
А привыкнув, успел полюбить.
 Здесь надолго ль останусь, не знаю.
 Может, завтра, сорвавшись в полёт,
 Унесусь, нити все обрывая
 В своих новых скитаньях, вперёд.
Но прошу: мне запомнись, Самара,
Освещеньем проспектов ночных.
И дорожкой, которая стала
В тень каштановых листьев резных.
Осень 2001 г.

О прошлом в четырёх строчках

Уехать. Далеко. В сундук ненужный
Всё прошлое, как в клетку, заточить.
И в землю закопать его. Поглубже.
Забить то место. Потерять ключи.
Август 2016 г.

В большой зелёной кроне

В степях, морозом скованных,
Всё инеем покроет.
Мы спрячемся от холода
В большой зелёной кроне –
В большой зелёной кроне
Мы будем зимовать.
В листвой прошитых комнатах,
В древесных коридорах,
Плоды созреют сочные
В большой зелёной кроне –
В большой зелёной кроне
Их будем собирать.

Жужжит метель суровая
Пчелою над землёю...
Тепло нам и комфортно
В большой зелёной кроне –
В большой зелёной кроне
Не страшно зимовать.

*Конец октября 2017 г. –
1 февраля 2018 г.*

Волною горького грейпфрута

Моей Наталии

Я возвращусь – придёт минута,
Истлеют светлячками дни.
В твоих глазах почти Бермуды.
Там, где тонули корабли.
Отъезда не было как будто.
Как в ночь безлунную – луны.
Пойдём гулять, смотреть салюты.
И на двоих поделим сны.
Волною горького грейпфрута –
Глотком прохлады напои,
Как терпкой влагой из сосуда,
Росою сочных губ твоих...
Доставь меня, маршрут запутав,
С привычной отмели сорви
Волною горького грейпфрута.
Туда, где тонут корабли...
26–30 июня 2016 г.

Я напишу твоё имя в песках...

Я напишу твоё имя в песках,
Пылающих в солнечный зной.
Пускай умерла ты и ветер твой прах
Уж кружит по свету давно.
И волосы треплет теперь он мои,
И пылью мне пудрит лицо.
Пройдут над бесплодной пустыней дожди –
Прольются слезами в песок.
А сам я в сухой саксаул превращусь,
Что в бурю скрипит от тоски.
И ждёт он, когда вместе с ним его грусть
Поглотят навечно пески.
29 июля 2001 г.

Весна. Саксаул

Весна наступила в пустыне сухой,
И зелень покрыла бархан.
И свежего воздуха чистой волной
В пути обдаёт караван.
Раскинулось море за дальним холмом,
Куда держит долгий он путь.
Где небо смыкается с жёлтым песком.
Пора ему там отдохнуть.

...Сухой саксаул начал вновь оживать.
Своим изобилием цветков
Он тоже отмечен весной – и опять
Плывёт в облаках лепестков.
Август 2001 г. – 21 июня 2016 г.

Как будто из клипа картинка...

Как будто из клипа картинка –
Где моря солёного соль.
Жила там с мечтою в обнимку
О принце прекрасном Ассоль.

В Каперне, морской деревушке,
Где с самого детства жила
С отцом, для какого девчушка
Отрадою в жизни была.

Её сторонились, считая:
Она не от мира сего –
Живёт и о чуде мечтает
И ждёт непонятно кого.

...Однажды волшебник сказал ей:
– Ты верь, твоё счастье придёт.
Корабль под парусом алым
Однажды к тебе приплывёт.

А может, совсем не волшебник,
А просто старик пошутил...
Но в сердце девчонки посеял
Он светлую веру в мечты.

Она подрастала и пела,
Своё пряча сердце от зла.
Взрослела, цвела, хорошела
И этого счастья ждала.

– Какие тут принцы, откуда
Возьмутся вдруг в наших краях?
– Совсем потеряла рассудок! –
Шептались о ней за глаза.

Но вот приключений искатель –
Совсем молодой капитан
Привёл свой торговый корабль
Недели на две к тем местам.

Раз утром, гуляя по лесу,
Влюбился, её увидав.
Спала она нимфой прелестной
В душистом цветении трав.

Раздвинув рукою орешник,
Он долго смотрел на Ассоль.
Мизинец потом её нежный
Украсил старинным кольцом.

А после, уйдя, он в таверне
Узнал, кто она, как зовут,
Во что она искренне верит...
И понял, что здесь его ждут!

...Проснулась она: вот удача!
Кольцо на мизинце блестит...
Наверное, знак – не иначе!
И сердце в такт мыслям стучит!

Сказать, закричать бы от счастья!
Так ведь не поверит никто...
...А тот, кто зажётся к ней страстью, –
Готовил ей встречу с мечтой.

Купил он материи алой
И все паруса заменил,
А после – с волнением немалым
К заветной деревне поплыл.

Я вам передать не сумею,
Как мчалась она по волнам
К тому, что всё время был с нею –
В её ослепительных снах.

И музыка громко играла,
Плескалось вино через край.
И в воздухе счастье витало –
Был сладким обещанный рай.

...Наутро влюблённые спали –
С любимой женой капитан.
Плывущим под парусом алым,
Им строки слагал океан:

Про то, что всегда стоит верить,
Сомненья прогнав за версту.
Как та, что ждала принца Грея,
Предать не мечтая мечту!

Декабрь 2010 г. – июнь 2016 г.

Великий русский лес

Люблю поездки дальние
По поводу и без –
За окнами проносится
Великий русский лес.

Там разное случается –
Забыть никак нельзя,
Как, побеждая, палицей
Крушил врагов Илья.

Шумят дубы могучие,
Как эхо славных дел!
Вот, нависая тучею,
Горыныч пролетел...

Ольху, осину, ель, сосну
Там встретишь, коль пойдёшь –
Грибов и ягод пополам
С росой наберёшь.

Берёзовые рощицы,
Осока у болот...
Там до сих пор Алёнушка
Козлёнка-братца ждёт.

7 августа 2016 г.

Наталья Дёмина

Саратов

То самое чувство...

Я знаю много разных слов:
Горячих, нежных, очень страстных...
И даже если все собрать,
То не опишут чувство в красках.
Бегут года, меняя жизнь...
Слова другие, мысли тоже,
Но это чувство всё равно
Так на другие не похоже.

Оно из пепла возродит
Или подарит муки ада,
Возвысит или укротит...
Но безразличия не надо!

Ты можешь целый мир обнять
И не играть совсем словами,
Ведь для любви нужна душа...
И сердце с «зоркими глазами»...
16 августа 2018 г.

Время и возраст...

Ты знаешь, что такое жизнь?
Да, в десять это точно знала!
В шестнадцать думалось: «Вот-вот...»
А в тридцать: «Как же это мало!»
А в сорок? В сорок: «НИЧЕГО!»
А в пятьдесят: «Начать сначала!»
А там опять: «...Вот-вот, вот-вот...»
А дальше: «Как же это мало!»
16 ноября 2017 г.

Второй шанс

Не больно... не любить,
не ждать, не ревновать...
Не больно говорить, а чувствовать иное?
Не больно обещать и не смотреть в глаза...
Не больно? Для чего обманывать? Пустое.

Не хочешь, но идёшь, торопишься узнать,
Читаешь между строк, но всё же одурманят...
Когда закрыта дверь, откроется окно...
Насколько новый день и новый шанс изранят?

Стремишься в пустоту, не чувствуя души,
Не веря ни во что и никому отныне.
И страшно осознать, что жизнь тебя не ждёт,
А ты стоишь одна, как кукла на витрине.

Не лгать самой себе! К чему теперь слова...
Где выход? Там, где вход?

Решись быть смелее?
Откроешь эту дверь? Найдёшь ещё свой путь?
А может быть, поймёшь,
насколько ты сильнее!
15 августа 2018 г.

Танго для двоих

Лишь танго... танго для двоих...
Огни вокруг, а может, лица.
И, может, музыка души
Сегодня в танце воплотится.
Всё просто: только ты и я.
Ни обещаний, ни признаний.
Прикосновение сердец...
Без прошлых встреч и расставаний.
Так чувствовать, как никогда...
И никогда уже не будет...
Ведь танго жизни только раз
Потанцевать возможность будет.
Лишь танго... трепет двух сердец...
Лишь эти двое в целом мире...
Чтобы любить, как танцевать, –
Отдать свою ты душу в силе...
7 августа 2018 г.

Больше произведений автора по ссылке
vk.com/n.v.demina

Николай Ивлеев

Малая Грибановка,
Воронежская обл.

Христос в России

*Человек без веры в Бога
превращается в животное.*
По Ф. М. Достоевскому

Вступление

Возможно, я не сберегу
В речах почтения ко многим
И не обидеть не смогу
Намёком или словом строгим;
Но ту страну, что я люблю
И, безусловно, понимаю,
Чьих оскорблений не терплю,
Чью сердцем боль воспринимаю
И скорбью общею скорблю;
И каждый раз в беседе частной
И в группе, и наедине
Я слушаю небезучастно
Любой упрёк моей стране,

Тем более лихую речь
С налётом пафоса и пыла
О ней, которую сберечь
Мы не смогли, а можно было,
И думаю: «Едва ли есть
У нас достоинство и честь,
Скорей всего, в борьбе великой
Приоритеты жизни дикой
В нас победили и у нас,
И разум кое в ком угас».

Часть I

В одежде ветхой бедняка,
С клюкой, подобен робкой тени,
Христос под видом старика,
Пошёл в предел своих владений
Узнать: «Боятся ли народ
Иль пребывает без боязни
И страшный суд уже не ждёт,
Как ждёт преступник утро казни?»
До той поры он изнывал
В пустыне знойной за долиной,
Где грех скорбящим отпускал:
С очередной магдалиной
Наперсников перечислял.
Весь перечень постыдно длинный,
Кто с ней греховный блуд вершил
В её минувшей жизни злачной,
Какой-то цифрой пятизначной
Убогий старец завершил.

Пока неспешно дни текли
И возносились к небу звуки,
В другом конце его земли
Не то с тоски, не то от скуки,
Не то по пьяни, не понять,
Его рабы, взяв ружья в руки,
Пошли: кто лучше, выяснять;
Посостязались в грубой силе,
Где сын с отцом, где с братом брат,
Где бедный с тем, кто был богат,
И горы трупов навалили.
Когда ж преступная рука
Уже стрелять и бить устала,
Желая отдохнуть пока,
Кому-то показалось мало;

Он, подозрительный, решил,
Имея адский ум в изъяне,
Что, если кто не совершил
Контрреволюции деяний,
То совершит, и для него
Нет лучше смерти ничего.
И снова всех подряд хватали
Кровей лубянских молодцы,
На всех поспешно клеветали
И в воду прятали концы,
Чем славу чёрную снискали:
Раздев в подвалах догола,
В затылок били, как скотину,
И в запустелую лощину
Их кровь безгрешная текла.

Азы теории усвоив,
Победой, как вином, пьяна,
Народы превратив в изгоев,
И тем удовлетворена,
Толпа авантюристов праздных
В исканиях разнообразных
Ученье Марксово нашла
Пригодным, в смысле претворенья,
И силой крови то ученье,
Отбросив всякое сомненье,
Внедрять в народе начала.
Пока в огне войны страданий
Кабальная ковалась цепь,
А над страной священной длани
Слабела вековая крепь,
Творцы религии безбожной,
Поверив в свет своих идей,
И видя, что их веру можно
Внедрить в сознание людей,
Поддержанные молодёжью,
На духовенство клеветца
И обливая церковь ложью,
Спешили действовать сплеча:
Стреляли всех, кто недоволен,
В народе сея зёрна зла,
Бросали наземь с колоколен
На переплав колокола;
Пока разор в стране дозволен,
Громили внутренность церквей,
Готовя их для хлама склада;
Концлагеря – зачатки ада

Росли в стенах монастырей –
За послушание награда.
Творящим было наплевать,
Что их народу Бога надо,
Народом, превращённым в стадо,
Не мудрено повелевать!
Но не изведанный дотоле
Тот утопический «придел»
К крестьянской незавидной доле
Народ принять не захотел
И взбунтовался поневоле...
Правитель был жесток, лукав;
Своим писаниям в угоду,
Не оценив, не посчитав
Осознанную их свободу
И жизни многих в грязь втоптав,
Однако струсил, и назвав
Глоток капитализма НЭПом,
Он продохнуть народу дал,
И вскоре труженик воспрял
И накормил Россию хлебом.

Кровь, как дурманящее зелье,
Из масс приспущена была,
Но снова новое похмелье
Рождали новые дела.
Не мог другой строитель нови
Жить и не лить народной крови,
Когда ей низкая цена.
Учитель, вождь, отец народов,
Сплотивший кровью племена,
Им в Конституции свобода
Была нам запросто дана:
Мы были вольными как ветер,
Дрожать, бояться и молчать
И безучастно отвечать
За всё, что делал он на свете:
За кровь и слёзы тех времён,
За все дела и все потуги,
Которые придумал он
Или его борзые слуги,
Страх превратившие в закон;
И причисляли почему-то
Мы неизвестно почему,
Дела хорошие ему,
А преступления – кому-то.
Когда приказывал кого

Он расстрелять, мы знали: это
 Деянье Берии-клеветра,
 А он не знает ничего;
 Не по заслугам воздавали
 Ему и, жертвуя собой,
 С желаньем шли в жестокий бой
 И без тревоги умирали,
 Преодолев предсмертный страх,
 И имя грозное шептали,
 Неся в могилу на устах.

Ростки свободы нераспятой
 Серьёзно нужные стране
 Ученики у нас в десятой,
 Ленинск-кузнецкие ребята,
 В тревожной школьной тишине,
 В делах к большой беде приведших,
 Под сенью статуи «отца»
 В горящих юношей сердцах,
 В тепле ладоней неокрепших
 Растили бережно для нас,
 Давно «оглохших» и «ослепших»;
 Но пробил их тревожный час,
 Они с другими разделили
 На время лагерный «уют»,
 А мы, стыдясь, о них забыли.
 И если земляки сочтут,
 Что я превратно полагаю,
 Как дорог был для них тиран;
 Я этот довод отвергаю.
 «Ещё у ленинск-кузнечан, –
 Отвечу я, – хватило воли
 Решиться: статую снести,
 Разбить, на свалку отвезти –
 На это только и не боле».
 Потом, жалея без конца,
 Мы много лет о нём страдали,
 Пока свободными не стали
 И не нашли себе «отца»¹.

Когда хозяина не стало
 (Их перебили словно скот),
 Среди общественных работ
 Производительность упала.

Промышленность, хоть и была,
 Но вырабатывала мало
 И хлеб дешёвый из села
 Продукцией не покрывала.
 Крестьянин сам себе ковал
 Мотыги, бороны и косы
 И хлеба в город не давал.
 Для разрешения вопроса
 Собрался пленум и решил
 Крестьянство загонять в колхозы;
 А тех, кто много возомнил
 И взяться был готов за вилы, –
 Тех кулаками объявлять
 И в качестве рабочей силы
 На перековку отправлять.

Крестьянин недоумевал:
 За что его арестовали?
 Он каждый день с зарёй вставал,
 Не заседал на стульях в зале,
 А резал ноги на стерне,
 Давая трудный хлеб стране,
 А за такое не сажали;
 Он даже не предполагал
 О диком нраве власти новой:
 Звериный партии оскал
 Сломать хребет ему готовый
 Уже зубами скрежетал!
 А он всё думал: разберутся,
 Отпустят наконец домой
 И скоро все они вернуться
 В осиротевший кров родной.
 И мы ещё не осознали
 Трагедии тех страшных лет,
 Когда большевики сломали
 Крестьянству нашему хребет.
 Теперь безвольный, инфантильный
 Он доживает – не живёт,
 И неизбежностью могильной
 От дум и дел его несёт;
 Живёт, пока жива супруга,
 Его художества подруга –
 Её угробив, вскоре сам
 Он отбывает к праотцам.
 И только мы достигли цели,
 И только мы разобрались
 В коммунистическом «приделе»,

¹ «Отцом» у кузбассовцев стал губернатор Тулеев. – Прим. автора.

Нам впрок новации пришлись;
Мы на работе преуспели,
За картами и домино,
Дни трудовые прожигая,
И с руководством заодно
Рентабельность не признавая,
Своё правительство клянём
И от него подачек ждём.

Так стало позже, а тогда
Не то что в наше время было:
В те дни бесплатная рабсила,
Закабалённая орда,
Вспять поворачивала воды,
В морях топила города,
Натужно строила заводы,
Каналы рыла в никуда,
За пайку хлеба, ковш баланды,
Не ведая, что ей невмочь,
Работала и день и ночь,
Стараясь вымолить у «банды»¹
Прощение своим трудом,
Молила, каялась, просила,
Отцу писала в «Красный дом»
И возводила, возводила,
Трудясь с наганом у виска,
Приняв на плечи труд юдольский,
И Беломор, и КМК,
И Сталински, и Комсомольски.
Кто на колени не вставал,
Тот попадал в края чужие,
Где бесполезно догорал
Оставшийся потенциал
Великой матушки-России.

Народ с восторгом принимал
Всё понастроенное ею
Своих героев выдвигал
Восславить новую идею;
И тот, кто честью не страдал
И не был совестью измучен,
В горниле кузницы могучей
Своё геройство обретал.

Я лгать, естественно, не стану
И вам скажу как на духу:
В краях шахтёрских на слуху
Забойщик Алексей Стаханов,
Который, не жалея сил,
Любимой Родине в награду
С женой и тёщей за бригаду
Угля за смену нарубил.
Но борзописец утаил,
Что шахта – это же не роцца,
И как туда попала тёща,
Несведущим не объяснил.
Смекнув рабочею смекалкой,
Скажу: мне эту тёщу жалко, –
Побольше бы нам славных тёщ,
Тогда б карман наш не был тощ
И наши нивы урожая
Аж под сто цэнтнеров рожали,
Да и народ наш не был нищ,
И коровёнки бы давали
Не полторы, а десять тыщ.

Пока гигантские дары
Той приснопамятной поры
Ещё дымились над державой
И прибыль этот монстр давал,
Народ, своё на отдых право
Реализуя, отдыхал:
По недомыслию нередко,
Перекопав могилы предков,
Кладбища в парки превращал
И там на прахе танцевал;
А пух забвенья тополиный
Черты истории старинной
Уже порошей заметал.
Свои дела, овеяв славой,
Но не умея мыслить здраво,
На дело глупое смела,
Не видя мрачного заката,
Нас гордо партия вела,
Сама не ведая куда-то;
Но монстр состарился, и вот
В потугах скарёдного быта
Остановился наш народ,
Как у разбитого корыта.
Пытался, было, Горбачёв,
Увещевая горячо,

¹ Ещё Маркс и Энгельс между собой называли рабочую коммунистическую партию «бандой ослов». – *Прим. автора.*

Стараясь снова нам и снова
Развеять явью наши сны, –
Мы, дети сказочной страны,
Отвергли довод Горбачёва.

Что стало с нами в это время,
Пока нас партия вела,
Какое в нас запало семя,
Каким бурьяном поросла
В нас беспримерная беспечность,
Созрев пустынную травой,
Как будто прокатилась вечность
Над преклонённой головой.
Теперь у нас во всём народе,
Как под копирку, все подряд
Везде и всюду говорят
О всеобъемлющей заботе,
Все «жвачку» общую жуют,
Что ничего они не ждут
От новой власти вороватой;
Все вспоминают жизнь – когда-то,
И демократию клянут;
Все позабыли, что живут,
В стране, которой нет богаче,
И что от бедности спасут
Нас вера в будущее, труд,
Надежда – и ничто иначе.

Христос в надежде и тревоге,
Случайно признанным не быть,
Большие шумные дороги
Стремился мимо обходить;
Где путник, как бы не старался,
От глаз людских уйти не мог,
Поскольку часто оставался
Везде и всюду одинок;
Он шёл просёлочной дорогой,
А иногда и без дорог –
Туда, где под покровом смога
С его надеждой и тревогой
Лежал рабочий городок
На возвышении пологом;
Где небо хмурое с утра,
Перепоясывая грубо,
Дымились заводские трубы
И возвышались два копра
Далёкой шахты, а пониже,

Чуть в стороне и чуть поближе,
Как редкий признак здешних мест,
Церквушки одинокий крест.

В теоретическом угаре,
Чужими мыслями полны,
Мы повторяли: «Пролетарий –
Суть господин своей страны».
Умом немножко б пораскинув
Мы без труда понять должны:
Он не из тех, кто гнули спину
В полях недавней старины;
Но праздной лености покорны,
Не пересилив в душах страх,
Мы чужеродный дух тлетворный
Носили бережно в умах
И называли гегемоном
Того, кто волею судьбы
Был выходцем во время оно
Из деревенской гольтбы,
И по известному закону
Он в город шёл не потому,
Что был в дерзаниях упорен,
А потому, что был покорен,
Знал: без хозяина ему
Не выжить было одному.

В поэзии разнообразной –
Весёлой, грустной или праздной,
Перепевающей любовь,
Красу и сень долины злачной
Иль в битве пролитую кровь, –
Повсюду скептик однозначный,
Хочу того иль не хочу,
Во всём, что кем-то было спето,
Я обязательно ищу
Всегда одно – талант поэта.
Талант, по версии моей,
Есть плод душевной искры света
И состоит из трёх частей,
Подаренных поэту свыше:
Во-первых, это интеллект,
Он в каждой новой мысли слышен:
Чем интеллект поэта выше,
Тем прозорливее поэт;
Второе – дар, субъект тревожный,
Подобный девственному сну:

Умение найти струну
В людской душе неосторожной
И, прикоснувшись, так задеть,
Чтоб, разбудив, заставить петь;
И третьим из даров бесспорных,
Конечно, будет торжество
И долгий труд ночей бессонных,
В исканиях неугомонных –
Терпение и мастерство.
Палитра мастера богата,
Стихи свободны и легки,
В поэмах, как узор булата,
Струится речь витиевато,
А мысль и чувство – глубоки;
И точка, воспаривши птицей,
Стоит на четверти страницы,
А не в конце второй строки,
Чем изначально и гордится.
Когда поэту ничего
Бог не отмерил – он бездарен,
Когда есть дар, он популярен
И любит публика его;
Когда Бог дал ему всего,
Поэт велик и гениален,
Но он судьбе не благодарен
И нет несчастнее его:
Он каждой язвой мира болен,
Он вечно жизнью недоволен,
Унижен он и обездолен,
И нет покоя у него.
Моя страна таких поэтов

В советском веке не дала,
Иначе бы их песня спета
Ещё до времени была:
Иль воспевай свободу крови,
Иль ты свободе пой хулу,
Не можешь власти прекословить –
Бросай перо, бери метлу.

Христос спокойно превозмог
Подъём, повсюду грязь отметил;
И вот обычной жизнью встретил
Его районный городок:
На главной площади у пушки,
Былого символа побед,
Стучали в дно кастрюль старушки,
На скудный жалуюсь обед;
На всё надеявшихся мало,
Чуть-чуть в сторонке, у кино,
В протест не веривших давно,
Толпа учителей роптала;
И даже лозунги над ней
Уверенно напоминали:
Народ, живущий здесь, едва ли
Тревожили дела детей.
Понаблюдав с вниманьем вящим
За действием, там происходящим,
Христос подумал и решил
Узнать, как спорится работа,
И тут же в сторону завода,
К его воротам поспешил.

(Продолжение следует)

**Наталья
Колотилина**
**Кашино,
Московская обл.**

Дождь

Дождя рассыпчатые капли
Уже я слушаю давно;
Но, видно, силы не иссякли,
Раз он стучит в моё окно.
 Стучит озябшими перстами,
 Морзянкой говорит со мной.
 Просвета даже нет местами –
 Всё затянуло пеленой!
А я, понять его стараясь,
Вникаю в монотонный шум
И, мокрым ливнем умываясь,
Плутаю в лабиринтах дум.
 Уже проснулася зарянка.
 Сквозь дождик зиждется рассвет.
 Но всё упрямее морзянка
 Стучит из прошлого привет.
Но нет ни молнии, ни грома,
Ни огонька в душе моей.
Судьбы промокшая солома
Не вспыхнет заревом страстей.
 Так что ж, что дождь опутал сетью
 Леса, и поле, и дома?
 Лишь грусть глядит на струйки эти
 Из растворённого окна.

Снова осень

Снова осени стук у окошка,
Снова дождь моросит без конца,
И мурлычет промокшая кошка
И скребётся всю ночь у крыльца.

Потемнели в саду георины,
Осень золотом красит траву,
Лишь краснеют кораллы рябины,
Завернувшись в резную листву.

Ветер тучи по небу гоняет,
Спят коровы на мокром лугу,
А ненастье тоску нагоняет,
И от мыслей заснуть не могу.

Завтра снова увижу в оконце
Поседевшую за ночь грядку,
И немного смущённое солнце
Со стекла молча слижет слезу.

Какая дивная картина

Не нахожу себе я места,
Мне всё сейчас не по нутру!
Я злюсь на то, на это, вместо...
Вдруг повернулась я к окну.

Какая дивная картина!
В оконной раме на стене
В поход уходит бригантина
Из облаков по синеве.

Ей вслед летит не чаек стая,
Не журавлей печальный клин –
Фантазий вихри, расцветая
На облаках, уносят сплин.

Летят воздушные клубочки,
Рисуют зазеркальный мир:
То человек, а то щеночки,
Вот райский сад, а вот пломбир.

И настроенье изменилось,
Ушли депрессия, хандра.
А та картина, что явилась
В оконной раме, уплыла.

Виктория Никитина Калининград

Только шаг

Вновь стою на пороге я счастья,
только шаг к нему – и улечу
не в мечтаньях пустых, а в объятьях
ветра встречного. Снова в плену!
Оболющу поцелуем приветным
набежавшей к ногам вдруг волны,
обещающей шёпотом нежным
поиграть. Не боясь глубины,
уплыву беззаботною рыбкой,
хлебну сладкой свободы сполна,
и на берег, вернувшись с улыбкой,
расплещу счастье я, как волна.

Расставание с прошлым

Стихи свои читаю –
во снах чужих витаю...
души не жгут невзгоды
и горечь несвободы,
лишь в памяти кружатся
сквозь бурю маяки,
осколками искрятся,
мелькая, островки
восторженных свиданий,
томимых ожиданий –
лукавые надежды
на глупые мечты.

В музыке

Лишь в музыке признания в любви
Желаемы всегда и достоверны.
Любимые мелодии зови –
Чаруют они так самозабвенно.

Нет фальши в них, в гармонии все звуки
Струятся, словно горный ручеек,
То страстью закипают, как Везувий,
То кружатся, как в лунный вечерок...

Учительнице музыки¹

Учительница музыки первая моя,
как сказочная фея, светилась для меня,
а я заворожённо глядела на неё,
сажаясь за фортепьяно, впадая в забытьё...
Лишь паузу молчания клавиша прервёт –
и, кажется, всё тело и лик её плывет
в мир музыки волшебной,
звучащей ей одной, –
и пальчики послушно
бегут, как за волной...

Не бесконечна жизнь – всё ж оборвется;
душа, как шар воздушный, вознесётся,
за непроглядную укроется вуалью,
потусторонней мигом станет далью.
Под нею вечность,
где нет времени, нет плоти
во царстве тьмы,
откуда вынесет лишь плотик,
что строится при жизни из молитв,
и верой укрепляем, чтоб доплыть
туда, где вечный Свет,
на встречу со Всевышним,
чтобы прощения просить о мире бывшем.

¹ Посвящение Галине Владимировне, г. Рыбинск. – Прим. автора.

Александр Норенков

Дзержинск, Нижегородская обл.

Серебристая стезя

Над черничным небосклоном
Появилась вдруг луна.
Наградила мир поклоном,
Улыбнулась всем она.

Подсветила звонкой речке
Извивающийся путь,
На скучающем крыльчке
Собиралась отдохнуть.

Светом в травы проникая,
Серебрила берега;
Лес попутно охраняя,
Нежно трогала стога.

Звёзды рать ей составляли,
Под присмотром всё кругом,
Две «медведицы» виляли
Ей напутственно хвостом.

Позабылась тут тревога;
Спит природа, мир храня...
Это лунная дорога,
Серебристая стезя.

2005 г.

Научите меня волшебству

Научите меня волшебству...
Я хочу предрассветной порою
Увидать за текущей рекою,
Где туманы щекочут листву,
Где ветра полируют траву,
Образ твой, что плывёт над водою,
Чуть касаясь пространства рукою.

Научите меня волшебству...
Я создам из хрустальных снежинок,
Из прозрачных сверкающих льдинок,
Что летают, искрясь, поутру
По знакомому с детства двору,
Образ твой, в коем лик без морщинок
Затмевает изящность кувшинок.

Научите меня волшебству...
Я хочу, чтобы солнца затменье
От меня не закрыло виденье,
И поэтому слёзно прошу:
Научите меня волшебству,
Чтоб в душе не угасло волнение,
И чтоб другом мне было терпенье.

2018 г.

Дух ромansa

Романс волшебен, чист и нежен;
Живёт в нём тайны добрый дух.
Романс забвенью не подвержен,
Он покоряет негой слух.

Не уходи, со мной останься,
Струны коснись, разгорячи,
В любви к мелодии признайся,
Своей науке научи,

Наполни звуками пространство,
Удвой чувствительность души...
Ты необъятен, дух ромansa:
На сцену, в вечность поспеши.

2013 г.

Страница автора

www.stihi.ru/avtor/norenkovauy

Над равниной...

Расстелился, отдыхая,
Над рекой седой туман,
А у берега, мечтая,
Влагу пил густой бурьян.

В час природного забвенья
Слух ласкает тишина;
Велико её терпенье,
Правит бал сейчас она.

С трав безропотных свисают
Капли мраморной росы;
Комары кругом летают,
Показав свои носы.

Расплескалась над равниной,
Глядя воздух, тишина;
Ей по нраву быть ранимой,
Очень ласкова она.

С ней седой туман простился
И растаял в вышине:
«Вот спасибо! Нагостился!» –
Он промолвил тишине.

2018 г.

У окна...

Хорошо стоять весной
У открытого окна,
Наслаждаться тишиной,
Видеть прелести села,
Слышать трели соловья,
Говор ивовой листвы,
Звон хрустального ручья,
Шёпот ласковой травы,
Крики соек за рекой,
Всплеск упругого весла,
Гомон чаек над водой,
Коим нет сейчас числа
И что дружною семьёй
С наслаждением галдят
И летают над землёй,
Споря с хрупкой тишиной...
Хорошо душе весной!

2018 г.

Под дождём...

Одинокий прохожий идёт под дождём
Удивительно медленным шагом.
Вся одежда до нитки промокла на нём,
В этот час поглощён он был адом.

Неуёмные струи холодной воды
Исхлестали лицо и запястья.
Натворили потоки на клумбах беды,
Люди спрятались все от ненастья.

За стеною дождя чуть мигал светофор,
От тревоги и страха горяя;
Потускнел от воды его пламенный взор,
По работе привычной тоскуя.

Одинокий прохожий ушёл в темноту
Удивительно медленным шагом...
А буравящий дождь всё терзал пустоту,
Этот час был для города адом.

2018 г.

Путеводная звезда

Не нужно почестей искать
Среди потока разных мнений;
Иначе тень пустых сомнений
Поставит жирную печать,
От страха вечного трясясь,
На оглашённом приговоре,
При этом скалясь и смеясь.

Ищи всегда свою звезду
В туманных недрах мирозданья;
И, охладив в пути сознание
На скором трепетном бегу
К зовущей розовой мечте,
Сложи в узор конкретный мысли,
Не веря лживой пустоте.

Не нужно почестей искать
В садах притворства и обмана;
Что слава? Пшик, мечта тирана,
Который может лишь сказать,
От страха вечного трясясь,
Что первый он, что он в фаворе,
При этом горестно смеясь.

Не нужно почестей искать
Среди потока разных мнений;
Иначе дождь пустых сомнений
Не смоет жирную печать...

2018 г.

Кольцо

Я подарил тебе кольцо,
При этом чувствуя волненье;
От счастья смуглое лицо
Вдруг засветилось на мгновенье.

Ты опустила смелый взор,
Прервав упругое дыханье;
Кольца чарующий узор
Пленил кипящее сознание.

Застыли в воздухе слова,
Уста от радости сомкнулись,
И пальцы тонкие едва
Кольца желанного коснулись.

Ты подняла от рук глаза,
При этом чувствуя волненье;
В них благодарности слеза
Вдруг появилась на мгновенье.

2018 г.

Нам сегодня по пути

После горестных разлук
Сердце рвётся из груди.
Не снести мне этих мук.
Что же будет впереди?
Под раскрывшимся зонтом
Не укрыть зовущий взгляд,
Каждый вечер перед сном
Я тебя увидеть рад.

Дождь стучит по мостовой,
Нам сегодня по пути.
Сердце ранено тобой,
Вместе легче нам идти
Через занавес дождя
В мир любви и сладких грёз,
Где осыплю я тебя
Лепестками алых роз.

Беспокойство дивных глаз
Вызывает в сердце боль,
Вот уже в который раз
Мука сыплет в раны соль.
Под раскрывшимся зонтом
Не укрыть зовущий взгляд,
Каждый вечер перед сном
Я тебя увидеть рад.

Дождь стучит по мостовой,
Нам сегодня по пути.
Сердце ранено тобой,
Вместе легче нам идти
Через занавес дождя
В мир любви и сладких грёз,
Где осыплю я тебя
Лепестками алых роз.

2018 г.

Осени палитра

Пахнет воздух осенью близкой,
Над костром витает дымок,
С одинокой рыжей берёзкой
Говорит хвостун ветерок.

Листья кроют бережно землю,
Тишь колдует в хмурых садах,
Над беседкой яблони дремлют,
Замолкают птицы в лесах.

На сырой пустынной поляне
Спит сухой шиповника куст,
В придорожном жухлом бурьяне
Вдруг раздался веточки хруст.

По утрам туманная просинь
Окаймляет устье реки.
В камышах купается осень,
Разрывает нити тоски.

2008 г.

В уснувшем парке...

Колдует ночь в уснувшем парке,
Мадам по нраву быть одной.
Она не любит полдень жаркий,
Ей ненавистен ржий зной.

Накрывшись плотною накидкой,
Чертовка смотрит в глубь пруда;
Играя хитрою улыбкой,
Попасть пытается туда.

Тяжёл у бестии характер,
Мадам по нраву быть одной.
Её бесформенное платье
Мелькает вечно под луной.

Колдует ночь в уснувшем парке,
Накинув чёрный капюшон;
Она не любит полдень жаркий,
По нраву ей один лишь сон.
2018 г.

Целитель

*Деду своему Норенкову Петру
Фотеевичу посвящаю...*

Зимой и летом, в зной и в холод,
К нему за речку в слободу,
Будь кто в годах, а кто и молод –
Спешит народ, познав беду.

Просить его совсем не нужно
О помощи в сей трудный час.
Найти его не так уж сложно.
Он говорит всегда: «Сейчас

Я помогу тебе, страдалец;
Тебя покинет эта боль.
Будь ты земляк или чужестранец,
Мне всё равно». Сухая соль

В гранёном матовом стакане
Вцепилась в сальную свечу,
Мурлычет кот в глухом чулане...
«Входи, любезный, полечу».

Царица-ночь накидкой чёрной,
В союзе с томной тишиной
Накрыла мир, загадок полный;
С небес сошёл святой покой.

«В добре, в молитве, в Вере сила!» –
Чуть слышно старец произнёс.
Притом душа его скорбела,
Он руки к Господу вознёс:

«О Боже, смилуйся над нами!
Пошли нам жизни благодать!
Прошу я сердцем и устами –
Не дай несчастному страдать!»

Рассвет уж брезжит над слободкой,
Опала тень с немых кустов.
По небу белою лебёдкой
Плывёт массив из облаков.

«Ступай, милейший. Бог с тобою!
И помни, с Богом жизнь светла!
Тебе желаю всей душою,
Чтоб Вера дух твой подняла!»
2014 г.

Сегодня и вчера

*Родному дому посвящаю...
Нельзя удалить из сердца навсегда
то, что было дорого многие годы.*

Оборвалась невидимая нить,
Делившая сегодня и вчера;
Устала память вымученно жить,
Стирая жадно дни и вечера.

Стоявший на пригорке отчий дом
Покинут безвозвратно уж давно,
Но всё же мысли разные о нём
Частенько теребят сознания дно.

Запоминая сны, в сиреневой тиши
Тоскует по птенцам пустынный дом.
Как хорошо, что ниточки души
По-прежнему находят место в нём.
2018 г.

Белый дым

Заморозила зима
 реки и озёра,
 В благородные тона
 выкрасила сёла,
 Обняла кривой мосток
 хрупкою рукою,
 Опоясала лесок
 белою каймою.

Вьётся, вьётся белый дым,
 мечется позёмка;
 В снег вросла одной стеной
 старая избёнка.
 Метит шустрый холодок
 юркнуть ловко в сени,
 За скосившимся двором
 спать ложатся тени.

Заморозила зима
 сонную дорогу,
 Подарила яркий блеск
 рыхлому сугробу...
 Одинок в тишине
 огонёк мерцает,
 О весёлом пареньке
 девушка мечтает.

Вьётся, вьётся белый дым,
 мечется позёмка;
 В снег вросла одной стеной
 старая избёнка.
 Метит шустрый холодок
 юркнуть ловко в сени,
 За скосившимся двором
 спать ложатся тени.

Заморозила зима
 реки и озёра,
 В благородные тона
 выкрасила сёла,
 Подмигнула ветерку –
 мытарю изгнанья;
 Заморозила весь свет,
 только не желанья.

Вьётся, вьётся белый дым,
 мечется позёмка;
 В снег вросла одной стеной
 старая избёнка.
 Метит шустрый холодок
 юркнуть ловко в сени,
 За скосившимся двором
 спать ложатся тени.

2018 г.

Святые места

На высоком крутом берегу
 Одинок церквушка стоит.
 Я её обойти не могу,
 В этом месте душа не болит.

Над текущею плавно рекой
 Низко стелется лёгкий туман.
 Я возьму в руки сладкий покой,
 От него я немножечко пьян.

Намочу ноги чистой росой,
 Подниму к небу робко глаза,
 И прольётся горячей струёй
 В моём сердце святая слеза.

В этом месте, где высится крест,
 Чистой девой живёт благодать.
 Ради жизни Спаситель воскрес,
 Ради нас Он стал в муках страдать.

Здесь душа никогда не болит,
 И роса здесь невинно чиста.
 На откосе церквушка стоит,
 Произносят молитву уста.

2015 г.

**Александр
Онищенко**
**Сертолово,
Ленинградская обл.**

Старый дом

Старый дом перекопился,
Крыша стала, как седло.
Ведь хозяин им гордился,
Когда молод был, давно.
Как котята, ребятишки
Веселились на полу,
Мама им читала книжки,
Дочка: «Мама, дай юлу!»
Кочергой, как будто клюшкой,
Мяч по комнате гонял
Сын, спортивный был мальчишка,
Позже хоккеистом стал!
Дочка, та всё возле мамы –
Что, да как, да чем помочь?!
Прошло время, как с туманом
Разлетелись детки прочь!
Время шло, мамы не стало...
Старичок да старый дом...
Жизнь кошмаром тихим стала –
Старичок да дом – вдвоём!..

24 апреля 2018 г.

Жизнь и... смерть

Своей дорогой жизнь шагала,
За нею следом смерть кралась,
Жизнь встреч со смертью избегала,
Хоть смерть той встречи заждалась.
Во все века все жизнь любили,
Её старались защищать,
Ей и любовь, и ласку все дарили,
Чтобы смогла прекрасней стать!
Она ж ошибки совершала,
С улыбкой гордой дальше шла,
Со временем мудрее стала
И поделиться мудростью смогла:
«Шагайте к цели гордо, смело,
Не опуская головы,
Чтоб сердце радовалось, пело,
Ничьей не ждите похвалы!»
Услышав это, смерть призналась:
«Бессмертна будет жизнь всегда!»
На что жизнь только улыбалась,
Они расстались навсегда!

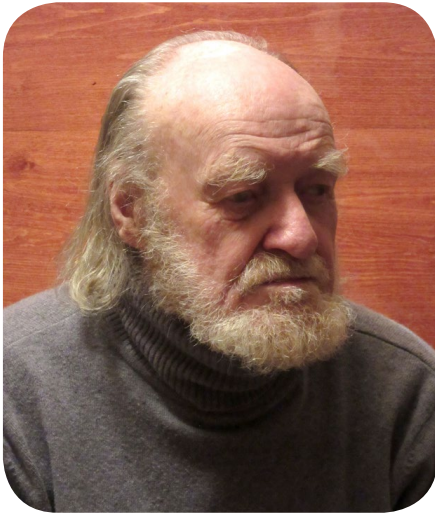
27 апреля 2018 г.

Колесо судьбы

Колесо судьбы вращая,
Подставляю ветру грудь,
Свои плечи расправляя,
Продолжаю жизни путь.
Взгляд с улыбкой, бодрый голос,
Твёрдый шаг, отмашка рук,
Правда, сед немного волос...
Песня – старый верный друг!
Взглядом зорким, как на карте,
Вижу жизни всей расклад,
Вся душа давно в азарте,
Будто компас, точный взгляд!
Солнце с песней помогают
Верным курсом в даль шагать,
Солнце путь мне освещает,
Песня – чтоб не унывать!

18 июня 2018 г.

Лев Пряхин

Нижний Новгород

Человек состоялся?

Проза в стихах

(Продолжение. Начало в № 7, 8–9/2018)

14-4. ...Великие деньги не терпят
великих идей.
Три принципа: те же три карты.
Умей угадать, рассмотреть их в деталях,
и жизнь (как ты думаешь) враз засияет.
Но вот ведь загвоздка: узнать их
в деталях – проблема без края.
В лицо из простых чудаков их никто
не сумеет узреть никогда и нигде.
Но без этих «карт»-охранителей
у многоборца мирского не может
случиться надёжного старта.
А если случится «смешное»
(здесь карты совсем ни при чём),
И резвость начала – толчок,
что борцу позволяет,
Пока все зевают,
умчаться в какой-то «перёд»,
То, – странное «вдруг», – не помедлит,
и в лоб остановит крутой разворот:
Лови в поле запахи необъяснимых надежд
на реванши, пока не банкрот!

14-5. Три карты (мне чудом легли; я не то
чтоб проверил их силу, но всё же...
Упрятана суть их под из лицемерия ложе):

Свобода бескрайняя,
Равенство полное,
Братство всемирное.
Здесь он, весь закон. Всех масонских времён.
Для всех в самобытности разных народов
и наций. Чтоб их, ложью искренней
вдрызг раззадорив, свести на поклон
джентльмену удачи смертельной.
...Где вы, исключения смиренные?!
А впрочем, зачем они,
если вполне дрессированный слон
с умелым погонщиком объединяет
в единый ансамбль все посудные лавки.
И вскоре там льются хрустальные звуки!
Спешите, товарищи, граждане и господа
делать ставки!
Поверьте: и звуки способны нагреть
неленивые руки,
Когда выбирают они есократию¹ –
не обанкротившийся вовсе социализм,
Которому предпочитают всё чаще
упорный в своей сердцевине, хотя и
запятанный в нишу надежды, нацизм.
14-6. Нас СМДИ²
успокаивают утверждениями,
что в эпоху свободы нацизм невозможен:
Себе – так подумало общество –
он при любых поворотах дорожке.
Но если – крутой поворот?! Тот, который
«кому-то» соблазны свои присушил!
Хотя перспективы считают, что все
повороты давно уже пройдены.
Значит, крутись – не ершись.
Отрезано, и с неких пор всё на свете
сцепилось: и даль, и середина, и близь.
...Что ж, верно, не втянут их: «измы» –
в сообщества вновь никакие нигде
мальчиши-крепьши.
Что уж там – плохиши?!
Поскольку их силу в себя
вобрала охлократия, –
А значит, при том демагогов
увесистых братия.
И что (удивительно ль?)
сила такая по стати ей.

¹ Есократия – это власть в Европейском Союзе и любая, аналогичная ей.

² СМДИ – средства массовой дезинформации. – Прим. автора.

людям всякого возраста – и молодым, и не
слишком, но близким по духу
единою сферой

Пред всякой удачной премьерой:

безропотному бурлаку,
заступнику ломовику,
ушкуйнику кореннику,
мятежнику не штрафнику,
избраннику проводнику,
отшельнику праведнику,
бездомнику весельчаку.

15-2. Ключом же ко всяким подобным делам:
дух единства, где соединились свобода
и братство без всякой расчётливой меры.

Сей ключ не должны получить
расточители веры:
угодник, пособник, баскак,
ненавистник, ужак;
отступник, паскудник, кулак,
саботажник, чужак;
капризник, бесстыдник, нахлебник,
сквалыжник, байбак;
разлучник, срамник, привередник,
сутяжник, лешак;
скаредник, эстрадник, нахрапник,
завистник, маклак;
безбожник, ведьмак, греховодник,
блудник, вурдалак.

15-3. А ты, мой
в дух единомышленник нескрупулёзный,
Не опытный в деле, но и не курьёзный,
Без сна и без отдыха ключ сохраняй от
нападок химеры любой:
от целеустремлённой
лихой до невнятной – вне стиля – манеры.
Они (о манерах реку) – фантазийные в жуть,
порождают реальные в щепки

естественной жизни аферы.

15-4. Но чу! Пока верных чарует дремота,
вокруг них сгущается муть из «кого-то»,
профессия чья (или чьих?!) – спецохота
на тайны от самых весомых

до уровня... так, анекдота.
Готовы на всё они (эти «кто»),
лишь бы струились в мошну их банкноты
в количествах (в целом), достаточных
для жизни не по средствам
крокодила, слона, бегемота,
кита, живоглота
и мордворота,

а значит, для «щедрого дяди».
По мнению СМДИ, благодарных – не жмота
(хотел, духом слаб (?), согласиться
с их правдой – мешает икота);
с доплатой солидной за муки цейтнота.

15-5. Пролезут они (там, где деньги маячат,
по силам любая забота)
сквозь щёлочки в сотах.

А если понадобится, – то и через
(не слишком ли слышать такое противно?)
блевоту.

У них под прицелом любые ворота.
И стоит (спросонья) нам ключ повернуть,
ну, хотя бы на пол-оборота,
Как мы – там. Они – здесь, где движется
(или лежит) очень нужное «что-то»
для их ненасытных хозяев
из партии искариотов.

Кругом тишина. Никому не мешает дремать
золотая (по сути своей, не по прозвищу) рота.

15-6. Втихую – без шума, без пыли –
успехи весомей.

Так крысы ночами, прогрызши отверстия
в несокрушимые вроде бы
кроличьи клетки,
Без драк выгрызают крольчат (молодняк)
в окружении сонной
охраны матёрых самцов...

А подобным делам,
чем темнее они, тем вреднее любые засветки.
Поэтому их (о засветках идёт теперь речь)
в человеческом (вроде бы) обществе
(будто бы), не зацепив, укрывают умело –
привычное кое-кому из охранников дело –
с гуманной настойчивостью:
сказкой; той, что зовут просвещением
с неясным в течение многих (глухих
на понятность) веков вековечных значением.
Да так, чтобы люди,

как кошки, кроты, мыши,
псы в темноте, – на свету были б серы.
Чтоб все – на одно, не лицо, не на даже
пьянящие рожи, –
Пардон, а на маски (душою)
случались похожи.

Тогда никаким ухищрением
Не высветлится самобытности
в сущие сферы.

15-7. А ведь самобытность – источник
индивидуальности,

Но даже не на пустяк – индивидуализма.
 И если завёл ты в себе индивидуализм
 (ну а кто не завёл?!),
 поспеши удавить его в корне.
 Твоя осторожность пусть не обращается
 к (так называемой) норме,
 Замешанной на неприступном резоне
 В любом, даже самом удачном сезоне.
 Не смог? Раздавись,
 чтоб прищучить его атавизмы.
 И здесь прогорел? Что же, не удивись, если
 кто-нибудь скажет тебе: «Не был ты и
 не будешь хозяином собственной жизни».
15-8. А жизнь ведь... она самобытность.
 Отсюда различия этносов: русский
 (вот если б нашёлся – понятным –
 этрасский!),
 валлонский, японский,
 чилийский, малийский,
 фиджийский, таджикский...
 Построить не сложно
 абстрактный ряд сущих,
 В истории, с древности живорастущих,
 Народов (не наций, не сект;
 Народ – это жизнь, не объект).
 Народность, с её самобытностью жизни –
 по духу, по плоти, по крови –
 Чтоб было где телу, душе развернуться
 во все подходящие силы здоровью,
 Раздарена людям по непостижимой
 для них первозданной причине,
 вместившей в себя опыт тысячелетий.
 И каждый из нас,
 заострив чувства и интеллект,
 Обязан пред Богом и всем мирозданием
 вклады свои обустроить,
 Начав приспособлять
 с самых пелёночных лет
 В ловушку, которая чует врагов
 человечества, чинных, починных и
 прочих, но в массе – бесчинных:
 ловушку, которая (быстро!) растёт
 в патриотах из малой «песчинки»
 Со свойствами, только для них –
 для врагов горделивых, – пучины,
 где тонут садизм, эгоизм, вандализм,
 И всё им подобное –
 Духом безродное.
 Они («измы» те), с давних пор,

враждовавшие крепко друг с другом,
 с недавнего (пусть – относительно)
 времени в гидру разврата сплелись.
 Пусть будут все подлости, что они выдали –
 всем им и в розницу, смертным досугом.
15-9. Да, время такое ещё не настало.
 Разнузданность не устаёт порождать беды
 бесчеловечности в дозах почти небывалых,
 Укрывшись от конгломерата
 (где общество-то?!) гуманизмом:
 Великой поделкою сил лицемерных
 во всех проявлениях капитализма.
 Но силы народа не дремлют! ...Песчинка
 народного гнева вот-вот превратится
 в карающий камень
 У всех тех людей, кто всегда за
 поддержкой во всём обращаются к Богу.
 Лишь к Богу спасительна в жизни,
 естественной и вековечной, дорога.
 Такое двудействие неудивительно:
 очисти духовный свой дом
 от недоброжелателей их же ногами
 (потребуется, не журишь – и своими руками),
 Избавив их мозг от оценки того,
 что в основах, присущих вполне нам,
 для них соблазнительно.
15-10. А чтобы надежды на роль (!)
 гуманизма исчезли в пучине соблазнов,
 И главное, чтоб не пристроились
 к миру его метастазы,
 Не верь, как считают, а вслед утверждают
 поклонники тайные либерализма:
 марксисты – в его, гуманизма, сердечность.
 Нелепость!
 Она для того процветает, чтобы «дядя» наш
 западный смог в ней узреть
 верноподданнические наши пардонки.
 Не смей унижаться! А выстрой могучую,
 пусть умозрительную,
 но безмерную крепость,
 Которой не страшны душе твоей цельной
 ни ядерный ветер,
 ни шквалы финансовой гонки.
15-11. Но мы потеряли искателя
 ценностей на дармовщину (*см. 15-1*).
 Того, что деньгами пытался тебя подкупить.
 Осёкся, наткнувшись на личность в тебе,
 не личину,
 И, не отыскав

краху замыслов подлых причину,
Пытает науку: нельзя ль оживить мертвечину
Реальности, густо нацистской.

 Так что берегись
его: люди такого пошиба готовы любого
охранника, если не лаской –
 деньгами добить.
Всё в дело! Чтоб всё, что бесценно в трудах
друга нашего, – всяким напором добыть.

16. ЧТО ТАКОЕ САМОБИТНОСТЬ?

16-1. Ты сможешь сберечь их.

 Как действовать?
Есть образец. Его предки оставили.
Но он обветшал: слишком долго цари наши
и их преемники, социалисты
тщеславные, чуждое славили,
Народ наш держа в простаках.
И не раз, и не два, ради выгоды явно чужой,
Бросали его, без защиты и жалости и без
надежды спастись и спасти, на рожон.
Вглядись в продолжение – что пожинается
нами теперь: стены-соты, где вместо чудес
Духовных – одна шелуха лицемерия,
 замаскированная под весьма
 вроде бы животворный прогресс.

Надежды заилились.
Грехи безнадёжные дамбы свои
наворочали – и воды чистые,
 что от Природы, осилили.

16-2. Закон: «Один в поле не воин».

Великий народ! Соберись и яви
свою светлую силу.

 Возьмись!

Нет выхода традиционного? – пуп надорви,
но свою ойкумену укрась, защити и очисти.
Ну а для начала – очнись.
От демократичных азов и реальных концов
 есократии освободись.

В твоей самобытности – жизнь.

Иначе – в могилу ложись.

16-3. Нет, время ещё не потеряно, шут знает
(ли?) отчего (от всего!), самобытность
(за то лихолетье – полтысячи лет ему –
 многое, нужное очень, забылось),

Напором прозападным больно кусается,
Хотя давит Запад её все века эти вдрызг
 прогрессивными квотами

Меж тяготами и зевотами.

И всё же сама самобытность себя урезает
 безмерными разнищами
В наборе её не набитых

 прогрессом воззрений
на этнос. Вот это действительно дивно
 не столько для нас, сколько в нас:

Ведь разницы эти сварганены
 из примитивных прикрас,
Которые необъяснимы для разума,
неискушённого бреднями «света»,
 чуть больше, чем аз.

Но нашей честной и смешной
 простоватости впору, как раз:
 упоительны,
 усладительны,
 уморительны и
 слабительны.

И так – с перетрясками
 всяких характеров происхождения,
С высокими целями наших домысливаний,
из не западных правил пустых, упреждения.

16-4. Традиции светят из древних законов –
 и мысли, и плоти – движения,
Согласно с которыми всякий любой человек
самобытен по факту рождения.

И с ним самобытны семья его,
 род, племя, в целом – народ.

Итог (впрочем, как есократия нас убеждает,
 всё шиворот-навыворот):

И ты, человечество,
 в млечных округах парсековых,
Ищи в самобытности радости сущей оплот.
Сплочённое разнообразие – суть красоты,
лишь бы только без всяких прогрессов,
 по сути безудержно сектовых.

16-5. Что надо (не надо!) ещё нам?

...Но ежели нет самобытности –
 нет приходимцев находчивых,
Весьма в дармовщинке
 из разнообразий разборчивых.

Ура! Или как? Ибо если следа
самобытности нет, человек своей сутью,
как будто б естественной, – каменный.
Народ из людей твёрдокаменных
 жутью (и без отклонений) – скала.

Как в камне любом,
 в нём ни грамма раскаяния.

Ищи-выбирай
 между вечностями-близнецами.
В нелюбимом: была – не была!

...Как правило: всякий народ, самобытность
 которого вянет и никнет – слабеет и падает
 (быстро ли, долго ль – бывает любое;
 Но если слабеет и падает, – значит, без боя)
 Под ноги мирскому прогрессу. В подстил.
 Всмотрись в него (если увидел такой):

не народ уже – конгломерат.
 Себе, безответственному,
 он не друг и не брат.

Вглядись: рассыпается он без участия всяких,
 враждебных и «дружеских», сил.
 Что может быть хуже?!

И кем же теперь он – народ вроде бы –
 человечеству служит?

16-6. ...Народ? Он – любой человек.

Одна из его, человечества, вех.
 И все, кто в общине с общиной, –
 в единстве со всеми,

Когда одного с ним, с народом,
 и духом, и плотью, посева.

А каждому члену её они (все эти!)
 собственные – так всегда! – адвокаты и судьи.
 Кто кровь его, пот его, дух его?

Все, без конца, всенародная суть.
 У тех, кто с ней в горести не разлучается,
 хоть разори их до нитки гнилой, не убудет.
 Кто врозь – тем ни взбзднуть,

ни вдохнуть,
 ни уснуть,
 ни блеснуть.

16-7. Но есть, что такие днюют и ночуют.
 С большими надеждами. Если и
 с психоневрозом: бывает не только на рожах.
 Кукуют, надеясь на евры, на доллары, но не
 на русские, несокрушимые в бедах, шиши.
 Хотя и шиши им нужны – для обмена
 разграбленной Родины на «благоденствие»
 в американской прихожей.

В них всё (приглядись) от Руси.

Кроме русской души.

Им – ветра попутного. В души и спины.

И в место одно – вольтажи.

И пусть добывают финансы для радости там,
 где им нравится жизнь свою шить.

16-8. ...А впрочем, я идеалист,
 больше – сказочник.

Где, подскажите, помины
 Событий, когда всероссийские хватывавшие
 оставляли Отчизны своей нелюбимой
 Приветливые чересчур рубежи?

Когда приживал, русский вроде бы,
 краю, где он и родился, и жил,
 С беспорной уверенностью понимая,
 что тот его выручит, в случае тесном,
 ему беззаветно служил?

Они – прижимальные хватывавшие,
 во всём уходимцы души –
 Участники всенепременные заговора
 конструированием подложенной обществу
 «кое-кем» (охлократической) мины,

С усердием неуставным приходимцев
 наживы крышуют и верой (какой же?)
 И правдой (но чьей?) за бабло.

То, что ими рулит.

Во всём остальном они
 круглые (до идеала) нули.

Ну а приходимцы – перекасти страны,
 народы, свободу – цепляются
 (души подобные!) за уходимцев служивых:
 Подобны у них энергетикой жилы.

Вот если б их не было
 (вспомни, я – сказочник
 и для меня, что косить, что – месить),
 То даже крутых бюрократов-коррупционеров
 (чиновников), ветры студёные правды:

Для всех терпеливцев не может
 быть лучшей награды (!) –
 В канавы, кюветы и рвы – те,
 что русскую жизнь окружают, – снесли.

17. БЕСПАМЯТСТВО – МАТЕРЬ НАИВНОСТИ

17-1. ... Друг мой,
 чем за жизнь только не измордованный
 и кем за труд не избитый?! Беспамятство –
 Грех смрадный болеющих (хоть не всегда,
 чтобы в смерть) равнодушием,
 дрёме унылой подобной, людей.

Твоя и таких же как ты могикан,
 самобытность в привычном нам виде –
 покладистом,

Без устали кормит любых
 приходимцев-«инвесторов» верою в лёгкую
 осуществимость их потусторонних затей.
 При этом компании их

(нет, не род и не племя:
 ещё не созрело, судя по всему, для такого
 характера выплесков мысли
 вполне подходящее время)

И эти творцы в блудотворчестве
не подлежат осуждению:
Ни демократией, ни гуманизмом.
Их клану понятно без слов – почему.
Не свет им духовный приятен – он разума
режет глаза. От него тянет их окунуться
в «свет» есократичности: в тьму.
Понятие это и с нами живёт-поживает.
А главное – в нас.
Им, чтобы карьеру «приличную»
в области баксов устроить себе,
нужно действовать всем напоказ!
Иначе – гроб жизни движению
наклонностей наших
демократических к самосожжению.
А нам? Что поделать нам? Радоваться нашей
жизни естественной: «рыбки ужению»?
17-4. На деле, мы стали на «кочку» их,
«добрых инвесторов», твёрдо.
Без ропота. Без принуждения. Сами.
Но что «интересно»: их, наших патронов
(нет-нет, не с револьверами и наганами),
не оказалось в компании с нами.
Им некогда! Мы им оставили массу
возможностей для проявления
инстинктов свободы зла –
лгать, лицемерить,
угодничать, ссорить, судить
и свободу сердечности братской душить:
Мы очень легко поддаёмся напору искусной
их лжи с вдохновенным (для них)
лицемерием
в искренность душ (ли?) их верить.
А это им в помощь: как можно скорее
(хозяин
не дремлет!) опошлить и озлонамерить
В нас, смирных (донельзя!), движение
искренних чувств бескорыстного бдения,
Что им сделать (всё получается с помощью
нашей!) – «раз плюнуть»
в пределах их вросшего в гены умения
Плевать человечеству в сердце души.
17-5. Все правы! «По-своему». Только не мы.
Наши мысли зависли!
Пока мы парили всюду в оптимизма угаре,
Ударе и даре плодов либеральных
в умело сработанном «кем-то» кошмаре,
Они (кто «они»?!) раздували огонь
недомыслия в обществе
послепотопную (хитрократической) искрой.

Огонь душекружительный свобододействия –
производителя тьмы! Кутерьмы.
Затем – дрёмы, драмы и признак
(забыт нами призрак? –
напомнят финансовой бойней) сумы.
От этих прогрессов плевков
до вполне уголовной тюрьмы.
За ней – до духовной зимы.
А значит, души нашей,
прежде бессмертной, – чумы.
17-6. Не хочешь всё это пожать? (Я теперь
обращаюсь к тебе, гордый сын
жизнь оставившего нам смиренного друга,
поэтому брата.)
Не хочешь, я знаю.
Тогда не пытайся искать виноватых
ни в дальних, ни в ближних, ни в средних
друзьях и знакомых – ни в зле, ни в мольбе, –
Пока не откроешь их залежь в себе.
В тебе (и во мне, каюсь я) – легион
ненасытных существ:
расплывчатых, дырчатых, жуликоватых,
надрывчатых, змейчатых, витиеватых,
рассыпчатых, выбоичатых, дрябловатых
И – главное – тех, кто в компании с ними
с присущим им всем смолеватым хвостом –
бесноватых.
17-7. А после того, как найдёшь
их как будто... При этом как будто в себе...
Легко поучать кого-либо: всех, кроме себя.
А кому неприятна
своя – что поделаешь тут –
беззатратная роль мецената?!
И всё же попробуй найти после этого тех,
кто остались безоблачно правы в неравной,
для них безысходной борьбе.
Чтоб стать им опорой! Кому не известно:
те в качественном «шоколаде» дельцы,
кто плутует, блефует, чарует,
доканывает и – не баста.
И всё потому, что они мастера убаюкивать
до упоительной дрёмы инстинкты защитные
В доверчивых олухах,
верящих в чистое братство
Их, олухов, с шустриками-джентльменами –
белыми, чёрными и разноцветными
нитками шитыми.
17-8. Вот и получается:
этим дельцам твёрдокаменным мы
(ведь тоже и мы в своём роде умы)

весьма благодарны
 (в нас дрёмы нет, что ли?!)
 За выходы олухов
 («выходки»! Это – о людях,
 которым подобны мы) чистосердечные.
 Ещё бы не благодарить?!
 Ведь прозревшие после обмана
 (когда не осталось ни запаха,
 ни слов о нём вдохновенных тумана),
 Прозревшие пусть лишь чуть-чуть,
 эти «олухи»
 (лишь бы не левые,
 как и не правые выскочки), –
 уничтожают уныние в людях.
 А мы каковы?! Но не всё столь трагично
 студёно в забитых свободой безропотных
 душах, когда в мире теплится вечное.
 Наивные? Да. Безответные? Да.
 Но никак не безбожные! Истиной меченые!
 А тех, кому верит Отечество, даже
 «защитники прав» не решатся паскудить.
17-9. Нам верит Отечество?
 Верит, когда мы –
 не всяк для себя по понятиям бесным,
 Когда не «моя хата с краю»,
 а мы – безотходная братия,
 Когда мы, по духу, не право- и лево-
 защитники (чур меня!) прав местечковых
 своих, а друзья в единении тесном.
 А если Отчизна не верит, в наш адрес тогда
 обоснованно и благотворно для общества,
 где мы бытуем, родятся проклятия.
 И (так получается вновь!) правы все
 (утверждает сама охлократия; против неё
 не попрёшь?!), без изъятия:
 надульники, мудрики, чёртики, ростовщики,
 жохи, психи и в той попсотне,
 что культурной зовётся, – верхи.
 А к ним – промежуточники в духе между
 соборниками и безоблачными гордократами,
 С которыми, так получается, пусть
 и не часто, но всё-таки запанибрата мы.
 Вот так – мы умы?! Или всё же (не часто,
 но крепко!) рассадники в обществе
 бюрократической несокрушимой чумы.
 Возможно, скорее помощники
 (при безотчётности) мы тех «совков»,
 кто устроился, либо
 Попался в разряды дельцов,
 где орудуют, пусть и не глыбы

из утилизаторов духа народа, но всё же,
 И бедствуют, дух свой родной
 проворонившие лопухи.
 И эта толпа – леваки, праваки, полу-
 проводники – заполняет собой промежуток
 между полюсами житейского боезапаса.
 Не дело волнует,
 а выплески личных экстазов.
17-10. Все правы! Неправы лишь мы, потому
 что живёт безответственность
 в наших натурах.
 Вредим мы, не чувствуя этого, чаще всего
 подопечным своим от велика до мала,
 Подобно сверх меры заботливым (в спорте
 такое случается) тренерам,
 в чьих процедурах
 Нет мер, чтоб сдирать
 по семь шкур и ещё одну шкуру, –
 И с лени, и с гордости,
 и с безответственности, и с неверности,
 и с флегматизма спортсменов-бахвалов,
 Которых во всякой
 не слишком успешной команде навалом.
 Среди им подобных служителей миру
 прогресса особо опасны для дела (и духа!)
 своей чужеродностью,
 так сказать, идеалисты,
 В противниках (да, да, в противниках!),
 видящих лишь мастерство с благородством.
 Забыли: бывают иные враги. И бывает,
 что сплошь. Сам будь в помыслах чистым.
 Но клюшку держи навесу. А судья?
 Не в одной лишь гордыне уродство.
 Ну а самобытность (любого!) народа –
 без устали собственность – (только!)
 всего (!) человечества.
 И к этому «определению»,
 право ж, добавить,
 чтоб не «заиграть» его, нечего.

18. ЦЕННОСТЬ ПРИНЦИПАЛЬНОСТИ

18-1. Сейчас правых
 в мнениях собственных
 до издевательства много: изделия клиники.
 Причина, со всей своей
 принципиальностью, – евросвобода!
 Та, что обеспечили людям сплошным очень
 хваткие связями, вёрткие разумом циники.

А мы... Мы не правы, поскольку
 считаем упорно: такая свобода – метода
 Ломать всё святое и ценное
 для трудового (да, да, трудового!) народа.
 Где мы – его часть. Правы правые... Эти
 по праву! А мы, как положено части,
 всегда: беспринципные?!

18-2. Случается (?) так,
 что отнюдь не случайно
 те «кто-то», что «как-то»,
 но целенаправленно
 (где бьются цели – там принципы?!), шало
 Единообразно, поскольку у всех, без разбора:
 ещё бы: все – люди! – все рода единого:
 сапиенс, значит, – одно «погоняло»,
 Стремилась весь мир «осчастливить»
 рождённой бескрайней свободой
 (склизкою) «творчества» ложью.
 И делали (делают!) так, чтоб (случайно?)
 замылился слизью
 безудержной лжи беспросветной, –
 «подарком» Отчизне,
 Протоптанный нашими предками мудрыми
 путь в чудодейственный рай.
 А общество (нет, не случайно!) – без выбора
 не обойтись нам – «свободно» плетётся,
 Луну перепутав (ведь тоже свечение!)
 с солнцем, нога чтоб да за ногу, но не
 Извилины чтоб за извилины, –
 по бездорожью
 Духовному (да и не только) в беспутство,
 где буйствует и убеждает всех буйствовать
 правило плоти: «пей, ешь и играй».

18-3. Оценщики (диплопатичные) правы,
 когда они лживы.
 А если не лживы? Нелживых оценщиков
 диплопатических не обнаружите,
 ибо сама диплопатия – ложь.
 Её евросвятость трудом (и бездельем):
 смотри в оба, чтобы
 не выперли (!) – не укукошь.
 Тем паче: в весёлое «наше» беспутностью
 время, в котором оценщиков прочих,
 чтоб в авторитете у общества числились, нет.
 Оценки, весомые в помыслах общества
 диплопатического, ложью
 (там ложь – во спасение!), живы.
 Хотя и возможны оценки великого качества
 правды; их страсть допускает затем, чтобы
 сбить с панталыку – так надо! – людей:

Всегда и везде, где цветёт доллар,
 ими (ложь – правда!)
 устроен из разных причин винегрет.
 А в целом, в почёте:
 оценки лентяев – ничтожных,
 безбожных...
 оценки учёных великих,
 близких...
 оценки крутых обывателей
 и мягких, что всмятку, мечтателей...
 Возможно, что (кое-что) наоборот.
 Сам чёрт (жмот, банкрот, деспот, искарриот,
 доброхот) без подсказки властителей
 оченьпатических не разберёт.
 А прочие (те, что не с ним, не с рогатым)
 забудут (или не узнают) в изматывающей
 рассудок борьбе неприцельной,
 Что право быть правыми истинно предо-
 ставляет во всей полноте лишь соборное
 (значит, не демократичное) общество.
 А прочие: все по критериям лживости, левые
 либо их в юмор противники – правые, либо
 центристы: все вместе – голодное крошево.
 Ввела хитрократия (через общественность)
 право быть истинно правыми
 лишь хитрократам.
 Тем, кто финансисты. А значит, и разумом –
 так полагается верить – богатым.
 К нему навзничь было
 приложено право оценки.

18-4. Хватателям. Только они (есть права
 или нет? – не вопрос) – потребители
 Плодов вашей жизни, поскольку –
 опора сей, хитрократической, пасти.
 Поэтому ни на копейку не мнительны.
 А ваши плоды эти крепостники потребляют
 на выбор: особо высокого качества
 и привлекательной масти.
 Так что достаётся и производителям благ.
 Причём кое-что. Чтоб никто не был голоден
 сверх нетерпения и не особо обтёрхан и наг.

18-5. Умельцы! (Те только,
 кто бюрократичностью счастливы.)
 Вы – вроде б смиренные и безучастные,
 Как будто от дел
 ради общих надежд безудержно уставшие, –
 Весьма объективны
 в компании с планами вашими,
 Без всяких сует и витийства
 вершащие дело великое,

Где главный объект – ваша
приспособительность стойкая и бледноликая.
Как быть вам иначе?

Ведь нравственность – гири,
Во всей безразмерной
и нашей, и вашей квартире.
Вы, «как выясняется»,
«потенциальные» вечнохранители
Остойчивого состояния великолепных
понятий, для них, для хватателей, цельности
«ценностей» плутократической жизни –
Без всяких (для них!) катаклизмов
в их несокрушимой обители
С опорой (к чему бы?) на все их капризы.
Поэтому (значит) ждать несоблюдения
связей хватателей ловких
с игрою превратностей ваших –
По сути равно ожиданию
с часа на сутки падения
Пизанской (ошибкой подкошенной,
но укреплённой делами суетными) башни.

19. НЕ ВЫДУМКА ЛЬ СОВЕСТЬ?

19-1. А вам каково, соборяне? Расправиться
с вашей, бессмертной в мирах,
самобытностью
Пытается (словом и делом)
сплочённая разноголосица:
несокрушимая (вроде бы) слитностью
бесчисленных поводов к зависти
от неухоженной ненависти
До выдержанной безответственности.
Упорная зависть: она – твёрдокатаная
самодержица средств для (крутой) экзекуции
Родных вам особенностей.

Ну а «разноголосицы» члены,
Находчиво слаженные (меж собой,
и с иными: кой с кем), вдохновенно
Умеют скрывать свои цели
величественной ненасытностью,
Которую не ублажить без обструкции
Того, что даёт жизнь планетному
Скрепному... В целом – всесветному.

19-2. Любой человек ошибается,
если хоть что-нибудь делает.
А если не делает вдруг (и не вдруг)
ничего – нет ошибки безбрежной.
Плоды дел любых вызывают в упорных

и духом своим и надеждами,
людях естественное поведение,
Пока не покинуло их, если и не приятие,
не отторжение, то, без сомнения, бдение.
Безделье укутывает всё в округе
бессмертием смерти надежды.
Как жить без надежды?! Нельзя
не трудиться, в какое б не вляпался
«счастье». А труд – генератор промашек,
Упорству которых прогнозы с оценками,
даже расчёты, весьма скрупулёзные,
вряд ли в поддержке откажут.
Нет выхода незамутнённого в истину?
Значит, «творите, ребята, свою,
интеллектом внушённую, правду
на совесть».

Привычная обществу, жизнь разлагающая
без надежд на сближение повесть.

19-3. Пусть будет созвучна неправда
сия недосужим (досужим – тем хуже...
а может быть, лучше?)
оценкам затейливым вашим

издёрганно страстным
и слаломно многообразным,
беспривязно ретроспективным
и качественно примитивным,
безудержно предубеждённым
и дружественно отчуждённым.
Добавьте (иначе нельзя) в эту кучу,
без разницы между
причастными и безучастными,
Оценки общиной (содружеством, фирмой,
не партиями, не тщедушными сектами,
но непременно начальствами)
Плодов ваших мук, тех, которым
(оценкам) вы рады (не рады?),
И радостей, что оказались
укором вам (вашей наградой?).

Попробуйте сделать отчёт о делах своих,
не рядовых, незабвенных,
Включив в содержание исповеди вашей
в смысле мистичности базовой,
не метастазовой,

Всё то, что пронизывает вашу душу
до бездны глубин сокровенных,
Укрытых, казалось бы,
даже от вашего разума.

19-4. Нам кажется, нет ничего в человеке
неведомого для него самого...

(Продолжение следует)

Ольга Хапилова

Темиртау,
Кемеровская обл.

Пойте надо мной

А когда всерьёз слягу, обомлев, –
Жизнь нельзя купить-выменять –
Пойте надо мной, пойте обо мне
И от моего имени;
На любой мотив, голосом любим –
Только бы слова Божии,
Чтоб ненастным днём светом голубым
Небеса на миг ожили,
Чтоб крестом проплыл белокрылый стерх
Над моей земной пристанью,
Чтоб от песни той устремились вверх
Взоры, как один, пристально,
Чтоб блеснул просвет жёлтого желтей
Звёздочкой Пути Млечного,
Чтобы стала вдруг вера у людей
Твёрже в торжество вечного!

Не правда, что павшим
достаточно памяти близких...
Доехать, дойти
и коснуться рукою оградки –
В часы пред рассветом
покрыты росойobeliski –
Солдатские судьбы страны
в алфавитном порядке.

Где мокла пехота
и двигалась техника юзом –
Теперь, погляди,
забаюканы страшной годиной
Спят тихо герои
всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу,
как братья в утробе единой.
Ты станешь бояться,
что всё перепишут иуды
И как-то иначе
об этом расскажется в школах.
Но тысячи тысяч бойцов,
погребённых повсюду!
Но дед мой, погибший
в бою за деревню Вашково!
А дома всё так же –
лишь чёрный платок наготове,
И век до могилы
здесь мнится особенно длинным –
Ещё не однажды
Сибирь обернётся по-вдовьи
На сдавленный клич
новгородских полей журавлиных.

Ястреб

А когда на отчий край псы не лезли-то,
Не скрывало вороньё солнца ясного?!
Что ты ведал, милый друг, в жизни, если ты
Не держал ещё в руках птицу-ястреба?!
Не видал его полёта былинного,
Оперения рябого, кольчужного?!
Он стрелой играет, словно былинкою,
Он чурается спокойствия чуждого!
Ястреб спит и видит зорькой рассветною
Золочённую хоругвь, поле чистое,
И хранит тепло плеча Пересветова
Сквозь столетья его лапа когтистая!
Эх, бывлые времена, невозвратные,
Промелькнули словно сон, в Лету канули!
Покидали грешный мир люди ратные,
Но парили ястреба́ над курганами.
И сегодня, погляди, шутки в сторону –
Надвигается, гремит мгла зловещая.
Пусть над Родиной моей зорким сторожем
Зависает ястребок, птица вещая!

Лариса Агафонова

Москва

Оптимистка

Всё сбудется, всё сложится, получится!

Хорошему настать уже пора.

На вашей стороне удача-спутница.

Пусть лёгкой будет взрослая игра!

– Лена, вы опять обжарили сначала лук, а потом мясо. Я же вам тысячу раз говорила, что мы привыкли делать наоборот. Пожалуй, на этот раз я всё-таки вычту из вашей зарплаты стоимость испорченных продуктов, – визгливый голос вклинивался в мозг и больно бил молоточками прямо в ухо.

– Нет, я прошу вас, не надо из зарплаты. Вы только попробуйте, как вкусно получилось, Алевтина Петровна! – кричала она в голос.

– Лена, Лена, проснись, ты плачешь и мотаешь головой, а тебе нельзя. Да лежи ты спокойно, не дёргайся, сейчас я доктора позову.

Женщина открыла глаза, застонала и попыталась сесть на кровати.

– Да лежи ты уже, сумасшедшая, всех переполошила своими криками, – молодая женщина с забинтованным ухом придерживала проснувшуюся беспокойную больную.

Вошёл врач.

– Так, что за паника в пятнадцатой палате? Вы почему, Супрунова, лежите на больном ухе. Я же вам сказал, что недельку после операции нельзя будет переворачиваться на левый бок. Уж потерпите, завтра утром поменяем повязку, полегче станет.

Лежащая на постели женщина улыбнулась.

– Простите, доктор, мне сон плохой приснился. Со мной всё нормально. Спасибо.

– Вот и ладненько. Не буяньте больше, думайте о приятном, тогда и спать будете без кошмаров.

Лена Супрунова откинулась на подушку, зажмурилась, потом снова открыла глаза: да, можно дышать спокойно, всё так и есть, она по-прежнему в «Стране глухих». Впервые попав в «ушное» отделение огромной московской больницы, Лена опешила: оказывается, сколько вокруг людей с патологиями слуха, а она-то думала, что только ей не повезло. Когда пару лет назад Лена вдруг поняла, что увеличивает громкость телевизора, вынуждена прислушиваться к разговору, непроизвольно поворачивается правым ухом к источнику звука, она испугалась: «Всё, я оглохла. Как я теперь жить буду? Кто меня на работу возьмёт?» – и побежала к местному врачу.

– Покапаете лекарство, сделаем вам продувание, укольчики поставим, и всё наладится, – молоденький доктор, по недоразумению попавший в их захолустье, лениво и неспешно делал стандартные, как потом выяснила Лена, назначения.

Лечение не помогло, Лена поплакала-порыдала в подушку, пожаловалась было мужу, отмахнувшись от неё как от назойливой мухи:

– Да что ты, Ленка, панику разводишь? Не начинай по-новой болячки плодить. Ну слышишь хуже, так это даже хорошо, не будешь меня пилить, когда я за «Спартак» болею под пиво. Это ж не рука-нога отвалилась, а так, ерунда. Пойди лучше, картошечки пожарь, жрать охота.

На этом все разговоры о Лениной новой болезни закончились. Мужа тоже можно было понять. Сколько уже Лена валялась

по больницам: и в гинекологии, и в ожоговом отделении, и даже в онкологии, – стабильно раз в пару-тройку лет что-то приключалось.

Всю свою жизнь Лена прожила в маленьком городке под Новосибирском, и как попала сразу после техникума по распределению на завод пластмасс, так до тридцати пяти лет и трудилась на вредном производстве. А потом у неё обнаружили меланому на ноге. Хорошо, что врач опытный попался, собаку, что называется, съел на онкологии, отправил работницу на обследование в онкоцентр, где Лену быстренько прооперировали. На память остался безобразный шрам на животе, откуда взяли кожу для пересадки, и плоское не загорающее на солнце пятно на ноге. Но это всё ерунда по сравнению с тем, что Супрунова осталось жива, а ведь некоторым девчонкам из её цеха не повезло...

На завод Лена уже не вернулась, работала где придётся: то диспечершей на проходной в одном из научных центров, то охранником (смешно сказать, при её росте в метр шестьдесят три, какой из неё страж порядка) в одном торговом центре.

Детей у них с мужем Егором не было. Поженились они довольно поздно: Лене было тридцать, а Егору почти сорок: что называется, вскочили в последний вагон. Лена так и рассуждала: «А вдруг больше никто не позовёт, что ж всю жизнь в девках куковать?» Бурная молодость позади, пара абортотворцев от разных кавалеров, разочарование в любви у неё и усталость от смены лиц в постели у него.

– Чего ж не сходить замуж? Вдруг там что интересное, а я и не видела, – делилась Лена с подружкой, опытной охотницей за мужьями, разбитной Натахой, трижды бывавшей в законном браке.

– Ну насчёт интересного, я бы не рассчитывала, а вот проблем точно наживёшь. Хотя, знаешь, говорят, иногда и ничего бывает, если по любви женятся.

– Так то ж по любви, а я так, из любопытства, – усмехнулась Лена.

– Давай, Леноч, попробуй. Расскажешь потом, вдруг я что пропустила, – хохотнула Натаха.

И Лена попробовала. На самом деле, оказалось, что ничего интересного в законном браке не было. Ну разве что зарплата складывалась в общую тумбочку, да субботние выезды за покупками объединяли. А в целом, обычная бытовуха: обеды-ужины приготовить, бельё постирать, мужу пылесос в воскресенье всучи, да проверь, чтоб не заленился и до всех углов добрался. На огороде Супруновы, как и все в городке, сажали картошку, морковку и огурцы с помидорами. Летом устраивали шашлыки с приятелями, мужики потягивали пиво да лакировали беленькой, а женщины, устав метать закуску на стол, запевали песни да частушки. Обычная жизнь, простая и понятная: работа, дом, будни и праздники.

Постепенно Лена и Егор перестали друг друга замечать, привыкли к партнёру как к мебели, неизменно стоящей на своих местах, удобной, хотя и надоевшей.

Лена долгое время пыталась забеременеть, однако неудачно. Врачи советовали мужу отказаться от спиртного, бросить курить, но разве ж мужика уговоришь? Да он особо не страдал от отсутствия детей, по молодости настрогал парочку, но не признал, алименты не платил и судьбой отпрысков не интересовался. Лене, как всякой женщине, хотелось, конечно, услышать детский смех в доме, между тем всё чаще она задумывалась, что из Егора не выйдет нормальный отец. А где его взять – нормального? Тем более что часики-то отмеряли женское время с катастрофической скоростью.

В Ленины сорок два, прямо после дня рождения, в августе, её уволили со склада, где она трудилась кладовщицей. Одна из сестёр, Таня (а их у Лены было три, и все старше), посоветовала поехать на заработки в столицу, где уже давно жил её сын.

– Ленка, а что ты теряешь? Работы здесь нет и не будет. Дети по лавкам у тебя не скачут, в огороде не сезон. Поезжай, у Мишки нашего поживёшь, он квартиру на паях с

парнем снимает, а тот съехал, поэтому комната освободилась. Оплата небольшая, так как далеко от центра, работу он тебе поможет найти, – где, как не в Москве, нужны рабочие руки.

– А как же Егор? Что я ему скажу?

– А что Егор? Сидит на пятой точке, получает три рубля да пиво хлещет. На его зарплату особо не разгуляешься. Ты вон на море сколько собиралась поехать? И что?

– Да ничто. Никак не получается отложить, всё на еду да на коммуналку уходит.

– Вот то-то и оно, а в Москве подзаработаешь да хоть другую жизнь увидишь. Езжай.

И Лена рискнула. Муж даже не очень возмутился, поворчал для порядка, наказал «не баловать» и проводил на железнодорожный вокзал.

Москва показалась серой и мрачной. У них в Новосибирске солнце светило почти всегда, а здесь, только октябрь, а уже низкое небо и тоскливая погода. «Но где наша не пропадала, – подумала Лена, – это всё ерунда. Главное, чтобы работа была, а погода важна только в доме, как пела в её юности Лариса Долина».

Племянник Мишка, оказывается, тоже наострил лыжи, но теперь уже за границу, в Америку. Получил рабочую визу и собрался на полгода в Филадельфию.

– Ты, тётушка, не паникуй. Я твоё резюме на сайте домработниц выложил, и уже есть отклики. Москвичи, они только славян ищут в помощники, наелись беженцев из дальних уголков бывшего Союза, пуганые стали. Так что ты точно ко двору придёшься. Готова у чужой тёти полы мыть?

– А чем эта работа хуже другой? – покачала головой Лена. – Чай, не тяжелей, чем на заводе вкалывать.

– Вот пристроим тебя в приличную семью, и я с чистой совестью свалю отсюда. А тебе надо соседку подыскать нормальную, я этим займусь.

Не успела Лена оглянуться, как оказалась пристроенной на работу в московскую семью. Хозяйка, Алевтина Петровна, пожи-

лая дама шестидесяти пяти лет оказалась матерью девятилетнего приёмного сына Дениски. У них с мужем Иваном Семёновичем было двое взрослых детей, и, уже в пенсионном возрасте, они усыновили шестимесячного мальчишку, оставшегося сиротой после гибели племянницы Алевтины Петровны. Других родных у малыша не было, и в новой семье он стал последышем, балованным и залюбленным.

Управляться с хозяйством Алевтине Петровне было сложно. Она ещё работала, преподавала математику в одном из московских вузов. Муж, какой-то начальник в одном из многочисленных московских министерств, ездил с шофёром, возвращался поздно, иногда успевал проверить уроки у Дениски. В соседней квартире жила их младшая дочка, Настя, незамужняя бизнес-леди, которой некогда было готовить даже для себя самой, что уж говорить о том, чтобы помогать матери. Так в доме появились домработницы, сменявшие друг друга с завидной регулярностью.

До Лены успели поухарить трое, и ни одна не продержалась дольше двух месяцев. Требования Алевтины Петровны были, на самом деле, не такие уж и высокие: приготовить завтрак, обед, ужин для всех членов семьи, включая Настю, два раза в неделю убрать в квартире, встретить Дениса из школы и отвести на дополнительные занятия по английскому.

Всё, казалось бы, просто, но приготовление еды упиралось в чёткие инструкции: никакой свинины и баранины, только курица, индейка и нежирная телятина. Степень обжарки, очередность попадания продуктов в блюдо – всё это чётко регламентировалось и отслеживалось. Поначалу Лена забывала и делала по-своему: как привыкла варить борщ в большой кастрюле, так и приготовила для хозяев. А вечером Алевтина Петровна вылила полкастрюли в унитаз, заявив, что первое блюдо нужно готовить каждый день. Куриные котлеты без майонеза (а Лена никогда не использовала его в котлеты) были забракованы как сухие, салат оливье при-

готовлен без морковки (сроду её не клали в этот салат), а значит, неправильно. Но постепенно всё наладилось, Лена научилась строго следовать указаниям хозяйки, не перечила, не возмущалась, не стояла на своём, улыбалась и молча выполняла свою работу.

Алевтина Петровна позвонила в агентство по найму прислуги и сняла свою заявку, сказав, что удовлетворена Лениной кандидатурой.

Так прошло несколько месяцев. Лена откладывала деньги, радуясь возможности не только подработать, но и посмотреть Москву. Суббота и воскресенье у неё были выходными, и с соседкой по квартире, бойкой Светланой из Тольятти, они ходили по выставкам и другим культурным местам. Как выяснилось, в каждое третье воскресенье месяца вход в московские музеи для всех был бесплатным, чего ж не ходить? Да и просто посмотреть на столицу для Лены было удовольствием.

– А какие люди здесь, как одеваются, как говорят! – рассказывала она сестре Татьяне по телефону. – Не то что наши, мат через слово, да двух слов связать не могут.

– Учись, Ленка, на старости лет культурной станешь, – смеялась старшая сестра. – Ты всегда у нас к образованию тянулась. В институт бы тебе после пойти, так нет же, мать всех в техникум выперла, чтобы быстрой со своей шеи снять.

– Да ладно тебе, Тань, всё и так хорошо. Работа есть, жильё, время свободное тоже, что ещё надо?

– Ну ты у нас известная оптимистка. Тебе б ещё мужика правильного, а не этого твоего пивного бочонка. Как он, кстати, домой не зовёт?

– Ты знаешь, первое время гундел, говорил даже, что скучает, собирался ко мне приехать, тоже на заработки, а теперь как-то притих. Созваниваемся, но как-то вяло.

– Вот и я о чём, посматривай там по сторонам, верти головой, может, кто и приглянётся.

– Да где я кого найду? Я ж целый день на работе, а по выходным все семьями гуляют.

– Тебе бы в магазин какой продавщицей пристроиться, всё людей побольше, глядишь, и появится кто на горизонте.

– Поживём, Танюха, поглядим, – неизменно отвечала Лена.

В семье, где работала Лена, к ней привыкли. Алевтина Петровна даже стала доверять ей самой выбирать меню на день, Иван Семёнович был дружелюбен и любезен, Настя с аппетитом съедала низкокалорийные блюда, приготовленные специально для неё. Дениска с удовольствием садилась рядом с ней на кухне, пока Лена готовила еду, и читал ей вслух то, что задавали из устных предметов.

В один из таких вечеров, когда Дениска учил задание по окружающему миру вслух, Алевтина Петровна и заметила, что Лена плохо слышит.

– Лена, ты разве не слышишь, что Денис пропускает слова?

– Алевтина Петровна, да у меня духовка шумит, вот я и пропустила.

– А ну-ка, давай мы с тобой проверим твой слух, – серьёзно подошла к вопросу хозяйка. – Денис, отходи подальше и называй тёте Лене цифры, а она будет повторять.

Повторяй – не повторяй, а слышала Лена плохо, она и так это знала.

– Не дело это, – постановила Алевтина Петровна. – Надо тебе обследоваться, со здоровьем шуточки плохи. Ты ещё молодая женщина, рановатоглохнуть.

Хозяйка не любила откладывать дело в долгий ящик, заставила Лену прикрепиться к поликлинике, сходить к врачу и взять направление в отоларингологический центр на операцию.

Лена пыталась отказываться, боясь потерять и накопленные деньги, и работу, но надо было знать Алевтину Петровну.

– Денег я тебе дам, на обследование и врачу за операцию дать. Не в долг, не пугайся, а просто так, считай, из корыстных побуждений: мне нужна домработница, ты мне подходишь, домашним твоя стряпня нравится, Дениска доволен. Искать новую помощницу у меня ни сил, ни желания нет.

– Алевтина Петровна, мне неудобно.

– В моё время говорили: неудобно на полке спать, остальное – нормально. Иди и лечись.

Так Лена Супрунова оказалась в «Стране глухих», как она сразу же окрестила отделение патологии уха. Попав на аудиограмму, а потом в отделение, увидев мужчин и женщин, малышей и деток постарше со слуховыми аппаратами, с перевязанными послеоперационными ушами, переспрашивающих и прислушивающихся, она даже успокоилась: она не одна, она среди своих. Сразу вспомнился фильм с Чулпан Хаматовой и Диной Корзун, над которым Лена рыдала каждый раз, как смотрела. И вот она очутилась в этой стране, где все равны, все одинаково боятся операции и её исхода, помогают друг другу и делятся опытом.

Удобную трёхместную палату Лена делила с приветливой женщиной лет тридцати пяти, Анной, и злобной, вечно недовольной молодой девицей Кристиной. Обе были после операции, уже вставали и выходили в коридор. Кристина демонстративно воротила нос от больничной еды, питаясь фруктами и принесёнными ей из дома протёртыми овощными супчиками: сидела на диете. Аня, попавшая на операцию по квоте, приехала аж с Сахалина (муж и маленькая дочка жили в гостинице при больнице), и теперь женщина сокрушалась, что после операции нельзя будет летать на самолёте три месяца.

– Ну и на чём мы поедим? Поезд с пересадками – это мы две недели добираться будем. Как дочка такую долгую дорогу перенесёт? – печалилась она.

– Главное, ты стала лучше слышать, – утешала её Лена.

– Эх, мне бы твой оптимизм, – улыбнулась Аня.

– Бери, мне не жалко.

– Какая ты, Лена, хорошая, прямо настроение улучшается от разговора с тобой.

Лена только улыбалась. А чего говорить, когда всё и так ясно.

На следующий день Лену оперировали. Молоденький врач-хирург, очень серьёзный и ответственный, всё ей подробно рассказал, объяснил процедуру и последствия, и Лена почему-то совсем не боялась (после меланомы она вообще уже перестала пугаться неполадок со здоровьем).

Отойдя от наркоза, Лена снова уснула и очнулась уже от собственных криков, ей приснилось, что Алевтина Петровна превратилась в злобную фурию и хочет выгнать её из зарплаты за неправильно пожаренное мясо.

– Это был только сон, – в облегчении откинулась она на подушку.

– Ну ты меня напугала, – вздохнула Аня, – кричишь, мечешься, кровь из повязки проступила. Я думала, ты вообще с кровати соскочишь и куда-то полетишь. От кого убежала-то?

– Да так, от своих страхов остаться без работы. Вот лежу и думаю: мне сорок три года почти, а семья и на семью не похожа, детей нет, мужу всё равно, где я и что со мной. Работа на птичьих правах, сегодня есть, завтра нет.

– Так, оптимистка, хвост морковкой и не грустить!

– Слушаюсь, сестра милосердия!

– Ой, развели тут охи-вздохи, – фыркнула Кристина. – За жизнь надо цепляться зубами, выгрызть своё, тогда всё будет, а если лежать и мечтать, фиг вам, а не сладкая жизнь.

Лена с Аней, переглянувшись, улыбнулись: «Девчонка, что с неё взять».

(Продолжение следует)

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/agafonova
vk.com/agafonovalarisa

Александр Долбин **Санкт-Петербург**

Детский сад на летнем отдыхе в Манглиси

Это был первый послевоенный год. Несмотря на трудности послевоенного времени, нашлись денежные средства на организацию летнего отдыха для сотни дошколят в курортном посёлке Манглиси Тетрицкаройского района, расположенном в 62 километрах западнее города Тбилиси, на склонах Триалетского хребта. Это известный на всю Грузию курортный район в горах, где воздух чист и свеж, где сосновые рощи источают по утрам запах смолы, а небольшая река Алгети (мы её называли Алгеткой) в жаркую погоду привлекает отдыхающую на курорте детвору своей прохладой.

Вокруг Манглиси хорошо просматривается таинственная перспектива гор, поросших лесом и кустарником. На их склонах, прилегающих к посёлку, крестьяне возделывают поля для выращивания пшеницы и ржи, овощей, содержат луга для пастбищ, где достаточно корма под выпас коров и овец.

В посёлке и окрестностях растут яблоны, груши, вишня, черешня, сливы, инжир, грецкий орех, чинары, лещина, кизил, алы-

ча, ежевика, малина. В лесах растёт и дикая груша – панта, которая очень хороша в августе-сентябре.

Таким разнообразием плодов, орехов и ягод не могут похвастаться многие курорты Грузии.

В посёлке у населения с численностью 2500–2600 человек было 500 коров, стада овец, фруктовые сады и приусадебные хозяйства, на которых в пристройках содержали скот, гусей и кур. Численность отдыхающих в этом посёлке приближалась к количеству жителей.

Землепашцы, садоводы и животноводы посёлка Манглиси и окружающих деревень обеспечивали мясом и молочными продуктами не только жителей посёлка и курортников, но и отдыхающих в санаториях, подростков и детей в пионерских лагерях и детских садах плодами, мясом и молочными продуктами.

Такой богатый природными дарами и мягким климатом край издавна привлекал отдыхающих в летнюю пору тбилисцев.

Отдых малышей нашего детского сада был разбит на три потока, каждый из которых продолжался около одного месяца. Ежемесячное посещение родителями своих чад было организованным, приезжали они на тех же грузовиках, на которых в Манглиси доставляли детей.

Метрах в ста от дач была одна из сосновых рощ, высаженных русским генералом во второй половине XIX века. Саженцы, которые он заказал в Сибири, были доставлены в Манглиси за счёт этого щедрого военного. Так были заложены на двадцати гектарах земли сосновые рощи, ставшие гордостью манглисцев и усилившие привлекательность этого посёлка в качестве горного курорта. В 50-е годы XX века возраст сосен достигал примерно 80–100 лет.

Был июнь 1946 года. У детского сада в городе собрались родители с детьми, которых готовили к отправке на дачу в Манглиси – несколько групп старших и одну группу младших детсадовцев. В это раннее, прохладное солнечное утро, наполненное

сладковатым запахом цветущей белой акации, родители волновались, не была спокойной и детвора. Им объявили, в какой из автомашин будет ехать их ребёнок. Все сразу засуетились.

Провожали меня и моего брата на летний отдых оба родителя. Подойдя к машине, мы узнали, что осталось только одно место для ребёнка из старшей группы. Родителям хотелось, чтобы мы с братом ехали вместе. Кто-то из работников детского сада предложил посадить меня в машину с детьми младшей группы, где находился мой младший брат.

Но это была не моя группа: здесь были малыши, пяти-шестилетки. А мне уже исполнилось семь.

Со слезами на глазах я сказал, что с малышами не поеду.

Увидев рёву, из кузова машины (это был грузовой крытый тентом автомобиль) спустилась уже немолодая, по моим детским понятиям, женщина, подошла ко мне, взяла за руку и попросила у моих родителей разрешения поговорить со мной.

Отвела меня в сторону и, как бы извиняясь, сказала: «Трудно с малышами ехать. Они такие непоседы. А у меня нет помощника. Помогите мне. А когда приедем, если не захочешь остаться с нами, пойдёшь в свою группу».

У меня сразу высохли слёзы: ведь ни один взрослый меня никогда ни о чём не просил. Эта тётя попросила. А я ведь почти взрослый и могу помочь.

И тётя повела меня к машине, помогла подняться и усадила около себя. Родители были удивлены тем, что я так быстро согласился.

В машине тётя представилась всем ребятам: «Меня зовут Лидией Дмитриевной, я ваш воспитатель». Зачитала список группы, убедилась, что все на месте, а затем объявила: «С нами едет мой помощник». И представила меня ребятам. Я был горд оказанным доверием.

В дороге мы не только слушали рассказы и сказки нашей воспитательницы, но под её

руководством пели песни. Тент, покрывавший кузов машины, был без окон, поэтому мы видели лишь дорогу и деревья. Несколько раз в пути объявляли привал.

Наконец мы остановились и услышали команду: «Приехали! Выходите из машин!»

Дачный городок размещался в нескольких арендованных частных домах, которые хозяева сдавали каждое лето для отдыха детей из детского сада. Каждая группа имела свой дом. Кухня была одна на все группы и размещалась в доме по соседству. Во всех группах были выделены комнаты-столовые.

Дом, предназначенный для младшей группы, был с бельэтажем, с открытой веранды на прилегающую местность открывался хороший обзор: пустырь, поросший кустиками цветущей колючки, старая церковь, построенная, как и большинство строений в Манглиси, из местного камня. Справа от дома был огород, где хозяева выращивали овощи и зелень, но хозяйка не позволяла входить на территорию их приусадебного участка.

Лидия Дмитриевна ввела нас в дом, показала нам, где мы будем спать, комнату для игр, чтения и рисования. Больше всего нам понравилась веранда, на которой в хорошую погоду мы будем обедать. Когда все расположились, Лидия Дмитриевна спросила, хочу ли я остаться здесь или пойду в свою группу. Мне нравилась воспитатель, в группе я уже был за старшего. И я остался в её младшей группе.

Лидия Дмитриевна проявляла заботу о каждом из нас, вовремя находила добрые слова, заботилась о том, чтобы дети хорошо ели приготовленную на кухне пищу. Многим она казалась вкуснее домашней. Лидия Дмитриевна утирала носы малышам, плачущим по мамам, отвлекала чем-то, успокаивала, брала на руки, находила подходы при спорах.

Вблизи дачи, на возвышенности, она устраивала нам воздушные ванны и загорание в утренние часы или вечером, на закате

солнца. С этой высоты хорошо просматривались пшеничные поля, а вдали – горы, за которыми, как говорила воспитатель, находился город, из которого мы приехали, наш Тбилиси, наш дом.

Она организовывала занятия в огороде, пшеничном поле, в сосновой роще, водила нас в лес лакомиться ежевикой и малиной.

Первая экскурсия, которую она провела с нами, было посещение огорода. Ей удалось уговорить хозяйку дома привести в огород детей, чтоб показать, как растут овощи и обещала, что ребята не повредят грядки и ничего не сорвут. Вода нас между грядками, рассказывала, какие овощи растут на них. Многие её воспитанники впервые видели, как растёт капуста, помидоры, огурцы, лук, чеснок, тыква, картошка и разная зелень для стола. Она срывала один листок с растения, и каждый из нас рассматривал его, щупал пальчиками и нюхал. Это нужно было для того, чтобы мы могли определять растения по форме листьев, на ощупь и по запаху, по виду плода.

После пары таких посещений почти все из нас могли назвать растение по этим признакам.

Мы всей группой ходили в один из соседних дворов, чтобы посмотреть, как хозяин дома будет крепить упавшее гнездо ласточки с птенцами на прежнее место. Сколько было радости, когда на следующий день мы увидели, что ласточки-родители не бросили своих птенцов, вернулись в своё гнездо.

В пшеничном поле, расположенном за околицей нашего посёлка, слушали рассказы воспитательницы о росшей там пшенице, о полевых мышах, рассматривали их норы. Узнали о том, для чего они собирают осенью так много зерна и где его хранят.

Уроки по рисованию проходили на веранде. Воспитательница учила нас рисовать не только карандашами, но и акварелью, обучала пользоваться кисточками. Для рисования специально выбирала время в солнечные утро и день. Она внимательно рассматривала наши рисунки, помогала что-то дорисовать и хвалила за удачные.

После занятий Лидии Дмитриевны у нас проявился интерес к природе, желание познать мир растений, птиц и животных. Она относилась к своим воспитанникам так, как поступала бы мама: поддерживала, хвалила, учила, вела беседы, никого не наказывала за проступки. Она спала в детской спальне и контролировала сон детей.

Вторая встреча с Лидией Дмитриевной состоялась через пятнадцать лет. Она работала в том же детском саду, находящемся на финансовом обеспечении организации, в которую я получил назначение после окончания финансового училища.

Ко мне, новому непосредственному финансовому начальнику, пришла познакомиться и рассказать о своих проблемах заведующая этим детсадом.

От неё узнал, что бывший работник финансового отдела сэкономил деньги не только на ремонте помещений детского сада, но и на приобретении игрушек, бумаги, карандашей и красок для детей.

Как бы в подтверждение своих слов она рассказала об одном педагоге-воспитателе, который за свои деньги покупает для детей игрушки, краски, бумагу, карандаши. Вот недавно приобрела красивую немецкую куклу за 27 рублей при её зарплате 65 рублей в месяц. И рассказала, как это было.

В магазине «Детский мир» на площади Ленина продавались немецкие куклы. Когда педагог-воспитатель увидела красивую куклу, попросила продавца выписать счёт, чтобы перечислить деньги через банк. Но ей ответили, что пока сад перечислит деньги, кукол уже не будет. Их распродадут сегодня же.

Тогда она попросила продавца отложить товар, съездила домой за деньгами и купила понравившуюся ей игрушку.

Это была лучшая кукла из всех, когда-либо приобретённых для детей того детского сада. Она произносила слово «мама». Такую куклу Лидия Дмитриевна не могла не купить. Все воспитатели подержали ку-

клу в руках, послушали произносимое ею «мама» и попросили показать её детям своих групп.

Когда заведующая детским садом принесла в финансовый отдел авансовый отчёт об этой покупке, финансист ответил, что все покупки свыше 25 рублей обязательно должны быть оплачены безналичным порядком через банк. Таким образом, педагог-воспитатель приобрела для детей куклу за свой счёт (а ведь он знал, что это около половины месячной зарплаты воспитателя).

«А выход из этого положения мог быть с небольшими потерями», – всё, что я мог ответить заведующей детским садом. Пообещал приобретать на выделяемые средства всё необходимое и своевременно.

При подготовке ведомости заработной платы я обнаружил выплачиваемую Лидии Дмитриевне 10-процентную надбавку к должностному окладу (6 рублей с копейками). Она, оказывается, была Заслуженным педагогом Грузинской Советской Социалистической Республики. Когда она пришла за зарплатой, к моему счастью, я узнал

свою любимую воспитательницу – Лидию Дмитриевну Кудрявцеву.

Закончился рабочий день, а мы сидели в кабинете и вспоминали то лето: как наблюдали за восстановлением упавшего ласточкиного гнезда и радовались возвращению ласточек-родителей к своим птенцам, как Лидия Дмитриевна читала нам сказки перед сном, как ловили мотыльков и порой по вечерам в сосновой роще бегали за летающими в темноте светлячками. Вспомнили, как перед завтраком на веранде с удовольствием вдыхали запах чуть подгоревшей у поварахи манной каши, когда ветерок дул от кухни в нашу сторону. Манную кашу ели все без уговоров. Она нам нравилась.

Закончила беседу Лидия Дмитриевна, сказав: «Мне нечасто говорят тёплые слова мои бывшие воспитанники, но многих до сих пор помню. Я любила и люблю их по сей день потому, что у меня не было своих детей. Своё сердце отдавала и сейчас отдаю своим воспитанникам. Я рада встрече с вами. Спасибо за память обо мне».

Такой была моя первая воспитательница детского сада.

22 июля 2018 г.

Нина Романова

из серии
«Повести
в белых
халатах»

16+

[Купить книгу
knigi-market.ru/glavnyy-vrach-nina-romanova](http://knigi-market.ru/glavnyy-vrach-nina-romanova)

Союз писателей
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛУ
Грант «Новые миры»

ГЛАВНЫЙ ВРАЧ

Ксения Кель

Рига, Латвия

Последняя весна

Это был обычный день для меня. По крайней мере, я думала, что он будет такой же, как и все остальные. Такой же загруженный работой, дурацкими вопросами от клиентов, спешкой и с перекусом на бегу. Может, всё-таки стоило пойти дальше учиться после колледжа? Хотя вряд ли я бы смогла закончить. Тяжело сохранять хорошее настроение, когда твоя жизнь – это колдоворот из работы, дождя, голода и стресса, которые буравят твои нервы каждый день. Да и сохранять настроение уже не хочется. Так сойдёт.

Была весна. Я ещё не знала, что это будет последняя весна в моей жизни. Я стояла на остановке у офиса и ждала автобус до дома. Опять опаздывает. Уже два раза меня окатили водой из лужи. Спасибо, водители. Очередной чудесный день. А ещё в магазин надо и прибраться, ведь завтра гости. Хочу остановить всё это на пару недель и не делать ни-че-го.

Наконец-то, автобус. Радует, что на этой остановке он ещё не забит и даже можно сесть. Сяду рядом с этим парнем. Он выглядит так, словно от него, скорее всего, не будет вонять. Это мне подходит. И это бинго! От него даже парфюмом пахнет, но не

слишком. Спасибо, вселенная, – может, поездка выйдет нормальной. А вообще мужчина симпатичный. Видно, что ухаживает за собой, но в разумных пределах. Каштановые волосы, модная стрижка, острый нос и лёгкая щетина. Мило.

– Девушка, у вас выпала перчатка, – он обратился ко мне.

– Что? – блин, задумалась.

– Кажется, это ваша перчатка, – мой сосед как-то печально улыбнулся и показал на лежащую в проходе в грязи когда-то кремовую перчатку.

– Чёрт, – я спокойно подняла перчатку. Да уж, теперь это мусор. – Спасибо, – я попыталась улыбнуться. – Скорей бы и этот день кончился.

– Не стоит так говорить, девушка. Жизнь прекрасна, наслаждайтесь каждым днём.

Я подняла бровь в знак недоверия к его словам, но его это только развеселило.

– А-ха-ха, не надо так реагировать, ведь я говорю правду. Я вот влюбился. Она – девушка мечты. Прекрасная...

Ещё пару остановок он рассказывал мне о «девушке своей мечты». О её волосах и её борьбе с ними за приличный вид, о том, как она иногда выпадает из реальности или как увлечённо наблюдает за рыбками в аквариуме. Рассказал, откуда она, кем работает. Ещё были детали типа смеха, голоса и походки, которые, конечно же, были милыми, воздушными и всякое такое. Кроме всей милой составляющей эта девушка, его мечта, оказалась чертовски похожа на меня. Мы даже в школу одну ходили. Я ей завидую. Хотела бы и я, чтобы обо мне говорили с таким теплом и даже мелкие недостатки озвучивали как милые особенности.

– ...И её зовут Екатерина. Имя ей очень идёт.

– Хм, – усталость куда-то пропала, теперь я уже улыбаюсь. Когда мне стало так приятно слушать незнакомца? – Надо же, и меня так зовут.

– Да? – он ещё шире улыбнулся. – Как здорово! Так что не грустите, возможно, вы тоже чья-то мечта.

– А-ха-ха-ха. Было бы просто здорово. Обязательно спрошу своего жениха об этом. Если что, надо искать нового.

– Уверен, что он думает так же. О, а мне пора. Пока. Не грустите!

Он выбежал из автобуса, обернулся и приподнял указательными пальцами уголки губ, изображая улыбку, и невозможно было не улыбнуться в ответ.

Я вернулась домой в отличном настроении. Об истории о «девушке мечты» рассказала своему жениху, ему понравился мой рассказ, и он одарил меня комплиментами и признаниями в любви. Отличный вечер в тёплой атмосфере, а всё благодаря попутчику в автобусе. И его слова помогали мне улыбаться по вечерам ещё неделю. Ещё семь дней, семь чудесных вечеров. А потом, на восьмой день после нашей поездки, меня сбила машина на пешеходном переходе. Вот так вот всё и кончилось. И больше не осталось ничего, кроме приятных воспоминаний о последних днях.

Так странно. Только что я шла домой в уютную, тёплую квартиру, к любимому человеку, с которым мы прожили бы всю жизнь, завели бы детей... Но этого уже не случится. По крайней мере, не со мной. Я думала, это будет больнее, но как-то нет. Да, я буду скучать по всем и мне жаль, что мои близкие испытают эту боль, но, надеюсь, это быстро утихнет и они продолжат свои жизни, а я... я умерла счастливой, а это уже неплохо.

Так странно быть неживой. Не появилось волшебного луча, тянущего меня на небеса, это меня немного расстроило. Однако, с другой стороны, и земля под ногами не провалилась и я не попала в ад. Я просто осталась здесь. Может, у меня есть тут дела? Или рая и ада просто нет, и я буду тут болтаться вечно? Или мне надо сделать какой-то ритуал? Блин. Ладно, поживём – увидим. Могу ли я так говорить?

Первые дни моей загробной жизни были... волшебными. Я привыкала к тому, что меня не видят люди, а вот животные – прекрасно. Я могу проходить сквозь пред-

меты. Можно сказать, передо мной открылись все двери. Но самое классное то, что я могу летать! Причём довольно быстро, быстрее машин в городе, и довольно высоко: на крышу десятиэтажки – легко. Поэтому первое время я просто отлично провела. Летала от места к месту, соревновалась в скорости с кошками, собаками, крысами и птицами. Я побывала во всех самых живописных местах в городе, и не пришлось платить за вход. Конечно, я повидалась с родственниками. Это было тяжело. Они меня не видели и очень грустили, особенно мама. Всё, что я могла, это сказать «прости» и «спасибо». Кажется, она почувствовала, что я рядом, и ей стало легче. Долго там находиться я не могла и не хотела. Нам всем надо привыкать жить друг без друга. Быть может, потом, когда они тоже уйдут, мы встретимся снова и опять будем счастливы. Но это будет не сейчас.

Первый месяц прошёл незаметно. Время теперь ощущается совсем по-другому. Если бы не постоянные смены дня и ночи, я бы подумала, что прошла максимум неделя. Неужели мне так и суждено провести остаток... нет, вечность? Это, конечно забавно, но не настолько. Кстати, я встретила и других призраков. Правда, они, как и я, «новички», и так и не смогли мне ничего объяснить. Целый месяц, и ни разу не встретила того, кто был бы призраком дольше года. Совпадение ли? Может, там всё-таки что-то есть в конце. Посмотрим. А пока я хочу снова увидеть его, ну, парня из автобуса. Он и не подозревает, что сделал для меня, да и его бы напугало что-то типа «Мужик, спасибо, что сделал мою жизнь получше, перед тем как меня насмерть сбила машина. От души». Но я всё равно хочу ему это сказать, даже если он меня не услышит.

Решить-то я решила, но как мне его найти? Попробую так же, как и в первый раз. Несколько дней я стояла на остановке и высматривала людей внутри автобусов. И вот, на четвёртый день увидела его внутри. Я зашла в автобус, но на половине тела меня закрыло дверью. Даже думала

поорать на водителя, но вспомнила, что он меня не видит. Хотела зайти как человек, но надо привыкать, что передо мной часто закрываются двери.

Сегодня место рядом с ним было занято. Ну и ладно. Просто постою рядом. Хоть меня никто и не видит, но как-то странно говорить о таких личных вещах перед всеми. Он ничего не читал, не слушал музыку, просто сидел и смотрел в окно. Мы вышли на той остановке, где попрощались в прошлый раз. Наверное, теперь можно сказать.

– Слушай...

А? Что? Он побежал? Блин, дождь начался.

Он забежал в ближайшую кофейню. Я за ним. Веду себя как самая подозрительная личность. Хорошо, что он этого не видит. Мы сели у окна, он заказал себе кофе и какое-то пирожное. Мне больше не хочется ни есть, ни пить, но вот сейчас я немного тоскую по таким моментам – по окну стучит дождь, а ты за стеклом с горячей чашкой в руках просто наблюдаешь за серыми улицами. Всегда любила смотреть, как животные и люди в спешке ищут укрытие от дождя. Хотя намного интереснее в те моменты, когда найдётся человек, который в восторге от этой погоды. Как ребёнок он идёт, подняв лицо к небу, наступает в каждую лужу и улыбается. И почему я так никогда не делала?

– Знаешь... я даже не знаю, как тебя зовут, я ничего о тебе не знаю... но спасибо тебе. Ты меня тоже совсем не знаешь, да и не узнаешь уже никогда, потому что я умерла, но это не так страшно на самом деле. Особенно не так страшно, когда умираешь в хорошем настроении. А всё ты. Глупо, да? Но твои слова там, в автобусе, они так подняли мне настроение. Если бы я умерла две недели назад, я бы наверняка превратилась в этого озлобленного призрака, что пугает маленьких детей и туристов. Но... в общем, спасибо. Спасибо, что сделал мои последние дни лучше.

Фух, сказала. Меня немного занесло, но я сказала, что хотела. А? Только что, кажется,

он на мгновение улыбнулся. Услышал меня? Нет, бред. Наверное, просто подумал о своей любви или что-то в этом духе. О, уходит. Странно идти за ним, но призрачных дел у меня на сегодня больше нет, поэтому ничего страшного, если я попреследую его ещё немного, правда?

Мы вышли из кофейни. Дождь уже кончился. Парень неспешно шёл по улице, разглядывая витрины магазинов. Пару раз мне показалось, что в отражении витрин он смотрел прямо на меня. Видимо, я уже схожу с ума от того, что давно ни с кем толком не общалась.

Мы зашли в магазин. Он купил кое-какие продукты и бутылку красного вина. Скорее всего, сейчас он идёт домой. Дальше точно преследование надо заканчивать. Впереди собака, дворняжка огромных размеров. Она явно не рада мне. Животное двинулось в мою сторону, хоть и на поводке, но хозяин с трудом может её контролировать. Мне не было страшно, всё равно она ничего мне не сделает. Она подбежала, хотела прыгнуть в мою сторону, но хозяин с силой дёрнул ошейник. Собака один раз полаяла и пошла дальше.

– Простите, ради Бога, не знаю, что на него нашло, – владелец пса несколько раз извинился, проходя мимо. И тут до меня дошло, что передо мной рука. Этот парень закрыл меня рукой, как будто пытался укрыть от собаки за собой.

– Да ты точно меня видишь! Мне не показалось, – я встала прямо напротив, очень близко, это точно дискомфортно, если он видит, – сознайся!

– Не здесь, – еле слышно ответил он.

Ого! Да это правда. Человек – и видит меня. Такое впервые. Он точно со странностями, но это просто здорово!

Он пошёл дальше. Я летала вокруг него, иногда проносила мимо, потом возвращалась, пролетала сквозь прохожих. Поразительно, как он невозмутимо к этому относится. Должно быть, много призраков уже встречал, вот и смог сделать вид, будто не видит и не слышит меня. Мы подошли к

подъезду многоэтажки, он открыл дверь, но не заходил, придерживал её ногой. Я не собиралась заходить, но он махнул головой в сторону лестничной клетки. При жизни это было бы крайне опрометчиво с моей стороны, заходить домой к незнакомцу, но я же могу просто пройти сквозь него. Не думаю, что мне что-то угрожает.

– А ты смелая, – сказал мужчина, закрывая за мной дверь в квартиру. Мы прошли в кухню, – небось, думаешь, что раз я человек, а ты нет, то я ничего не смогу тебе сделать. А вдруг я колдун, собирающий души умерших, и весь мой дом исписан рунами, которые не дадут тебе сбежать?

Услышав его слова, я в тот же миг ринулась к выходу. Но так же легко, как и всегда, прошла сквозь дверь. Я сразу услышала мужской смех. Чёрт, только посмотрите на него. У него даже слёзы на глазах выступили. Ну, запаниковала, не надо так пугать. Врезала бы, если б только могла.

– Расслабься. Я просто пошутил. Наверное, – он всё ещё не мог остановиться от смеха.

– Не вижу ничего смешного. А ты сам не думаешь, что я могу тебе навредить? Не боишься меня?

– А? Нет, не боюсь. Душам требуются десятки лет, чтобы научиться взаимодействовать с физическим миром, а ты умерла около месяца назад. Вряд ли ты сможешь мне сейчас навредить. Плюс, я так понял, что ты пришла меня поблагодарить.

– Да... – его последние слова немного смутили меня. – Но я не думала, что так всё обернётся.

– Сразу скажу: я скрываю, что вижу души, потому что мне нечего тебе рассказать. Такие, как ты, ждут от меня ответов, что же дальше, но я не знаю о вашем мире ничего. Без обид, но я и не пытаюсь узнать.

– Понятно. – Неловко. Я ведь действительно, когда поняла, что он видит меня, решила, что он сможет мне помочь. – Но всё равно ещё раз спасибо. Благодаря тебе я перенесла смерть лучше, чем могла бы. Ты ведь знаешь моё имя, а как тебя зовут?

– Такова и была цель. Я – Михаил. Можно просто Миша.

– Цель? Ты знал, что я умру?

– Знал. Иногда я вижу срок жизни людей. В основном люди – это просто люди, но иногда я вижу их оставшееся время. Но это происходит только тогда, когда им остаётся меньше месяца. Видимо, чтобы мне было ещё больше не по себе, я так же вижу моменты их жизнью. Поначалу я пытался это остановить, спасти людей от смерти, но в конечном итоге они умирали у меня на глазах. Если я пытался оградить человека от всего мира, он умирал от сердечного приступа. Уйти от смерти нельзя, понимаешь?

В ответ я смогла только кивнуть. Я думала, что он спаситель заблудших душ, что он даст мне ответы и проведёт меня в другой мир. Это было эгоистично с моей стороны. Если бы я знала, что кто-то умрёт и ничего не могла с этим сделать... наверное, я бы сошла с ума и стала вести жизнь отшельника, просто чтобы мне не было так больно. Продолжать этот разговор не имеет смысла, да и просто не хочется. От него не по себе.

– Так у тебя на самом деле есть любимая с именем Екатерина?

– Нет. Прости, я наврал. Просто хотел сказать тебе что-то приятное, чтобы ты перестала делать такое печальное лицо.

– Врун, который пытался осчастливить умирающую девушку. благородно и печально одновременно.

– Предлагаю оставить только благородство, – он улыбнулся и отпил вина.

Дальше мы просто болтали ни о чём. Я узнала, что он на семь лет старше меня, сейчас ему двадцать девять. Работа его связана с компьютерами и Интернетом, хотя я не поняла и половины слов, что он там сказал про технологии. Но, кажется, ему это нравится – так увлечённо рассказывает. Ещё несколько часов мы проговорили о фильмах и музыке. Вкусы у нас оказались разные, но общаться с ним было интересно. Он тоже внимательно выслушивал мою точку зрения. Пора уходить. Не хочется, но именно поэтому мне надо идти. Каким-то

образом я на время забыла, что умерла. Сейчас я скучаю даже по своей работе в службе поддержки дурацкого онлайн-магазина, на который я жаловалась по вечерам, также за бокалом вина.

Несколько недель мы больше не виделись с Мишей. У него есть жизнь, ни к чему ему водиться с потерянной душой. А мне не стоит скучать по жизни людей. Надо понять, что делать дальше, а не цепляться за прошлое. Я вообще не планировала его больше видеть. Но наши планы ведь не всегда совпадают с реальностью, так? Я неслась по забитой людьми улице за призраком, которого заметила краем глаза, когда в толпе услышала тихий знакомый голос: «Привет». И я остановилась. Мы решили погулять по парку.

Я рассказала о том, что решила больше общаться с другими призраками, может, вместе мы сможем найти ответы, ведь всех, кого я встречала до этого, как и меня, интересовало только то, что же делать дальше. Но пока это не приносило никаких результатов. Я уже опробовала несколько обрядов из разных религий, побывала в разных «мистических» местах, но пока безрезультатно. Я не могу даже взять в руки книги, поэтому ответы приходится собирать по легендам и предположениям.

Мы подошли к небольшому пруду. Я говорила ему о том, какая идиотская у меня была работа. Н-да, даже после смерти не могу перестать злиться на некоторые моменты. Но он меня больше не слушает. Просто смотрит на своё отражение в воде. А? Что? По его щеке течёт слеза!

– Миша? Что случилось? Почему? Что с тобой? – Я не знаю, как на это реагировать. Всё же было нормально.

– Время, – он смахнул слезу, но его руки тряслись.

– Время?

– Моё время... – он посмотрел на меня, но я ещё никогда не видела такого лица у человека. Он улыбался, но его губы были почти такие же белые, как лицо, плечи опущены, а руки, собранные в замок, слегка потряхивало. – Я вижу моё время. Оно под-

ходит к концу... моё время! Моя жизнь, она подходит к концу!

Он начал ходить кругами, всё быстрее. Он пинал траву, смял в руке свою рубашку. В конце концов, он просто рухнул на колени, согнулся, бил кулаками по земле и проклинал весь свет за то, что он может видеть. Прохожие сторонились его или делали вид, будто и вовсе не замечают. А я, мёртвая, стояла и просто смотрела. Я не знала слов, которые могли бы ему помочь, да и не думаю, что сейчас он вообще услышал бы меня. Видит, сколько ему осталось, да? До секунды? Я хотела прожить ещё лет шестьдесят, завести семью и поменять работу, но я умерла. Я не чувствовала страха, просто меня не стало. Быстро, безболезненно и крайне неожиданно. Но это не было страшно. А он знает, когда сам умрёт. И знает, что ничто не сможет это остановить. Знает миг, когда его не станет. Даже если я запру его в месте, где нет зеркал, не думаю, что он сможет выкинуть эту мысль из головы. Каждую секунду он ближе к смерти. Об этом нельзя не думать. Больше нельзя жить нормально.

Миша понемногу успокаивался, ну а я так и не нашла нужных слов, а произносить ненужные совсем не хотелось. Я просто сидела рядом. Думаю, приведение – это точно не тот, с кем он хотел быть рядом в такое время, но оставить его одного сейчас я не могу. Вскоре он совсем успокоился и тоже сидел и смотрел на воду. А потом ушёл. Он ничего не сказал, просто встал и ушёл.

Следующие несколько дней я не попадалась ему на глаза, но следила за ним. Снова его преследую. Но не могу с собой совладать, не могу оставить умирающего человека. Только в первый день он был на работе, и то недолго. Уволился? Я бы точно бросила работу, если бы знала, что скоро умру. Остальные дни он просто слонялся по городу, покупал дорогую еду, подставлялся и дождю, и солнцу, внимательно вглядывался в окружающий мир. Мне кажется, он пытается максимально прочувствовать жизнь. Вот сейчас я думаю, что если бы все люди так внимательно смотрели на мир, то все

жизни сразу бы стали ярче и приятнее, а то каждый ходит и только под ноги себе смотрит или в телефон.

– Знаешь, ты всё равно выделяешься в толпе, так что я видел, что ты ходишь за мной.

А, задумалась и не заметила, как Миша подошёл.

– Извини, – только это я и могу сказать.

Мы снова пошли в парк. Миша вёл себя как обычно, мы говорили о всякой ерунде и спорили о том, на что же больше похожи те или иные облака. Он сказал, что не хочет пытаться что-то делать, от судьбы не убежать.

– Ну, знаешь, а ведь быть призраком не так уж и плохо, – ну вот, выдала так выдала. Ладно, значит, будем гнуть эту линию. – Первый месяц я просто веселилась, летала, гуляла, соревновалась с животными. Работать не надо, еду готовить не надо, в кино можно бесплатно ходить. И самое крутое – можно летать!

Я изображала полёт птицы, кружила вокруг него, а он смеялся. Давно он так искренне не улыбался.

– Кстати, я тут пообщалась с призраками и составила список крутых дел, которые они бы хотели успеть сделать, если бы знали, что время поджидает, – не знаю, сколько там времени у него осталось, но список идей мне надавали такой, что хватит на месяц точно.

Мужчина слушал меня, временами приподнимая бровь, временами смеясь. В конечном итоге было решено повеселиться, раз уж идей лучше у нас нет.

Следующие дни мы провели просто потрясающе, это я как призрак говорю. Дела были совсем разные. Я предлагала ему это делать с близкими, но у него нет родственников, а из-за дара он не хотел больше сближаться с людьми, ведь его первая любовь умерла у него на руках. Это она пробудила его способность и стала первой, кого он не смог спасти. В конечном итоге я веселилась вместе с ним. Мы ночью залезли на городской памятник, купались в фонтане, были в самом крутом клубе для

металлистов, он сделал себе тату, мы прыгали с парашютом. К слову, я просто падала рядом. Хорошо, что уже умерла, а то сердце точно бы остановилось. Ещё мы бегали гольшом по улицам, встретили рассвет на крыше многоэтажки, играли с животными из приюта, Миша ел самое острое блюдо в городе, потом ему стало плохо, но мы всё равно пошли в центр развлечений, и он опробовал там все игровые автоматы. Мы сочинили песню о любви и пели её ночью под окнами, а после убегали от полиции. А потом он продал квартиру и отдал все деньги на благотворительность. Тогда я поняла, что это последний день для него.

– Почему ты плачешь, Катя? – он спросил, но я даже не заметила, что по щекам бегут слёзы.

Как глупо с моей стороны. Ведь я знаю, что ничего страшного в смерти нет, и это даже не моя жизнь, однако всё равно так печально знать, что скоро этого человека не станет.

– Глупая. Странно, что ты плачешь, ты ведь сама дух.

Я посмотрела ему в глаза, в его карие глаза, слегка прикрытые от улыбки. Почему-то стало ещё более грустно. Обидно, что я так ничего и не смогла сделать.

– Думаю, пришла моя очередь это сказать, – он подошёл ко мне ближе. – Спасибо. Спасибо, что сделала мои последние дни просто потрясающими. Это было действительно весело.

– Нет, я... я бы хотела сделать больше, но... – голос не слышится, не могу продолжать.

– За эти дни я исполнил многие мечты других людей. Но есть кое-что, что я ещё не сделал. Не исполнил своё маленькое желание.

– Какое оно? Скажи мне, мы ещё успеем!

– Я был очень счастлив в эти дни, и я понял, что есть ещё что-то, что я хочу. Я бы хотел поцеловать девушку, которая мне нравится. – Он подошёл ко мне, его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. – Если, конечно, она мне позволит.

А дальше я просто отдалась порыву чувств. Сейчас я бы тоже этого хотела. Не потому что это его желание, но для себя самой. Столько всего переполняло меня. Грусть, от которой по щекам текли слёзы; счастье от того, что я хоть чуть-чуть сделала его жизнь приятнее, разбегалось мурашками по моей спине от шеи вниз; и предвкушение, от которого, готова поклясться, я чувствовала, как бьётся моё сердце. Я закрыла глаза; хоть ничего не почувствую, но я так сильно хочу этого. Что? Его губы, я их чувствую! Тёплые губы касаются моих! Это не сон? Я широко открыла глаза, но увидела только свет...

Свет. Как ярко светит в глаза. Где я? Что это за звук? Как сильно болит голова.

– Катя! Катенька! Доченька! Доктор, она пришла в себя.

Я слышу голос мамы. Кто-то держит меня за руку? Тепло. Я наконец-то смогла сфокусировать свой взгляд. Больничная палата, да? Мама плакала и обнимала меня, благодарила Господа за мою жизнь. Жизнь? Я жива? Ничего не понимаю.

– Здравствуйте, спящая красавица, – доктор средних лет с мягким голосом обратился ко мне. – Ох, и заставили вы нас поработать. Но вы вдвоём пришли в себя, а значит, жить будете.

– Вдвоём? – Что это значит? Голова так болит, что я ничего не понимаю.

– Да. Вы переходили улицу, когда на вас неслась машина. Проходи, посетитель! – врач махнул рукой, и в палату на двух костылях зашёл парень. – Это Михаил. В последний момент он толкнул вас, в результате чего и сам пострадал. И он, и вы были в крайне тяжёлом состоянии и не приходили в сознание неделю. Но вы живы. А этот мужчина – герой!

И я вспомнила, как вышла на конечной остановке, переходила дорогу, а потом услышала голос сзади и удар... а дальше было это видение. Всё казалось таким реальным.

– Кажется, нам приснился один и тот же сон, – Миша улыбнулся и сел рядом с моей кроватью.

У него на самом деле не было дара, но была семья. Он просто вышел со мной на одной остановке, а потом рискнул жизнью, спасая меня. У меня, кстати, нет жениха, как было в том сне. До сих пор я не могу объяснить, как возможно то, что нам приснилось. И был ли это вообще сон? Но с тех пор мы снова вместе повторили всё из того списка, а потом и много своих пунктов добавили.

А сейчас я иду ему навстречу в белом платье, с букетом в руках. Он так мило улыбается...

КОНЕЦ

Александр Онищенко

Сертолово,
Ленинградская обл.

Случай из детства

На дворе стоял апрель месяц. Солнце уже палило вовсю, небо было по-весеннему чистым, бескрайним и голубым, ни единого облачка! Остатки снега, растаяв, собирались в лужицах. Но земля ещё по настоящему не прогрелась и не оттаяла, поэтому не могла принять в себя все талые воды.

Когда маленькие лужицы превращались в большие, вода из них, журча ручейками, убегала в низины, наполняя овраги, озёра и поймы рек так, что они выходили из берегов. И вот тогда весенние воды, почувствовав свою неукротимость, заливали всё в округе – поля, луга с кустарниками и деревьями, а также хозяйственные и жилые постройки. В переполненных озёрах, реках и на подтопленных участках местности из воды выглядывали кончики веток кустарников и деревьев.

Со стороны было очень интересно наблюдать, как мощные, стремительные потоки воды постоянно норовят укрыть, согнуть удивительно жизнестойкие и тонкие веточки, не дать им возможности больше вынырнуть! Но веточки, скрываясь на какое-то мгновение под водой, вдруг резко выныривали и, пружинисто распрямляясь, вновь поднимались над неукротимыми потоками воды, покачиваясь из стороны в сторону. Они как бы говорили своим собратьям, оставшимся на берегах реки: «Мы здесь! Мы живы! Нас не сломать!» Это было удивительное противостояние – с одной стороны, бескрайняя водная стихия природы, с другой – эти тонюсенькие веточки, как кончики пальчиков, ещё живых, тянущихся к жизни, к солнцу, несдающихся, не готовых умирать деревьев! Наблюдение за этой картиной со стороны наводит всегда на одну

мысль: жизнь непобедима, если за неё достойно бороться!

В этот период поймы рек становились шире в несколько раз, а уровень воды в них поднимался на три-четыре метра. Практически каждый год все мосты через речки сносило во время ледохода, поэтому, где это было возможно, там налаживалась паромная переправа. Жилые посёлки, расположенные в низменных местах, в это время затапливались паводковыми водами. На помощь жителям всегда приходили военные. Они на моторных лодках эвакуировали из этих районов пострадавших, их домашний скот и животных. А после спада уровня воды в реках жизнь снова возвращалась в одинокие, осиротевшие дома.

Именно в апреле повсюду начинался сезон рыбной ловли. Рыбу ловили все, кто чем мог – сетками, вершами, удочками, донками... Верши в народе ещё называли «мордами». Даже не знаю, почему и откуда взялось это название. Верша внешне напоминала собой небольшой бочонок, плетённый из веток тонкой лозы, который с одной стороны представлял собой воронку, направленную внутрь, тоже плетёную, а с другой – закрывающееся плетёное дно. Эта снасть устанавливалась вблизи берега среди камышей, водорослей в заводях и закреплялась. Внутри клалась приманка. Это мог быть жмых, отруби, сухари, варёное просо, уложенные в мешочки. Рыба, почуяв приманку, стаями кружила вокруг верши и поочередно, через воронку устремлялась внутрь её, там и оставаясь. При удачном случае верша оказывалась полная рыбы. Этот способ рыбной ловли был очень распространён, поэтому местная ребятня всегда собиралась в местах ловли, чтобы посмотреть и чему-нибудь научиться у взрослых.

Так вот и Сашка с малых лет полюбил рыбалку, а во время весенних паводков вместе с другими пацанами вечно ходил на речку, чтобы посмотреть на эти зрелища. Тем более что рыбы на Южном Урале всегда было много. Просто надо было научиться её ловить.

Правда, у Сашки, в отличие от его друзей, совсем недавно в жизни произошли некоторые изменения, несколько ограничивающие теперь его свободу. Четыре года назад, когда ему исполнилось десять лет, совсем неожиданно в его семье одновременно появились младшие братик Вовочка и сестрёнка Танечка. Это была очень приятная и радостная новость. Далеко не все его одноклассники могли похвастаться такой радостью. Всё шло своим чередом, братишка и сестрёнка росли. Сначала они начали ползать, а затем – ходить и говорить. Одним словом, как все! Но через некоторое время мама снова вышла на работу и Сашка, очень любивший свою бабуленьку, в свободное от школы и домашних дел время старался тоже с младшенькими играть, гулять, читать им книжки, делать для них всякие игрушки. Но иногда, когда его товарищи убегали на речку порыбачить, ему становилось чуть-чуть завидно. Поэтому он с нетерпением ждал, когда же младшенький братишка подрастёт и его можно будет брать с собой.

В душе Сашка был большой любитель рыбной ловли и раков. Поэтому, когда Вовочке и Танечке исполнилось по четыре года, а это случилось в жарком, солнечном месяце июле, он с радостью начал на велосипеде потихоньку возить братишку на речку. Бабушка в это время оставалась с внучкой и занималась домашними делами.

Так вот прошли лето, осень и зима. Да и зимой Сашка пару раз на санках возил братишку на речку, чтобы посмотреть самому, как там мужики ловят рыбу в лунках на льду, а подростки плавают на «ледянке» в большой полынье. И вот теперь, когда снова пришла весна и наступил апрель со всеми его паводками и первой весенней рыбалкой, у Сашки даже не было никакого сомнения, брать братишку на рыбалку или не брать. Ведь ему было уже почти пять лет!

Пару раз в выходные дни он, посадив брата на раму велосипеда, съездил к местам весенней рыбалки и решил, что пора и самому открыть сезон рыбной ловли! И вот в один из дней, в субботу, когда родители были заняты домашними делами, а

бабушка гуляла с сестрёнкой, Сашка решил поехать на рыбалку и, если повезёт, преподнести всем домашним сюрприз: на обед – уху!

Он накопал в баночку червей, взял закидушки, леску с крючками и поплавком, а удилице оставил дома, чтобы никто не догадался, куда они с братишкой поехали. Затем взял хлеб, пару пирожков, спички и всё упаковал в небольшую чёрную сумку, закрепив её сзади на багажнике отцовского велосипеда. Он одел братишку в тёплую куртку и сказал родителям, что они поедут покататься на велосипеде. Отец, как всегда, строго посмотрел на него и сказал: «Саша, пожалуйста, будь осторожнее, не носись по дорогам как чумной. Ведь с тобой маленький братишка». Сашка пообещал папе, что будет ездить аккуратно, и выехал со двора.

Соблюдая наставления своего отца, он ехал по дороге осторожно, по правой её обочине. Так они проехали через весь небольшой рабочий городишко мимо речушки Кураганки, где уже было полно рыбаков. Доехав до завода механических прессов, они свернули на дорогу к реке Сакмара, туда, где Сашка любил летом ловить рыбу и раков.

Речка была широкая, полноводная, глубокая. Вдоль крутых берегов из воды виднелись макушки и ветви затопленных деревьев и кустарников. В этом месте сохранился единственный подвесной на стальных канатах пешеходный мостик, едва не касавшийся бурных водоворотов, сердито журчащих в тёмных водах с остатками ледяной шурпы. Сашка слез с велосипеда и сказал братишке, что сейчас они, как в цирке, пойдут по этому мостику. Брат крепко держался за руль велосипеда и сидел на его раме, а Сашка шёл рядом и вёл велосипед по узенькому, метровой ширины, мостику, который слегка раскачивался из стороны в сторону. Братишка сидел с широко открытыми глазёнками и повторял одну и ту же фразу: «Саша, как много воды, я боюсь!» На что старший брат отвечал: «Держись крепко, скоро мы с тобой будем ловить рыбу на другом берегу!» Так братья благополучно перебрались на противоположный берег и отошли

немного в сторону от моста на небольшую полянку.

Вовка спрыгнул с рамы велосипеда на землю. Рядом бурно, вровень с краем берега, шумно бежала река, а из тёмной и холодной воды виднелись качающиеся ветви и верхушки деревьев. «Вова, ты сейчас посиди на брёвнышке, а я быстро срежу удилище и привяжу к нему леску. Мы с тобой рыбу будем удить. Вот туда, к воде, не ходи, там обрыв!» – такими были наставления старшего брата. Вовик ответил: «Хорошо, я буду здесь с тобой». Затем присел на лежащий на земле велосипед.

Сашка срезал перочинным ножом длинную ветку для удилища, обрезал сучки и привязал леску с крючком и красным поплавком из гусяного пера. Затем достал из сумки банку с червяками и закрепил наживку на крючке, радостно воскликнув: «Вовик, сейчас начнётся настоящая рыбалка!» Держа в правой руке удилище, а в левой – конец лески с наживкой, он повернулся к берегу и, сделав шаг, оцепенел! Буквально в полуметре от обрывистого берега из воды виднелась голова его любимого братишки Вовы, который в испуге не мог выпустить из ручонки ветки затопленного дерева. В его огромных, широко открытых глазах был ужас! И всё это в двух-трёх шагах от старшего брата! В то время, когда старший брат надевал наживку на крючок, Вова подошёл к берегу и потянулся за качающейся и ныряющей в воду, веточкой дерева. Ухватившись за неё, он мгновенно погрузился в воду. Онемев от страха и холода, он не мог произнести ни слова. Ещё одна-две секунды – и мчащийся тёмный поток воды оторвёт его от ветки, спрячет и унесёт!..

В диком зверином прыжке Сашка в мгновение ока оказался на краю обрыва берега и, ухватив братишку за воротник куртки, буквально вырвал его из воды. В ручонке испуганного братишки осталась крепко зажатая, отломленная веточка затопленного дерева. Братья смотрели друг на друга широко открытыми глазами. Младший молчал, а старший, прижав его к себе, шептал: «Вовочка, братишка, прости меня,

прости!..» А сам всё ещё не мог поверить в то, что только что видел и что всё вот так хорошо закончилось! В следующее мгновение он снял с братишки всю мокрую одежду и надел на него свою. Затем разжёг небольшой костёр, чтобы отогреть братика.

Немного отогревшись, Вова стал приходить в себя, а потом, показывая пальчиком на речку, произнёс: «Саша, я там бух! Там холодно и страшно!» Саша тем временем изо всех сил отжал мокрую одежду братишки и развесил её на палках у костра. Когда вещи подсохли, он уложил их в сумку. Затем туда же сложил свои рыбацкие принадлежности, а из сумки достал и дал братишке привезённые с собой бабушкины пирожки. Вовочка сидел у костра и с удовольствием ел их.

Через некоторое время братья уже вновь переходили через речку по подвесному мосту. Вова показывал пальчиком на бурлящие водовороты воды вокруг моста и говорил: «Саша, там холодно!»

Вскоре они подъехали к дому. Около калитки оба договорились, что ничего дома они рассказывать не будут. Увидев нерадостных братьев, бабушка, улыбаясь, спросила: «Ну и что же такое у вас сегодня произошло?» Затем понимающе посмотрела на обоих. Братья молча смотрели друг на друга. Затем добавила: «Ладно, я всё поняла! Родителям ничего не скажу, а сейчас быстро переодеваться обоим в тёплое сухое белье, и младшенький – на печку, а ты – за водой в колодец, для стирки!» Замечательная была у них бабушка. Вот только жаль, что уже её нет! Ведь прошло пятьдесят пять лет после событий того дня.

Через много лет, став уже дедушкой, Вова рассказал эту историю своему любимому внуку Лёвушке. Внучек внимательно выслушал всё молча, а потом и спрашивает дедушку: «Деда, а как ты думаешь, мальчик Вова после той рыбалки ещё когда-нибудь в речку заходил?» Дедушка подумал, улыбнулся и, обняв внука, ответил: «Да, Лёвушка, конечно, и много раз! – а затем добавил: – Только не в апреле месяце, а летом, когда на улице уже тепло!»

12 июля 2018 г.

Мария Стародубцева Кытманово, Алтайский край

Сиреневые горы

Повесть

(Продолжение. Начало в № 6, 7, 8–9/2018)

Глава 4

3 июня нас перебросили на правый фланг, из оврага мы ушли в Графскую балку. Сначала прикрывали дороги на двух просеках – там могли в любое время прорваться танки. Жара стоит дикая всю неделю, гимнастёрку можно выжимать и отжимать, толку не будет. Пот застилает глаза, жжёт и щиплет, иногда вместе с ним оказывается кровь. Мы делаем две, а то и три подвижные группы по 10–12 человек. Ребята держат в сумках противогазов противопехотные мины и по парочке – а у некоторых и по 3–4, хотя они и тяжёлые, – противотанковые мины. По каске бьёт дождь из песка и камешков вместе с осколками. 12 человек из роты погибли под обстрелом, пока мы ставили мины.

И вот танки идут потихонечку – и прямо на наше минное поле. Первый танк как-то два ряда мин по минному полю прошёл, не

взорвался, но следующий за ним подорвался, закрутился. Другие отвернули, дали сигнал своим сапёрам, чтобы поле разминировать. Когда они в обход пошли, рёбра подставили – артиллерия как по ним даст! Мы их даже не видели, все в кусты попадали, лежим, боимся шелохнуться. Жара, от танков огнём полыхает. Танки здоровенные, гудят, рокочут. Впервые вижу их рядом. Можно смазку на гусеницах рассматривать, так близко.

Один, второй, третий танк загорелся – наши не меньше пяти машин подожгли. Ещё несколько минут прошло, и мы отошли. Теперь ещё жарче, по лицу пот течёт, всё забываю его вытереть. И земля сверху сыпется, это уже как обычно. Впереди меня, на травинке, сидит богомол, чуть дальше горит немецкий танк. Похоже, у меня волосы уже начинают тлеть. Жара, открытый огонь, ничего не вижу, глаза щиплет, а голова раскалывается. Кажется, что богомол захватил танк и не хочет отпустить.

Танки пошли дальше, а мы – дёру. Одну линию обороны прошли, там тоже наши заграждения были. Войск наших дальше не было, мы закрыли проходы. Только решили, что нас оставят в покое, разлеглись в тенёчке. Воды нет и в помине, почти у всех гимнастёрки порезаны осколками, а мы и не заметили. Пока мы мины ставили, ещё двоих шальные пули скосили. Не знаю точно, сколько нас осталось, артиллерия куда-то делась.

– Слышишь, Звонарь, – говорю я, жалая об отсутствии табака, курить хочется дико, – тебя как зовут-то хоть?

– Лёшка, – смеётся тот, показывая белые зубы. Лицо у Звонаря как у негра, чёрное от грязи и пота, только белки глаз блестят.

– А невеста есть? – надо убить время, пока нас самих тут не убили. Пить хочется, сил нет.

– Есть. Таня... – шепчет Звонарёв, высываясь из воронки, куда мы с ним залегли. И почти сразу сваливается мне на руки. Снаряд в одну воронку дважды не падает. Ага, как же.

– Эй, Лёшка, – я сильно встряхиваю его, Звонарёв открывает глаза. Грудь и живот

у него в крови. Мамочка, только не он, ну пожалуйста! – Не спи, Лёшка, мы сейчас выберемся, – бормочу что-то, – ты только глаза не закрывай.

Лёшка слабо вздрагивает и затихает на дне воронки, полузасыпанный грязью и землёй, устремив в небо неподвижные серые глаза.

Небольшие облачка самолётов разрастаются в чёрные тучи. Железных птиц там как ворон непуганых, в небе сплошной рёв, визг и свист. Они с воплями проносятся над нами, мы лежим, вжавшись в землю, боимся вздохнуть. Земля нас укроет, земля не принесёт нам смерть, если, конечно, у тебя под животом не окажется мина. Мы вышли из земли, и мы прячемся в неё, доверяясь, как родной матери. Земля горячая, нашпигована осколками, они колются и жгутся, в глаза тычутся стебельки и сухие веточки, практически ничего не видно.

Сейчас нам некому доверять, даже себе нельзя довериться, тело может подвести, может дрогнуть в ответственный момент. Пальцы могут скрючиться в судороге над взрывателем и задеть его, а тогда конец! Глаза могут замешкаться, не заметить жужжащий над ухом осколок и предать тебя, но земля не предаст и не подведёт. Она укроет, она спрячет, и мы повторяем эти слова, каждый про себя как заклинание, цепляясь хотя бы за эту соломинку.

Мы забились в дымящиеся обожжённые воронки, в самые глухие углы, мы не знаем, что делать, пока нет приказа, и нам очень страшно! Самолёты налетают волнами, сейчас идёт девятый вал. Земля стонет и качается. Наша зенитная артиллерия молчит: нет «огурцов», нет снарядов. Что мне делать с лежащим на моих коленях трупом Лёшки Звонарёва?

Приказано беречь снаряды на крайний случай для стрельбы по наземным целям. На 366-й батарее, которая в 100 метрах от нас, одна пушка уткнулась в землю, вторая – торчит в небо. Только крайняя левая непрерывно бьёт. У нас большие потери в личном составе. Сначала мы их регистрировали, теперь бросили; не успеваем, да и зачем? Сообщать родным некогда, сюда ни

один корабль не прорвётся. Теперь мы это понимаем.

Нашей авиации нет потому, что её вообще нет. На этот раз стреляю из винтовки без команды. Винтовка так танцует в руках – боюсь потерять управление. Фрицы, низко-низко накренившись, пикируют. Ясно вижу через смотровое окно немца, парня с рябым от веснушек лицом. Ему не страшно, он упрямо идёт на цель – там уже профюрерили, идеально вычистив мозги.

Из небытия возникает Карпуткин, ползает между воронками, верный комиссарскому долгу, пытается поднять нас. Он кричит, что мы должны стоять насмерть. Многие контужены, им это орут в уши, они заторможено кивают. Мы сейчас готовы хоть стоять насмерть, хоть идти в атаку, нам всё равно. Нам не страшно, просто хочется, чтобы всё побыстрее закончилось.

Мы готовы поклоняться Карпуткину, он принёс добытый на кухне паёк. За целый день впервые пьём воду, едим какую-то сухомятку. В горло ничего не лезет. Земля и камешки забились повсюду, тошнит, даже пить не хочется. Половина второго дня.

Глава 5

Рано утром мы пошли в Мартыновский овраг. Со мной только Костя. Солнце ещё не всходило, а в небе появились первые вражеские самолёты. Мы всё идём и идём вдоль Доковой балки. Скоро шоссе. Точнее, то, что от него осталось: там, где был асфальт, сейчас нет даже земли, одни дыры. Многие дома вматы в песок, кажется, даже горы стали немного ниже. Мы круто сворачиваем, чтобы не угодить под обстрел, и опускаемся в глубокий овраг. Это Килен-балка. Здесь тихо. Огонь ведётся, но мы не под ним, что весьма радует. Очень хочется есть, но об этом лучше не вспоминать. По краям балки ютятся землянки. Под выступами нависающих скал стоят люди. Они стоят один возле другого, непрерывной цепью, насколько хватает глаз, и скрываются вместе с поворотом балки. У памятника Инкерманскому сражению надо перебежать шоссе. Вернее, надо перебежать взбаламученное каменное

море, оставшееся после снарядов. Воздух отяжелел и загустел, как испорченное масло, его не хочется и вдыхать. В горле почему-то стоит привкус бензина.

Наше старое расположение в Мартыновском овраге не узнать. В санземлянку угодило сразу несколько снарядов. Хорошо, что мы успели перенести большинство раненых в новое расположение. Большинство, да, но не всех. Здесь оставались самые тяжёлые, мы просто их бросили, вместе с медсестрой Ритой Ожогойной. Теперь искать их бесполезно, овраг превращён в мессиво. Ложбина с телами разворочена, мы их так и не похоронили и уже не успеем это сделать. Стоит жуткая сладковатая вонь от трупов, пахнет кровью и горячим песком. Комиссар Карпуткин, пришедший раньше нас, и несколько солдат сидят в окопчике и ведут из винтовок огонь по самолётам. Патронов мало, их почти нет, совершенно бесполезное занятие. Я еле уговариваю его уйти отсюда.

– Мы же должны хоть что-то сделать! – резко кричит Карпуткин, побагровев.

– Здесь уже не сделать ничего, – твёрдо отвечает Костя, силой выволакивая его из окопа.

– Уходим в штольни, – говорю я солдатам. Их осталось всего трое, а с Карпуткиным уходило семеро.

Остатки нашей роты, 34 человека, находятся в Графской балке, в штольнях. Наша штольня – № 4. К вечеру в Мартыновском овраге не осталось никого. Мы с Костей пытались наладить отступление в штольню. У нас нет ничего, нет воды. Даже обидно: кругом море, но помочь оно не может ничем, холодное, солёное и забитое немцами. Вода нужна непрерывно, многие слёзно её просят. А что мы им ответим?! Мимо нас вниз по оврагу идут раненые. перевязанные кровавыми бинтами головы; руки, подвешенные на повязках; почерневшие лица. Некоторые раненые под руки поддерживают тех, кто не может идти. Многие падают под ноги идущим следом. Мы не знаем, встают они или нет. На всех разорванное обмундирование. Это даже не наши, сюда сливаются остатки разбитых частей.

Спрятаться негде, люди бегут вперёд, прямо под осколки. Они сходят с ума, такое мы уже видели: человека, одержимого страхом, не остановить. Костя попытался удерживать одного из новобранцев, у того совсем бешеные глаза. Он всё равно выскочил, увлекая за собой Костю. Сверху осыпалась земля, очередной разрыв. Мы с Карпуткиным побежали их вытаскивать, вынесли только Костю, ниже живота у него всё раздроблено, кости мягкие, как желе. Он непрерывно кричит, мы несём его на плащ-палатке, он орёт от боли. Из нашего класса ушли шестеро, теперь остались только мы с Сашкой, и я даже не знаю, где он и что с ним. Мы держались вчетвером, а остался я один. Надолго ли? Простреливаемое пространство перебежали потом поодиночке.

В санитарном коридоре не продохнуть, и там я вижу Аню, помогающую осматривать Костю. Он уже не кричит, только стонет, пока наш фельдшер, Науменко, ковыряется в ране.

– А тебе везёт, Гришка, – бодрясь, говорит Поляков, дрожа всем телом. Он лежит на носилках – коек тут нет, большинство мест занято, и он у самого входа. Ясно, что при бомбёжке у него слабые шансы на спасение, он умрёт в полном одиночестве, из-за одного раненого не станут задерживать ход дивизии. Даже если от дивизии в наличии один полк.

– Это ты в выигрыше, – улыбаюсь я, – сейчас подлечишься и домой. С тебя хватит, ты навоевался. Шурку увидишь, Валентину Андреевну, привет нашим передашь.

Костя слабо улыбается, он не верит ни одному моему слову. На лбу у него выступают крупные капли пота, Аня не успевает их вытирать. Он уже горит, через час будет ещё хуже.

– Помнишь, я сюда вернуться хотел после войны – поплавать в море, – шепчет Костя, хватая меня за руку. Пальцы влажные и очень горячие, обирают простынь. Это скверный признак, самый скверный. Ему и воды не дают, её нет. В штольнях должна быть вода на стенах, нет её, только белёсый песок.

– Помню, конечно, – что-то кривит моё лицо, всего лишь улыбка, – вы с Женькой

мечтали устроить заплыв в бухте, а потом загорать на железных листах. Это ещё будет, только подожди, потерпи немного.

– Нет, – он судорожно сглатывает, потом снова обводит коридор мутноватым взглядом. – Не хочу никакого моря, – ещё ухмыляется по старинке, – ничего не хочу.

– Пора, командир, тебя зовут, – Аня острожно дёргает меня за локоть. – Ему дадут немного морфия, и он уснёт ненадолго.

Я вглядываюсь в её запорошённое пещером и пеплом лицо. Лжёт или нет? Откуда здесь морфия, когда и воды нет?! У меня самого голова кружится от жажды. Каково должно сейчас быть Косте...

Со света сразу попадаешь в темноту. Узкий ход ведёт в глубину. К стенам прижимаются люди. Одни из них стоят, другие ещё лежат и спят. Дальше по ходу штольни небольшое расширение и от него – несколько ответвлений в разные стороны. Здесь светлее. Иногда по бокам стоят столики с электрическими лампочками и дремлющими около них телефонистами.

Под ногами – рельсы от узкоколейки. Наконец проход превращается в широкую комнату. Верхние её своды теряются в темноте. Здесь расположился наш штаб. На трёх-четырёх кроватях поверх шинелей и палаток лежат несколько человек. У стены столик с коптящим фонарём. Стены чёрные от копоти и чада, воздух спёртый, как в погребке. Погреб это и есть, глубокий паровой котёл невыносимой жары. Разрывы бомб здесь едва слышны, от грохота чуть содрогаются своды. В штольне постоянно стоит несмолкаемый шум. Он похож на шум большого вокзала. В штабе я был минут десять, не больше, выяснял вопрос о кухне. Здесь ничего нет – ответ прост и ясен. Нас загнали в угол.

За стеной крики, кого-то оперируют прямо на месте, до госпиталя не донести. Где он, госпиталь? Тут больше ничего нет, ранение – смерть, и так по кругу. Нам остаётся только ждать. Если с ранением живота или груди – во внутренние полости изливается собственная кровь раненого. Насмотрелся за полтора часа по горло. Эту кровь собирают, фильтруют через несколько сло-

ёв марли и потом эту же кровь капают раненому обратно. Спросил у фельдшера, тот ответил, что при кровопотере прокапать собственную кровь гораздо эффективнее и полезнее, чем донорскую. Реинфузия крови, вроде так это называется. Но что меня поразило – если ранены кишечник, сосуды, печень, содержимое кишечника смешивается с кровью. У меня глаза на лоб полезли, когда берут всю эту массу, процеживают и возвращают раненому. Может, я и правда останусь в выигрыше и мне не достанется подобного? Так хочется немного помечтать. Здесь мы уже превращаемся в зверей.

Около двух часов дня я с тремя бойцами иду в заградотряд за оружием. У нас на всех не хватает винтовок. Патронов не осталось совсем. Оружие подбиралось на поле боя и снова передавалось в части. Сначала пришлось бежать вдоль огорода, пригибаясь, переползая и прячась от пролетающих снарядов и мин. У землянок лежат убитые, на дорогах – трупы лошадей. Над ними тучами кружатся мухи. И жуткая вонь, и запах палёного мяса. На жаре в трупах быстро заводятся черви, жирные белые черви, они сейчас повсюду.

Немецкие самолёты всё так же висят в воздухе. Застыли, наблюдают за нами, как за животными в зверинце. Ставят ставки, долго ли мы ещё продержимся. Иногда начинают косить из пулемётов, играют: раз-два выстрелил и успокоился. Иногда стреляют по ногам и только потом добивают, когда уже потеряешь достаточно крови, чтобы не встать. Трупов гораздо больше, чем живых, мы им завидуем. Им хорошо, их не мучает жажда. Кажется, что я сойду с ума, если не волью в горло хоть пару глотков воды. У небольшой трубы, идущей под полотном железной дороги, толпится народ. Это подразделения, идущие на передовую. Человек семьдесят, не больше. Там, за этим небольшим тоннелем, шум и грохот ещё сильнее. Грохот, визг, скрежет, в ушах звенит, и практически ничего не слышно.

Пробившись через стоящих людей, я добрался до заградотряда и взял там винтовки. Они были разные, многие со сбитым прицелом, развороченным дулом, искрив-

лённые, сломанные, но других нет. Взяли столько, сколько могли унести, – каждый по четыре. Шестнадцать штук, а нас там тридцать с лишним!

Назад тоже бежали, делая небольшие остановки. Убило двоих, взяли их винтовки себе, еле дотащили. Когда вернулись в штольню, навстречу мне встали все оставшиеся наши парни. Бледные, измотанные, оборванные.

– Командир с нами! – проговорил Кошкин, с ним мы были ещё в учебке. Вчера встретились.

– Мы пойдём на станцию Мекензиевы горы, – говорю я, глядя им в глаза. – Возьмите патроны к винтовкам, если они остались. Те, что у меня, заряжены, к ним патронов немного есть. – Штук по двадцать на винтовку – всё, что было.

Пошли. Над нашими головами всё время пролетают снаряды и миномётные мины. Зелёное поле чернеет воронками свежей земли, лежат убитые. Идти невозможно. Укрылись в окопе. Нужно удержать отрезок дороги – пара десятков метров, но задача невыполнимая. Немцы шли, но здесь их ещё было немного. На саму станцию не прорваться, слишком плотный огонь. Сначала зачистка огнём, потом пойдёт пехота, а за ней двинутся танки.

Прямо передо мной вырос немец, я всадил в него нож, он упал на меня. Впервые в жизни я убил человека, но сейчас некогда думать об этом. Немец дёргается и пускает кровавые пузыри. Глаза у него полуприкрыты веками, он уже замер, но неотрывно смотрит на меня. Ему лет двадцать пять, он немного старше меня. Худой, в разорванной форме. Похоже, у них тоже дела не очень.

Снаряды сыплются сплошным дождём, пройти нельзя, нужно уводить людей. Вот только куда?

Вокруг разбросаны сотни немецких листовок. На одних изображена карта Керченского полуострова. На ней стрелы немецких ударов, разрезающих фронт наших армий, а ниже – призыв сдаваться в плен. Другая обращается непосредственно к нам. На ней сверху написано: «Товарищ Сталин сказал...». Дальше помельче: «...“Крым будет

Советским!”», – но он ошибся: Крым будет свободным!..» Дальше говорится: «...Только в одном Севастополе засели оголтелые бандиты и большевики. Но наши славные гренадёры наложат горы ваших трупов, а лётчики потопят в море ваши корабли». Примерно так написано в листовках. Они выдержаны в хвастливом тоне.

Мы ими пытались затыкать входные отверстия от пуль у раненых, но бумага – не бинт, она очень быстро намокает и рвётся. В некоторых – обращение к рабочим и крестьянам. Там говорится: «С кем вы идёте? С империалистом Черчиллем и плутократом Рузвельтом?» Я бы пошёл с кем угодно, лишь бы быть не здесь, лишь бы подальше отсюда. Это естественно – нам всем хочется убежать. Но одно дело то, что хочется, и другое – то, что надо. Голова не работает, патроны закончились. Пробую провести переключку, наших осталось пятнадцать человек.

– Уходим в штольню! – кричу им. – Участок не удержать!

Сразу же при подходе убит Юрка Кошкин. Пуля попала ему в голову, когда мы переваливали через небольшую высотку. Он только коротко вскрикнул и затих. Лицо у него как у спящего.

Слышен неприятный хрип шестиствольного миномёта. Чёрные столбы дыма и земли поднимаются кругом. Стоит постоянный вой пикирующих самолётов и включённых сирен. Собственные мысли почти не слышны, только несмолкаемый грохот. Несколько секунд сидим пригнувшись. Надо немного переждать в штольне. До неё совсем близко. В эти минуты до сознания доходит наконец, что переждать в данных условиях просто невозможно. Что обстрел сейчас не закончится, он будет весь месяц, он будет и дальше, пока мы все не ляжем в землю. Земля даёт нам силы, но в неё мы и придём в конце концов.

(Продолжение следует)

Больше произведений автора по ссылке
vk.com/mariyastarodebceva

Сергей Кононов

Москва

Лосиный остров

Площадь святого Марка – самая главная достопримечательность Венеции. А над площадью возвышается 96-метровая колокольня, на шпиль которой я и забрался, чтобы выразить свой протест против застройки жилыми и промышленными объектами заповедника «Лосиный остров».

Спросите, почему я не протестовал в Москве, а притащился в Венецию, да ещё и выбрал такое неудобное место для демонстрации несогласия с действиями московских властей и алчных застройщиков? Отвечаю: в Москве все куплены-перекуплены, и выступления в защиту заповедника заканчиваются в ближайшем отделении милиции, где тебя сначала измордуют – для порядка, потом оштрафуют – для галочки, а потом пинком вышибут на улицу – для смеху. Да ещё пригрозят в следующий раз припаять срок за хранение наркотиков. Откуда возьмутся наркотики, читателю, думаю, объяснять не надо. Так что, не добившись правды-матки в столице своей родины, я отправился в Венецию, где в это время проходил международный кинофестиваль. Не скажу, что моя затея была спонтанной, нет, готовился я основательно, продумав свои действия до мельчайших деталей.

Если вы видели главную венецианскую колокольню под названием Кампанила хотя бы на фотографиях, то, возможно, заметили, какая у неё далеко не покатая крыша. Я бы даже сказал, отвесная архитектурная нахлобучка, и, не обладая элементарными альпинистскими навыками, на неё не забраться. Но черепичная крыша моего дома чем-то похожа на пирамидальное завершение колокольни, и я по ночам, предварительно проштудировав руководство для начинающего скалолаза, целый месяц тренировался в восхождении в компании облюбовавшей наш чердак стаи голубей. К концу месяца мне удалось забраться на крышу без страховки и, решив, что готов к покорению венецианской доминанты, я отправился в город на воде с плакатом на трёх языках следующего содержания: «Заповедник “Лосиный остров” – для лосей, а не для денежных мешков и продажных чиновников!». Помимо плаката в рюкзаке у меня лежали альпинистское снаряжение, мегафон и вода с продуктами на три дня – именно столько времени я собирался продемонстрировать свой протест.

Из-за кинофестиваля народа в город каналов понаехало целая пропасть, и, чтобы попасть на колокольню, мне пришлось отстоять километровую очередь. Зато дальше всё пошло как по маслу. Нет, масло было потом, уже после того, как я, не обращая внимания на предостерегающие крики служителей порядка и туристов, полез на крышу. И только очутившись на самой верхотуре под сенью архангела, венчающего колокольню, полил черепицу автомобильным маслом. Теперь добраться до меня было не под силу даже опытному альпинисту. Вывесив плакат, прокричал в мегафон свои требования, а именно: если в Лосино-островском заповеднике не будут свёрнуты все строительные работы, я сигану с колокольни прямо на золотого льва – символ кинофестиваля. Честно говоря, я блефовал, но устроители фестиваля и местные власти об этом не догадывались и понагнали на площадь целую армию полицейских и спасателей.

– Заповедник принадлежит лосям, а не олигархам и их коррумпированным наймитам! – оповестил я венецианцев из поднебесной выси на двух языках, ещё в Москве заучив текст протеста на английском.

Больше всего блюстителей порядка собралось на крыше дворца дождей, расположенного прямо под колокольной. Они тоже что-то кричали в мегафон по-итальянски, но мои знания языка ограничивались словами «феличита» и «Альфа-Ромео». Ну, ещё «примаваре», поскольку данное слово, означающее весну, звучит в каждом втором итальянском шлягере. Итальянский язык сменил английский, затем немецкий, который я вообще ни черта не знал, и, наконец, дошла очередь до ненормативной лексики языка родных, бескрайних российских просторов.

– Мудила, ты за каким хреном на колокольню залез, мог бы и на площади за лосей бороться! Слышишь, экстремал недоделанный, хватит выпендриваться и давай, возвращайся на землю, обсудим проблему заповедника под водочку с икоркой, я угощаю.

Что-то голос очень знакомый, уж не Никита ли Сергеевич Михалков вышел со мной на связь?

– Михалков, это ты? – решил я всё же уточнить.

– Нет, Папа Римский, примчавшийся из Ватикана поглазеть на явление народу свихнувшегося эколога. Я это, собственной легендарной персоной. Тебя как зовут-то, небожитель?

– Сергей.

– Ёлки-палки, выходит, мы с тобой почти тёзки. Значит так, Серёжа, ты сейчас осторожненько спускаешься, а я даю слово, что никакие полицейские санкции к тебе применяться не будут. Вот и начальник полиции Венеции подтверждает мои слова. Правда, синьор Лючано, не будем этого чудика в расход пускать и отпустим с миром?

– Sì, sì, – согласился с Михалковым главный полицейский.

– Пока не увижу и не услышу президента или премьеры России, останусь узником

совести на колокольне. Так и передайте вождям нации.

– Ты чего мелешь, блаженный! Президент сейчас в саммите за чистый климат борется, за наши с тобой прокуренные лёгкие болеет, чтобы их, помимо табака, ничего больше не травило... Кстати, ты куришь?

– Курю, но на перекур не слезу.

– Да и чёрт с тобой, сиди там хоть до второго пришествия, но знай, что я тоже президент, хотя и обзываюсь председателем. Но указик о переименовании занимаемой мною должности уже подписал.

– Киношные президенты-председатели не в счёт, вас здесь сейчас пруд пруди. Мне нужны только Медведев с Путиным, но можно и одного из них, кому природа не по барабану. Чтобы потом не отрекаться от своих обещаний.

– Серёженька, теперь слушай меня внимательно, моё слово тоже кое-что значит, и я обещаю сделать тебя главным героем своего фильма. И снимать фильм-боевик мы будем на Лосином острове, попутно отстреливая застройщиков. Согласен?

– Нет, снимать надо не фильм, а с должностей тех, кто отдал заповедник на откуп нуворишам. А ещё лучше, на кол их сажать, как при Иване Грозном.

– Чего же ты такой кровожадный? Это даже как-то не по-христиански, как-то не звучит это с церковной колокольной.

– А у нас иначе нельзя, иначе полный бардак получается. И если президент с этим беспределом разобраться не может, то его надо гнать в три шеи.

– Дорогой ты мой, Россия – это тебе не Гондурас, где захотели – выгнали президента, перехотели – пустили обратно. У нас демократия, переходящая в единство партии и народа, как бы. Погоди, у меня Люк Бессон порывается что-то насчёт тебя спросить.

На горизонте замаячил вертолёт, и я слегка занервничал. Но только слегка, поскольку в рюкзаке лежали с десяток петард, вполне пригодных для отпугивания вертушки. Правда, петарды я прихватил, чтобы напоминать о себе ночью, но досижу ли я до ночи, это ещё под вопросом, похоже,

в меня уже целятся. Блин, забыл бинокль взять, а простым глазом не разберёшь, оптический прицел на меня смотрит или объектив камеры.

– Серёжа, у Люка только что родился сюжет нового фильма, и его оператор выясняет, как ты смотришься в кадре. Если удачно, считай, контракт на кругленькую сумму у тебя в кармане.

– Уберите снайпера, мать вашу!

– Какие снайперы, здесь одни операторы со своей аппаратурой. Приятель, ты же у нас теперь мировая знаменитость, тебя будут беречь и охранять, а ещё поить и кормить, если съёмки затянутся. Вот и Стивен Спилберг такого же мнения. Я прав, Стив?

– Yes, – подтвердил слова Михалкова мэтр мирового кинематографа.

И ещё чего-то наговорил, только я не понял, поскольку владею английским исключительно со словарём, а словарь остался в Москве.

– Ну, Серёга, и подфартило же тебе. Чёрт, знал бы, что так выйдет, сам бы на колокольню залез. Короче, посиди там ещё пару часиков за 4 тысячи евро, и сейчас к тебе на вертолёте бабу приволокут.

– Я не ради денег и киношной славы забрался чёрти куда, а ради заповедника.

– Да успокойся ты со своим заповедником, про него теперь, благодаря твоей наглядной агитации, весь мир знает. Стоп, погоди, пришла СМСка от Лужкова. Читаю: «Передайте придурку на каланче, что строительные работы в Лосином острове остановлены и виновные в захвате заповедных земель будут привлечены к уголовной ответственности».

– Врёте вы всё, я вам не верю! – проорал я на всю Венецию и добавил ни к селу, ни к городу: – Пролетарии всех стран, соединитесь!

– Серёжа, ты там не перегрелся? Это же совсем из другой, коммунистической, оперы. А не веришь, прокричи номер своего мобильного, мэр тебе перезвонит. О-па, экстренное сообщение от президента примчалось: «За проявленную заботу об окружающей среде моим указом Сергей, в

скобках – выяснить фамилию и отчество, награждается орденом “За заслуги перед Отечеством” второй степени». Ни хрена себе, я этой награды 10 лет ждал, гробил нервы на съёмочных площадках, парился в президиумах на дурацких посиделках, а надо было просто на колокольню забраться и поведать миру о тяжёлой доле истринской плотвы.

– Ты мне зубы не заговаривай, я не кино-критик и не спонсор твоих картин.

– Прокричи свой номер, недоверчивый ты наш, и приготовься принять бабу. Люк просит тебя заняться с ней любовью, но только чистой, без всяких там извращений.

Да уж какие могут быть извращения на одном квадратном метре свободной площади, где с трудом умещается моя задница. Но номер мобильного я прокричал.

– Серёга, ещё один нюанс.

Похоже, Никита Сергеевич взял на себя обязанности ассистента режиссёров.

– Люк будет снимать тебя с партнёршей у основания архангела, а Стив просит забраться к нему на крылья. Но с твоими верхолазными способностями проблем с перемещением, я думаю, не возникнет.

– Пока не позвонят мэру и президенту, я к бабе не прикоснусь и никуда не полезу.

– Тогда слезай, к чёртовой бабушке, я за тебя буду сниматься и отстаивать лосей. Я ведь тоже «зелёный» по самую макушку, а уж зверушек люблю пуще жизни, особенно лошадей. А лошадь лосям парнокопытная родня.

У меня запел мобильник, но не успел я и рта раскрыть, как сразу утонул в словоизвержениях энергичного московского мэра.

– Ты чего за спектакль одного актёра устроил, твою мать! Позоришь наш город на весь мир, понимаешь, ставишь меня в неловкое положение. Сейчас же слезай с каланчи и извинись перед итальянскими властями, а не то...

Терпеть не могу угроз, от кого бы они не исходили.

– Юрий Михайлович, – перебил я мэра, – профукал «Лосиный остров», так честно и признайся. А может, продал?

– Да я тебя по судам затаскаю, провокатор!

– Ты меня сначала достань. Вот поведаю в телекамеру «CNN», спущенную с вертолёта, что в знак протеста против бездействия мэра по спасению заповедника сейчас прыгну с колокольни прямо на Стивена Спилберга, тогда уже ты будешь держать ответ перед мировой общественностью.

– Ладно, не кипятись, с заповедником уже разбираются. И потом, он большей частью расположен в Московской области, а это пока не моя епархия.

– Вот так всегда у нас, друг на друга валим, а природа страдает.

В трубке слышались шумы, а затем чёткий, хорошо поставленный голос:

– Господин Лужков, отключитесь, с Сергеем будет говорить президент Российской Федерации.

– Но я не закончил ... – возразил, было, мэра, но закончили за него.

– Сергей, Путин говорит. Вы меня слышите?

Я и правда едва не спланировал на Спилберга, только чудом удержавшись на постаменте, вцепившись в ногу архангела. А тут ещё и бабу мне на шею опустили, и она сразу полезла целоваться.

– Слышу, Владимир Владимирович! – проорал я в мобилу, отворачиваясь от напомаженных губ.

– Серёжа, ты случаем не голубенький? – поинтересовался Михалков. – Его Мисс мира 2007 пытается облобызывать, а он морду воротит. Слушай, ну давай местами поменяемся, я ещё в защиту Приокско-Террасного заповедника выступлю или за винторогого козла, внесённого в Красную книгу, словечко замолвлю. Или всё вместе озвучу.

– Это кто там надрывается, что даже весь саммит слышит? – поинтересовался Владимир Владимирович.

– Другой наш президент, от кино. И знаете, о чём он мне поведал?

– Даже не догадываюсь.

– О награждении меня вашим указом орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени.

– И вы поверили?

– Выходит, обманул?

– Если я каждого борца за деревца буду отличать высокими правительственными наградами, то весь бюджет страны уйдёт на изготовление этих самых наград. Одного Митволя за бывшие экологические заслуги пришлось бы обвешать с головы до пяток. В общем, соответствующие распоряжения по «Лосиному острову» я дал и обещаю лично проверить, как они выполняются. Мне-то вы верите?

– А что мне остаётся, конечно, верю.

– Тогда слезайте с колокольни, наймите гондолу и поплавайте по каналам жемчужины Италии. В случае применения к вам штрафных санкций свяжитесь с моей администрацией, ребята разберутся, их контактный телефон уже сидит в вашем мобильнике. Всё, удачного спуска.

Но до возвращения на землю я ещё успел обшлунявить всю Мисс мира 2007, как у постаumenta, так и на крылышках архангела.

Едва я очутился у подножия колокольни, меня повязали, но Люк Бессон и Стивен Спилберг в два счёта разрулили ситуацию. Так что я не только рассчитался с властями Венеции за свой несанкционированный протест, но и остался ещё с приличным наваром – гонораром за съёмки. А под занавес была весёлая ночь в компании Михалкова и других наших генералов от кино.

Ближе к утру Никита Сергеевич, после очередного тоста за каких-то там дальних предков лосей, сделал мне заманчивое предложение – сняться в его новом фильме. Правда, не в главной роли и с одним условием: если денег на фильм не дадут, я залезу на лондонский Биг-Бен и выступлю в защиту отечественного кинематографа вообще и творческих планов Никиты Михалкова в частности.

Сергей Тулупов Череповец, Вологодская обл.

Счастливая жертва глобализации

Увлечённо сформировал прожиточную корзину в одном из магазинов продовольственной сети «Магнит» в пределах заслуженной пенсии после трудовых подвигов на дачной ниве. Неожиданный оклик с моим именем в исполнении знакомого тембра голоса с картавинкой заставил распрячься: передо мной возник во всей красе бывший коллега по совместной трудовой деятельности на трёх предприятиях Череповца, крупнейшего города Вологодчины, недавно вернувшийся из Канады. Приятно видеть, что время не пощадило и других, – резво оно прошлось по пышной шевелюре и белозубой улыбке приятеля. Последовали взаимные возгласы приветствия и обмен короткими любезностями.

– А я остался совсем один, – выдал первую фразу в минорной тональности обратный тёзка великого русского поэта.

– Что случилось?! – боясь услышать грустную новость, спросил у коллеги из прошлой жизни, совершенно позабыв про его маленькие приколы.

– Да вот, супруга моя... – последовала пауза от приятеля, – почти на пять месяцев отправилась на подработку в круиз по Волге с аккордеоном, так что я теперь в гордом одиночестве.

– Ну, это не так уж и плохо, – ответил ветерану труда и любителю внесемейного оздоровительного отдыха. – А как твои дочери поживают?

– Младшая, как ты знаешь, у меня умница, кандидат наук, живёт в Москве в трёхкомнатной квартире, – тёзка перевёл дух и добавил: – Наконец вышла замуж за своего однокурсника и уезжает на ПМЖ в Швейцарию. Мы с супругой уже и не надеялись. Ты даже не представляешь: на свадьбе подруги заявили мне, мол, кроме замужества есть много и других интересных занятий в жизни, а у нашей дочери и так всё есть...

– А как твоя старшая дочка в Канаде? Всё-таки с тремя детьми непросто управляться, – поддержал разговор, чуть отойдя с приятелем в сторонку от основного потока покупателей.

– С *четырьмя* детьми, – гордо уточнил бывший коллега.

– Так ты теперь дед-герой, – привёл я аналогию со званием «Мать-героиня».

Ветеран труда и отдыха на несколько секунд умолк, словно собираясь с мыслями и стараясь не упустить главное, и произвольно переложил корзинку с продуктами в правую руку.

– Вернулся из Канады в начале мая, сейчас разгар лета, а памперсы только последнюю неделю сниться перестали. Больше года в няньках, даже тебе по скайпу позвонить не собрался, не до того было. Кроме Ниагарского водопада да торговых центров ничего толком в Канаде не видел, – после-

довал грустный ответ в минорном диапазоне. – А зять заявил: если пятого ребёнка родят, то им по закону новый микроавтобус выдадут в бесплатное пользование, – с улыбкой на мажорной ноте завершил монолог приятель.

– Да, тяжело тебе пришлось, – посочувствовал дедушке четырёх внуков.

– Всё нормально, дорогой. Ты даже не представляешь, как это приятно, когда внучата тихонько подойдут и нежно обнимут любимого дедушку, лопочут что-то там по-английски, а я не понимаю. А они видят, что не понимаю и пытаются по-французски объяснить... – парировал моё сочувствие вынужденный турист.

– Так ты вроде английский изучал в вузе, – напомнил недавнему труженику металлургического гиганта, получившему три высших образования ещё при советской власти.

– Как будто сам не помнишь, как нас учили в вузах иностранным языкам – главное, чтобы с интуристами ни о чём не договорились, – с улыбкой ответила «жертва глобализации».

– Слушай, давно хотел спросить: почему вы с супругой до сих пор не перебрались к дочерям на ПМЖ в Канаду или Швейцарию? Вроде здесь ничего не держит. Не задумывался над этим? – решил задать приятно не совсем удобный вопрос.

– Всё верно, дорогой. Только их жизнью быстро пресыщаешься, слишком однообразно и чересчур регламентировано, как будто выхолощено. Живёшь словно зомби, ни выпить, ни поговорить не с кем. Даже послать куда подальше никого нельзя. И не дай бог случайно комплимент женщине сделаешь – можно на иск нарваться. Так что к дочерям только в гости, а супруга пусть сама решает... – разоткровенничался турист поневоле и, сославшись на занятость, пообещал позвонить позднее.

Через пару недель приятель позвонил и сообщил, что старшая дочурка успешно родила пятого внука. Полагаю, мнимая свобода многовнучатого дедушки скоро закончилась, квалифицированный нянь в Канаде – должность высокооплачиваемая по сравнению с нашей российской действительностью.

ЛЕВ АЛЬТМАРК
Сага о Времени

ЧУДАК
НА ХОЛМЕ

АЛМ
Союз писателей
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Купить книгу
knigi-market.ru/chudak-na-kholme-lev-altmark

Инна Андрианова Калининград

Бешеный калькулятор

Второклассник Антон Делягин, изнывая, еле дождался летних каникул. Он мечтал всласть побродить по близлежащим заброшкам, пока родители на работе.

Не тут-то было: мама определила его в школьный лагерь, а после него надо было читать книги по списку и учить таблицу умножения. Мама проверяла. Её лицо к вечеру становилось усталым и грустным. Антон жалел маму, не дерзил, только тихонько поскуливал:

– Зачем мне таблица умножения, когда есть калькулятор?!

К концу июня парнишка совсем затосковал. Пошли дожди, друзей на детской площадке не было видно. А тут ещё эта «пятая четверть».

Вечером в субботу, засыпая, он думал: «Опостылила мне моя жизнь. И зачем мозги развивать? Ткнул пальцем в кнопки, сразу всё узнаешь».

Начиналась гроза. Вдруг в соседней комнате погас свет, а в телевизоре что-то затре-

щало. В ту же секунду перед ним возникла фигура тощего старичка, похожего на Хоттабыча.

– Сколько будет семью девять? – ехидно произнёс тихий голос.

За окном громыхнуло – старичок исчез.

От страха Антон потерял дар речи и памяти. Он вскочил, схватил калькулятор и при вспышке молнии нажал кнопки. Калькулятор не реагировал. В этот момент стены растворились во влажном воздухе, школьник очутился в незнакомом пустынном месте. Не было ни мамы, ни дома, ни деревьев, один калькулятор в руках. Поодаль горела мусорная свалка. Калькулятор стал расти, сделался большим, толстым и вырвался из рук. У него появились железные лапы с острыми когтями. Он кольнул мальчика и захрипел:

– Сколько будет девятью пять? А шестью семь? Я забыл.

Антоха в ужасе побежал, спотыкаясь. Калькулятор топал сзади, громыхая. Длинная металлическая рука тянулась к шее мальчика.

– А-а-а! – не своим голосом завопил Антон и открыл глаза. Над ним склонилась встревоженная мама.

– Что, сынок? – прошептала она.

– Мама! Девятью пять будет сорок пять?! – простонал Антошка.

– Тоша, милый, успокойся. У тебя лоб горячий. Сейчас измерим температуру.

...Утром следующего дня ласково светило солнце. Было воскресенье. Семья завтракала.

– Сейчас пойдём в зоопарк, – улыбнулась мама.

– Нет!!! – завопил Антон. – Хочу учить таблицу умножения!

– Ну дела! – засмеялся папа. – Наш сын, кажется, в одну ночь стал совсем взрослым.

Наталья Мосина

Москва

Белый Бант

Сказка

Часть 1

Огромный Белый Бант лежал на столе как символ начинающейся новой жизни. Маша всё время подходила к столу и рассматривала его, боясь даже прикоснуться, чтобы не испортить. Сегодня она просто девочка Маша, а завтра – в школьной форме и новых белых туфельках, с этим огромным Белым Бантом, вплетённым в волосы, – станет ученицей.

В это самое время Саша бегал во дворе вместе с ребятами. Последний день лета. Завтра в школу. Учиться совсем не хочется, а с другой стороны – надо. И с одноклассниками хочется увидеться, узнать, кто и как провёл лето...

«Девчонки завтра все разоденутся, но какие-то они у нас все некрасивые и вредные», – подумалось ему.

Маша всё-таки дотронулась до Банта:

– Какой ты необыкновенный! Большой и чудесно красивый!

– И волшебный! – услышала она в ответ.

– Я – СОВЕРШЕННО ВОЛШЕБНЫЙ БАНТ! Надевай меня каждый год Первого сентября, пока учишься в школе...

– А потом? – спросила Маша, казалось совсем не удивлённая этим разговором. Сердце её было открыто чуду, да и возраст был такой, ещё вполне чудесный.

– А потом ты выучишься, станешь красивой и умной девушкой. Настанет день, и я превращусь в белое свадебное платье, золотисто-белые туфельки и совершенно воздушную фату...

– И я тебя надену, чтобы выйти замуж?

– Да!

Саша бегал по двору.

«А ну их, этих девчонок! Лариска со второго этажа всё время пристаёт с какими-то вопросами... Никогда не женюсь, без них спокойнее. Да и как найдёшь свою самую лучшую девчонку, если даже не знаешь, где она живёт? А может, её и нет вовсе?» – думал Саша на бегу, пока не столкнулся с Машей. Она была небольшого росточка и очень худенькая, поэтому при столкновении упала.

«Вечно они везде мешаются, да ещё падают!» – пробурчал про себя Саша, склонившись над девочкой. Та открыла глаза. Саша замер, увидев её необыкновенно нежное лицо и глаза, готовые расплакаться.

– Тебе больно?

– Нет. Всё хорошо. Я оступилась, – ответила Маша. – Извини, я не задела тебя? – она встала и отряхнулась.

– Ты? Меня? Да это я тебя случайно задел! Это ты прости меня! – вскрикнул Саша, окончательно почувствовав себя не в своей тарелке.

«Она не обвиняла, не ругалась, она просила прощения, хотя я был виноват! Что за чудо-девочка? Наверное, она на меня с Луны свалилась перед самым Первым сентября», – думал Саша, идя домой. Затем он оглянулся, чтобы ещё раз взглянуть на неё, но Маши уже не было поблизости. Ему почему-то стало грустно и опять не захотелось идти в школу.

Часть 2

Прошли годы. Саша вырослел, учился, умнел, набирался жизненного опыта. Он встречался с разными девушками, но любви в его жизни пока не было. Почти стёрся из памяти тот странный случай из детства, когда он встретил девочку, так поразившую его. Какими-то редкими моментами он даже тосковал по ней. Это случилось в часы раздумий и одиночества. Он сидел, склонившись над книгой, и вдруг в памяти всплывал её образ. Впрочем, такое случилось нечасто. Он был занят делами – чем старше становился, тем больше.

А Маша получила долгожданный диплом, по этому поводу намечался банкет. Уютный ресторанчик с разнообразной восточной кухней, как всегда, с радостью ждал своих гостей. Маша торопилась на этот вечер, но всё равно опаздывала. Сегодня у неё что-то весь день не задавался, да ещё новые туфли сильно подводили – подошва скользила, и каблук был слишком высоким.

– Ой! – только и успела вскрикнуть девушка, оступившись. Раздался визг тормозов, через какое-то мгновение над ней склонилось растерянное мужское лицо.

– Простите! Я никак не привыкну к новым туфлям. Я встану, спасибо! – заговорила она.

«Неужели это она? Та девочка из прошлого? – это казалось невозможным, но он узнал её. – Эти глаза, их неповторимое выражение, и то, как она просит прощения...»

– Девушка, ну разве можно так неосторожно на дороге? Как вас зовут? – с трепе-

том спросил Саша. Он ведь даже не знал её имени, а сердце пело и бешено колотилось...

– Маша.

– Александр! – представился он.

– Скажите, вы не помните, чтобы когда-нибудь в детстве, накануне Первого сентября, столкнулись с мальчиком и упали?

– Да. Это были вы? Как странно... Я тогда собиралась на следующий день идти в первый класс. У меня дома на столе лежал огромный красивый Белый Бант, мне даже почудилось или приснилось, будто этот Бант мне рассказывает, что со временем превратится в наряд для невесты. Чудно, правда?

– В наряд для невесты? Надо же! А ведь и правда, девочки Первого сентября похожи на маленьких невест, да ещё все с цветами. Вы не поверите, я помнил вас эти годы. Вы отличались от других и тогда, и сейчас... Скажите, можно быть вашим другом?

– Сама жизнь нас сталкивает повторно. Да, я рада этому знакомству.

Быстро пролетело лето. Завтра первое сентября.

На вешалке – свадебное платье, неподалёку – белые с золотым туфли и воздушная фата. Машенька уже спит. Завтра ей суждено стать женой Александра, и начнётся новая жизнь. Впрочем, она же всегда немного другая с первого сентября? Приснилось ей или нет, что Белый Бант обещал превратиться через много лет в наряд невесты, теперь уже не важно. Саша решил воплотить в жизнь её сон, подгадав день свадьбы к этому числу. Как всегда, кругом было море цветов!

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/mosina
vk.com/mosinanatalia

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Поздравляем Анастасию Нестерову!

В Уфе прошла церемония награждения победителей XII конкурса на соискание общественной городской премии «Достояние столицы»!

Лучшим жителям города вручили фирменные статуэтки. В 2018-м конкурс был посвящён Году семьи в республике и проходит в 12-й раз. В его финал прошло более 50 инициативных уфимцев. В этом году на соискание премии наряду со взрослыми претендовали и дети. Для них ввели специальную номинацию «Будущее столицы». Награды вручали

представители министерств и ведомств Башкортостана, сотрудники Общественной палаты республики и заслуженные деятели культуры и искусства.

Каждый из участников конкурса отличился по-своему. Кто-то внёс вклад в образование, здравоохранение, культуру, экологию, а некоторые полезные идеи для развития Уфы представили целой семьёй, как успешные трудовые династии.

Анастасия Нестерова, ученица 10 класса МБОУ Лицей № 5, г. Уфа, действующий президент МДЛК «Озарёнок», награждена дипломом Лауреата XII общественной городской премии «Достояние столицы» в номинации «Будущее столицы» и фирменной статуэткой!

Михаил Абрамов

2-й класс, БОУ СМР «ООШ № 10», г. Сокол; член МДЛК «Озарёнок»

Рыбалка

Я и папа встали рано утром, поехали на реку. На реке был туман.

Мы закинули снасти и стали ждать поклёвку. Поплавок на моей удочке вздрогнул и ушёл под воду. Я резко подсёк и вытащил серебряную уклейку.

Солнышко поднялось выше, и стало теплей и светлей. Мы кинули прикормки в реку, и рыба стала клевать часто и уверенно. За короткую утреннюю зорьку мы с папой наловили много красивых и шустрых рыбок.

Рыбалкой я очень доволен, потому что она была удачная!

Анастасия Гаврикова

6 лет, Д/с № 27, г. Сокол; член МДЛК «Озарёнок»

Ласточка – красавица.
Ты мне очень нравишься!

В ведре сидит лягушка,
Почесала брюшко.

Золотая рыбка,
Ты моя улыбка?

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию рецензию на новую книгу члена Академии российской литературы **Нины Гавриковой «Зима седая с возрастом созвучна»** (сборник стихотворений, Новокузнецк, изд-во «Союз писателей», 2018).

Нина Павловна Гаврикова живёт и работает в городе Сокол Вологодской области. Она давно известный, признанный автор, работающий одинаково успешно и в прозе, и в поэзии. Несомненно, на её восприятие мира, а потом и всего творчества, наложила отпечаток работа художником-оформителем. Художники – особенные люди, умеющие чувствовать красоту там, где другим не дано.

Купить книгу
knigi-market.ru/zima-sedaya-s-vozrastom-sozvuchna-nina-gavrikova

Автор лирического сборника «Зима седая с возрастом созвучна» не только сама занимается литературным творчеством, но и является руководителем МДЛК «Озарёнок». Стихи и малая проза Нины Гавриковой опубликованы в литературно-художественных журналах, в коллективных сборниках и альманахах. Вышли авторские сборники стихов и рассказов Н. Гавриковой: «Шаг над пропастью», «Капельки росы небесной», «Эхо памяти» и др. Автор уделяет много внимания детским стихам и прозе.

Размышляя о поэзии Нины Гавриковой, в первую очередь хочется отметить необыкновенную мягкость, доброту и женственность её произведений. Сборник лирики «Зима седая с возрастом созвучна» – одна из последних работ автора, которой характерна доступность и простота поэтического языка, философский взгляд на привычные вещи. Н. Гаврикова живёт от встречи до встречи не с виртуальным, а с живым читателем: в школе, в библиотеке, на литературных вечерах. Поэтический сборник «Зима седая с возрастом созвучна» – доброе послание читателю, наполненное любовью и светом. Стихи Нины Гавриковой, утончённые, как вологодское кружево, неподдельно изумляют чудесами родной земли, страстями, душевным движением, добродушием и сказочностью. Есть в них что-то неистребимо ребячье, детское, ясность взгляда и глубина постижения.

Ольга Карагодина,
член МГО Союза писателей России,
Академии российской литературы

Нина Гаврикова

Руководитель МДЛК «Озарёнок»

Пастушок и звёздочка

Сказка

Давно это было. Жил на окраине деревни пастух. Жена умерла рано, он еле-еле сводил концы с концами. И сколько бы ни предлагали мужику снова жениться, Тарас только руками разводил, мол, теперь легче стало – Матвей помощником растёт, не первый год подпаском ходит.

Правда, замечали деревенские жители, что парнишка не такой как все – любил он со звёздами разговаривать. Вставал до первых петухов, играя на дудочке, обходил деревню, а вернувшись в дом, выпивал кружку парного молока с куском ржаного хлеба и был готов к работе.

В каждом деле – свои секреты! Пастух передал сыну всё, что знал. Весеннюю пастьбу начинали не слишком рано, а осенью заканчивали с наступлением заморозков. Пастбища выбирали разные: сначала стадо пасли на Красной дорожке, потом дальше от деревни уходили. На Тинкин покос, где низина, гоняли коров, когда стояли засушливые дни. К Рухловской канаве – после дождика, так как на пригорках трава в жару жухла. Сын интересовался, почему местá так называли? Отец объяснил. Тинкин покос?! Так это тётя Тина Кокарева с мужем там сено косили, сенокос заброшен – название осталось. Канаву, говорят, для осушения болот выкопали, сам Рухлов приказал, его усадьба находилась где-то поблизости. Ну а Красная дорожка неспроста стала красной, там раньше возили на поля в бункерах удобрение, оно невольно сыпалось, теперь почва красно-коричневого цвета. Сын слушал и всё запоминал.

В конце августа отца отправили в больницу. Пастушок, как обычно, начал утренний обход. Женщины, выглядывая из окон, интересовались, справится ли один. Матвей улыбался в ответ, мол, не беспо-

койтесь. Не успел он дойти до последнего дома, как видит, навстречу спешит тётка Власта.

– В стаде больше пятидесяти коров, сам не справишься. И слышать ничего не хочу, пойду с тобой, и всё тут!

Пастушок знал, что тётка лишь притворилась доброй. Сколько раз она его за уши таскала, обвиняя в поступках, которых он не совершал. Своих детей не было, а чужих не жалко. Власта специально оговаривала мальчика в надежде, что он сгоряча расскажет секрет о звёздах. А пастушок был настолько терпелив, что её надругательства сносил молча. Своего дома в деревне у Власты не было, жила у сестры и распорядилась там как хотела. Никто и не помнил, когда она приехала в деревню, но, зная властную привычку распоряжаться чужими судьбами, местные обходили избу стороной. Вот и сейчас, наверно, придумала какую-то гадость. Да делать нечего, пришлось согласиться. Только за околицу вышли, как тётка вопросами засыпала:

– Куда коров погоним? Где трава сочнее? У вас есть план, где и когда пасти? Кто тебе помогает?

– Сегодня с утра солнышко припекает, давайте погоним стадо на Красную дорожку, – с уважением отозвался пастушок.

– А что? Далеко боишься идти? Не бойся, я с тобой! Давай лучше на Рухловскую канаву, – и начала коров разворачивать в сторону леса.

Сколько бы ни препирался пастушок, как бы ни доказывал свою правоту, не смог переубедить. Пришлось повиноваться тёткиной воле. К обеду добрались до места. Жара стоит такая, что хоть под кустом прячься, хоть прямо в канаву бросайся. Слепни да мухи покоя не дают. Коровы от них отмахиваются, а траву не щиплют. Рассердился Матвей, погнал стадо к водопою. А тётке Власте того и надо! Она притворилась, что устала, разлеглась на взгорке, а сама одним глазом следит за мальчиком. Только увидела, как одна корова немного отстала от всех, вскочила и прогнала её в лес подальше. Ну а чтобы пастушок не заметил пропажи, бы-

стро направилась к нему и всю дорогу без умолку тараторила.

В деревню вернулись в положенное время. Всех коров хозяева развели по дворам, лишь тётушка Полюшка стояла у изгороди в недоумении, куда подевалась Марта, – так звали корову. Пастушок начал было оправдываться, и вдруг его осенило, в чём дело. Со словами «Не беспокойтесь, я верну её» он со всех ног бросился в поскотину. От деревни до Рухловской канавы километров двенадцать. Чтобы сократить путь, пастушок решил пойти напрямик. Но что же там произошло?!

Он шёл и не узнавал родной лес. Деревья становились выше и выше, стояли всё плотнее и плотнее друг к другу, создавалось впечатление, что перед ним встала высокая стена. Остановился, огляделся. Матвей находился на крохотной полянке в самой гуще, решил было залезть на ёлку, да удивился – ветки на стволах были только на самых верхушках. Пастушок аж присвистнул, ноги подкосились, он осел на землю, стало темно и страшно. Мальчик опустил голову и вдруг услышал знакомый голос. Это была Северная звезда, она самая первая всходит на небосклон и дольше всех не уходит отдыхать. Пастушок поднял глаза. Северная звезда зацепилась за макушку самой высокой ели, осветив поляну.

– Милая звёздочка, как я рад тебя видеть! Мне страшно оттого, что я не знаю, где находится Марта.

– Страх всегда впереди человека бежит. Хорошо, что ты остановился. Не беспокойся, Марта находится на Тинкином покосе.

– Спасибо! А как мне выбраться из леса?!

– Держи серебряный колокольчик.

Пастушок протянул лодочкой ладонь, в тот же миг на ней появился маленький изящный серебряный колокольчик с верёвочкой. Он хотел позвенеть колокольчиком, но Северная звезда остановила:

– Повесь колокольчик на шею – лес перед тобой расступится, дорога покажется лёгкой. Ты должен до рассвета привести Марту в деревню, иначе колокольчик потеряет волшебную силу.

– Спасибо, милая звёздочка!

– Торопись! Осталось несколько часов!

Северная звезда поднялась высоко в небо, освещая дорогу. Деревья перед пастушком расступались в стороны, освобождая путь. Вскоре он был на месте. Но то, что увидел, его удивило. Ноги у коровы были перевиты ведьминой травой. Она и шагу не могла ступить. Мальчик начал было раздирать руками стебли, но те снова срастались и пуще прежнего запутывали ноги. Тогда он поднял голову к небу, чтобы спросить совета у Северной звезды. В это время колокольчик тихонечко звякнул. И ведьмина трава мгновенно исчезла. Мальчик, поблагодарив звёздочку, погнал Марту в деревню.

Светало. До изгороди поскотины остались считанные метры, как вдруг корова угодила копытом в глубокую выбоину и громко замычала, будто заплакала. Пастушок подбежал к Марте, осмотрел копыто передней ноги. Корова не могла ступать, так было больно. Мальчик растерялся и не знал, что делать. Он нежно разглаживал ногу и копыто маленькими тоненькими пальчиками, уговаривая животное дойти до изгороди. Северная звезда ничем не могла помочь: её спрятали облака.

Где-то совсем рядом что-то треснуло. Пастушок дёрнулся в сторону звука. Колокольчик опять чуть слышно прозвенел. Марта будто не оступалась – не хромая, добралась до забора. Первый солнечный луч осветил небо. И тут откуда ни возьмись появилась тётка Власта. Она ехидно прищурила глаз:

– Успел-таки.

Пастушок повернулся, колокольчик опять тихонько звякнул. Тётка Власта решила сорвать колокольчик, протянула руку и, почернев от злости, сначала превратилась в большую противную жабу, а потом кусочком льда быстро растаяла, оставив только мокрое пятнышко на тропе. Матвей испуганно посмотрел на сырое место, почесал затылок и вдруг услышал мелодию дудочки – отец спешил к поскотине...

Популярные книжные новинки

Владимир Волкович
www.knigi-market.ru

КНИГА ПЕРВАЯ. ГЛУБИНЫЙ РАЗЛОМ

КНИГА ВТОРАЯ. НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

18+

Союз писателей
ААУ

Побеги дерева Византийского

СТРАЖИ ПАНДЕМОНИУМА 16+

СЮЗЕН ДА СИЛЬВА
СТРАЖИ ПАНДЕМОНИУМА
ФЭНТЕЗИ

16+ ФЭНТЕЗИ

СЮЗЕН ДА СИЛЬВА

www.knigi-market.ru

М. З. ПАВЕЛ 16+

М. З. ПАВЕЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕТИ САВИНА

16+

www.knigi-market.ru

Союз писателей
ААУ

ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕТИ САВИНА

АННА ПЛЕХАНОВА

16+

100% ФЭНТЕЗИ

АННА ПЛЕХАНОВА
Загадки гигантской планеты
Фэнтези

16+

www.knigi-market.ru

Загадки гигантской планеты

Союз писателей
ААУ

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Наши услуги

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 300 руб. / страница прозы; 500 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске – 10 страниц. Возможна публикация больших произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. – 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ – по графику.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

Полный почтовый адрес:

Номер телефона:

Кол-во экземпляров журнала:

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужно):

На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги
(Яндекс.Касса) / Почтовый перевод

Ваш координатор:

Подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Программы Литературного агентства «Новые имена»:

- «Новые имена современной литературы»
- «Персональный литагент для поэтов»

Кроме того:

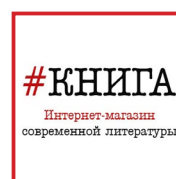
- сезонные и индивидуальные скидки;
- VIP-клуб литераторов;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться – присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

На полках наших магазинов
«Планета книг» и «#Книга»
более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

Журнал в социальных сетях

